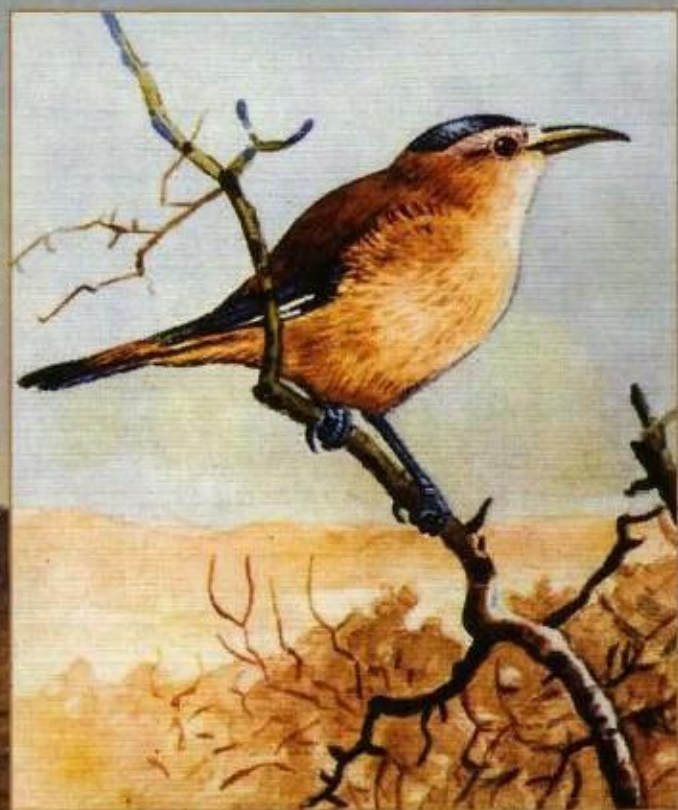

2 $\frac{08 - 64}{255}$

**СРЕДИ ЛЮДЕЙ И ПТИЦ:
орнитолог и путешественница
Е.В. Козлова
(1892–1975)**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Санкт-Петербургский филиал

**СРЕДИ ЛЮДЕЙ И ПТИЦ:
орнитолог и путешественница
Е.В. Козлова
(1892–1975)**

Издательство «Нестор-История»
Санкт-Петербург
2007

УДК 598.2 (092 Козлова)
ББК 28.693.53.г

Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е.В. Козлова (1892–1975). СПб.: Издательство «Нестор-История», 2007. 134 с., ил.

ISBN 978-5-9404-212-4

Ответственный редактор *А.И. Андреев*,
редактор-составитель *Т.Ю. Гнатюк*,
комментарии к текстам *А.И. Андреев*.

Приуроченная к юбилейной дате — 115-летию со дня рождения выдающегося орнитолога и путешественницы Е.В. Козловой (1892–1975), книга освещает её долгий жизненный путь и необычайно плодотворную научную деятельность. Даётся оценка роли Козловой в исследовании орнитофауны Центральной Азии. В Приложениях приводятся ценные документальные материалы из архива Музея-квартиры П.К. Козлова (экспедиционный дневник 1923 г., письма акад. П.П. Сушкина, подборка фотографий), а также список научных трудов Е.В. Козловой.

Книга рассчитана на специалистов-орнитологов, историков науки и исследователей природы Центральной Азии.

Among men and birds: the ornithologist and traveler E.V. Kozlova (1892–1975). A commemoration volume. SPb.: “Nestor-Istoria”, 2007. 134 p.

Editors — *A.I. Andreyev, T.Yu. Gnatiuk*.

This commemoration volume is occasioned by the 115th anniversary of the eminent ornithologist and traveler Elizaveta Vladimirovna Kozlova (1892–1975). The book examines Kozlova’s long life and extremely fruitful scientific activities; it also assesses her role as an explorer of the avifauna of Central Asia. The Appendix includes some unique documentary materials from the archive of the P. Kozlov Memorial Museum (Kozlova’s 1923 travel diary, letters to her from academician P.P. Sushkin, a selection of photographs) and a list of E.V. Kozlova’s publications.

The book is intended for ornithologists, science historians and students of the wild life of Central Asia.

ISBN 978-5-9404-212-4

© Коллектив авторов, 2007

© Издательство «Нестор-История», 2007

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник подготовлен к печати в связи с юбилейной датой — 115 лет со дня рождения Елизаветы Владимировны Козловой, одного из выдающихся орнитологов современности, чьи работы были признаны классическими ещё при жизни.

Творческая биография Е.В. Козловой настолько ярка и необычна, что приходится только удивляться тому, что её жизни и творчеству посвящено так мало литературы — только несколько небольших очерков в отечественных юбилейных и периодических изданиях. И это несмотря на то, что Е.В. Козлова и её труды получили самую широкую известность и международное признание.

Вся жизнь Е.В. Козловой, её многогранная творческая деятельность явились уникальным связующим звеном двух эпох, далеко не плавно перетекавших одна в другую. С одной стороны — это продолжавшаяся вплоть до начала XX века эпоха Великих географических открытий, а с другой — эпоха бурного роста всех отраслей науки, в том числе и естественных наук, с появлением блестящих исследований в самых различных отраслях знаний, начало которой падает на середину того же века. С самого начала своей творческой деятельности, связав свою судьбу со знаменитым исследователем Центральной Азии, учеником и соратником Н.М. Пржевальского — Петром Кузьмичом Козловым и приняв самое активное участие в изучении птиц Центральной Азии, она уже до конца дней своих не оставляла этого дела. Её капитальные работы в этой области уже были бы вполне достаточны, чтобы обессмертить её имя, но широкие научные интересы, энциклопедические познания и неиссякаемая страсть к творческой работе позволили Е.В. Козловой стать признанным мировым авторитетом в изучении систематики таких обширных и сложных групп птиц, как чистики, чайки и кулики.

Важная роль и огромная заслуга Е.В. Козловой перед отечественной наукой состоит ещё и в том, что, будучи одной из самых активных учениц крупнейшего орнитолога, основателя знаменитой ленинградской орнитологической школы, академика Петра Петровича Сушкина, она в течение своей долгой творческой жизни не только активно развивала идеи своего учителя, но и создавала новые направления в этой области, особенно в области изучения региональных фаун и функциональных аспектов морфологии птиц. И всем этим интеллектуальным богатством она щедро

делилась с молодыми исследователями, только лишь начинавшими свой путь в большую науку.

Автору настоящих строк посчастливилось полтора десятка лет проработать рядом с этим замечательным человеком. В те времена мы, молодые аспиранты и научные сотрудники Зоологического института, даже не подозревали, какой богатейший духовный мир скрывался за этим скромным, но полным глубокого достоинства внешним обликом Елизаветы Владимировны, постоянно поглощённой своей работой. Но мы интуитивно понимали, что эта работа — самое главное в её жизни. И, конечно же, мы очень мало знали о её жизни, весьма непростой и нелёгкой. Именно по этой причине публикация данного сборника очень важна, ибо содержит совершенно уникальные и до того нигде не публиковавшиеся материалы о жизни Елизаветы Владимировны, которые позволяют нам лучше понять и оценить по достоинству жизненный подвиг этого замечательного представителя российской интеллигенции. Это и биографический очерк, в котором использованы богатые архивные материалы и который впервые так подробно знакомит нас с различными периодами жизни Е.В. Козловой, и впервые публикуемая переписка Елизаветы Владимировны со своим любимым учителем и наставником П.П. Сушкиным, и многие другие материалы. В частности, здесь даётся оценка той роли, которую сыграла Е.В. Козлова в изучении фауны птиц Центральной Азии, этой огромной внутренней области Азиатского континента, остававшейся почти не изученной вплоть до середины XX столетия.

Этот юбилейный сборник подготовлен силами сотрудников мемориального музея-квартиры П.К. Козлова при Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники РАН, где Е.В. Козлова проживала вплоть до своей кончины, и сотрудников Зоологического института РАН, в стенах которого Е.В. Козлова проработала почти полвека.

Зав. Музеем ЗИН РАН
Р.А. Потапов

А.И. Андреев, Т.Ю. Гнатюк

Е.В. КОЗЛОВА — ПУТЕШЕСТВЕННИЦА, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АВИФАУНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Биографический очерк

Жизнь души так связана у меня
с теперешней моей работой...

Е.В. Козлова. Из дневника 1923 г.

В истории российской науки XIX – начала XX века имена женщин — учёных и одновременно путешественниц, стоявших во главе научных экспедиций в неисследованные области Азиатского континента, можно буквально сосчитать по пальцам: О.А. Федченко, А.В. Потанина, М.П. Черская, М.В. Моллесон. Но и эти редкие имена основательно забыты сегодня и находятся в тени куда более известных имён их мужей — А.П. Федченко, Н.Г. Потанина, И.Д. Черского и В.С. Моллесона. Лишь недавно появилась монография, посвящённая Ольге Александровне Федченко (1845–1921) — учёному-ботанику, путешественнице, художнице, члену-корреспонденту Петербургской Академии наук. К этой же славной плеяде относится жена и спутница знаменитого исследователя Центральной Азии П.К. Козлова — учёный-орнитолог Е.В. Козлова, многие годы проведшая в путешествиях по Монголии и Средней Азии. Рассказу о её непростом пути в науку и более чем полувековой интенсивной и необычайно плодотворной научной деятельности и посвящён настоящий очерк.

Елизавета Владимировна Козлова (урожд. Пушкарёва) родилась 18 августа 1892 г. в Красном Селе под С.-Петербургом в семье доктора медицины Владимира Иосифовича Пушкарёва. Отец заведовал местной больницей (Красносельский удельный госпиталь) и, кроме того, исполнял должность земского врача, много разъезжал по окрестным деревням. Мать, Вера Владимировна Пушкарёва (урожд. Черныгина), занималась домашним хозяйством

(до замужества работала фельдшерницей в Боткинских бараках, где и познакомилась с мужем). В семье был ещё один ребенок — сын Владимир, родившийся в 1889 г.

Пушкарёвы принадлежали к незнатному, нетитулованному дворянству. Согласно семейной легенде, начало роду положил простой крестьянин Курской губернии, прославившийся на поле брани в качестве артиллериста («пушкаря») в Отечественную войну 1812 г.¹, за что получил дворянский титул. На гербе Пушкарёвых изображены пушка, воин с копьём, ружьё и пылающее сердце. У отца Е.В. было двое братьев — Пётр и Герман, и сестра. Сын Германа, Сергей Германович Пушкарёв (1888–1984) — известный историк, эмигрировавший после революции в Прагу и затем в США².

Детство Е.В. прошло в деревенской обстановке — на природе. Впоследствии, вспоминая об этом счастливом времени, она напишет: «Летом мы с братом постоянно были на воздухе, катались на плоту по озеру с помощью багра и лазили по деревьям. Здесь, в ветвях старых лип, орешника, рябины и клёнов мы устраивали себе “жилища” и наслаждались относительной свободой. Часами сидели мы там с книжкой или наблюдали птиц в непосредственной близости. Мелких воробьиных, в особенности синиц, в те времена в Красном Селе было много, а людей не было совсем, так как в местный, так называемый “дворцовый” парк никого не пускали. Мы рано научились определять птиц по картинкам в детских книгах, в частности, много помогали книжки Кайгородова»³.

С раннего детства Е.В. отличалась самостоятельностью и серьёзным отношением к приобретению знаний — помимо естествознания, увлекалась литературой, историей, математикой, позже философией, свободно владела несколькими европейскими языками (немецким, французским и английским). Получила и домашнее «музыкальное образование» — хорошо играла на фортепьяно и фисгармонии.

¹ Устное сообщение Ю.Д. Пушкарёва, внучатого племянника Е.В. Герб рода Пушкарёвых находится в 9-й части «Общего гербовника дворянских родов Российской империи».

² О нём см.: *Яковлева Т.В.* Староста русских историков // *Пушкарёв С.Г.* Обзор русской истории. М.: Изд-во «Лань», 1999.

³ *Козлова Е.В.* Страницы моей жизни. Машинопись. 8 л., б. д. (ок. 1975). Архив Музея-квартиры П.К. Козлова (далее АМК). Ф. 2. Оп. 16. Д. 14. Л. 1. Книга Д.Н. Кайгородова «Из царства пернатых» (СПб., 1893) в то время пользовалась большой популярностью среди школьников. Этой книгой, между прочим, зачитывался Б.Н. Бугаев, в будущем известный поэт Андрей Белый.

В этом, прежде всего, сказалось влияние отца, к которому она питала особую привязанность и который всю жизнь являлся для неё высшим авторитетом и нравственной опорой в трудную минуту.

В возрасте двенадцати лет Елизавета Пушкина поступила в третий класс частной петербургской гимназии княгини А.Л. Оболенской. Её детские дневники той поры дают представление о формировании личности будущей путешественницы и учёного. Девочку мало волновали кавалеры, балы и прочие светские развлечения, характерные для её сверстниц из дворянских семей, но она искренне, по-взрослому переживала злободневные, большие события в жизни России и мира, как, например, русско-японская война⁴. Отчасти причиной этому послужил её врожденный физический дефект — вывих тазобедренного сустава. (Е.В. всю жизнь прихрамывала и, ещё не будучи в преклонном возрасте, ходила, опираясь на костыль.)

Окончив в 1910 г. гимназию с золотой медалью, Е.В. в том же году поступила в Императорский Женский педагогический институт, мечтая стать учительницей, но, проучившись три года, оставила занятия. Среди её наставников в этом престижном учебном заведении были такие маститые учёные, как Н.М. Каринский, И.А. Шляпкин, А.И. Введенский, Э.Л. Радлов⁵. Идеалом Е.В., как и многих девушек в то время в России, была героическая Мария Александровна Спиридонова, эсерка, застрелившая в 1906 г. (когда ей было только 22 года) усмирителя крестьянских восстаний в Тамбовской губернии Г.Н. Луженовского и приговорённая за это к вечной каторге. В письмах Е.В. к матери в 1910 г. читаем: «Если бы я могла быть хоть $\frac{1}{4}$ Марии Александр[овны]. Какое было бы счастье!»; «Мой идеал, которого я хотела бы достигнуть, — это Мария Ал[ександровна]»⁶. (Точно так же идеалом её матери в юности было христианское служение страждущему.)

⁴ См.: *Гнатюк Т.Ю.* Дневник: В начале долгой жизни // Автобус. Петербургский детский исторический журнал. 2004. № 3. С. 2–6.

⁵ Н.М. Каринский (1840–1917) — языковед, славист, член-корр. АН СССР (1925); член-корр. Рос. АН с 1921); И.А. Шляпкин (1858–1918) — историк древнерусской литературы, профессор Петербургского университета, член-корр. АН с 1907; А.И. Введенский (1856–1925) — философ, крупнейший представитель русского неокантианства; Э.Л. Радлов (1854–1928) — философ, член-корр. Российской АН (1920), член-корр. АН СССР (1925), директор Петербургской публичной библиотеки (1917–1924).

⁶ АМК. Ф. 2. Оп. 17. Д. 1240. Письма Е.В. Пушкиной к матери от 16 и 24 июня 1910.

В 1912 г. Е.В. вышла замуж за известного путешественника, исследователя Центральной Азии Петра Кузьмича Козлова (1868–1935) — событие, ставшее переломным в её жизни и судьбе. Познакомились они летом 1910 г. в маленьком курортном местечке Берк-пляж (Berck Plage) в Нормандии, куда Е.В. привезла тяжело больного брата, страдавшего от туберкулёзного спондилита. П.К. Козлов в то время находился на вершине славы — только что закончилась его большая Монголо-Сычуаньская экспедиция (1907–1909), увенчавшаяся открытием и сенсационными раскопками мертвого города Хара-хото на окраине гобийской пустыни, одного из оазисов загадочного тангутского государства Си-ся. Рассказы путешественника об удивительной природе Центральной Азии, о своём любимом учителе и друге Н.М. Пржевальском и годах, проведённых в странствиях вместе с ним в дебрях далёкой Азии, настолько поразили воображение и увлекли Е.В., что она влюбилась в уже немолодого и к тому же обременённого семейными узами человека (П.К. Козлов был женат и имел двоих детей, сына Владимира, впоследствии ставшего ученым-почвоведом, участником многих экспедиций, и дочь Ольгу). Ещё до вступления в брак она стала мечтать о путешествии в облачный Тибет, в Ахасу, чтобы увидеть воочию Далай-ламу, о котором ей много и увлечённо рассказывал Пётр Кузьмич, уже дважды встречавшийся с буддийским первосвященником и завоевавший его дружеское расположение. Сам же путешественник обнаружил в юной и романтической «институтке» родственную душу — «душу номада», как он говорил сам, словно воскресший образ своего безвременно умершего учителя, «Пшевы», и потому отныне и до конца жизни он будет называть свою жену ласковыми именами «Пшевик», «Пшевочка».

Венчание состоялось 15 июля 1912 г. в надвратной церкви Александро-Невской лавры и было довольно скромным. Обручил их знакомый священник, при этом поверенным со стороны невесты выступил Николай Петрович Горбунов (1892–1937), в будущем крупный советский государственный деятель, секретарь В.И. Ленина и управделами Большого Совнаркома. (Семьи Пушкарёвых и Горбуновых были соседями ещё в Красном Селе, Лиза Пушкарёва и «Коленька» Горбунов дружили с детства, и эта их дружба не прервалась, когда они вступили во взрослую жизнь.)

Осенью 1913 г. Е.В. вместе с мужем совершила поездку на оз. Иссык-Куль в Тянь-Шане к могиле Н.М. Пржевальского, где Императорское Русское географическое общество (РГО) отмечало 25-летие со дня смерти знаменитого путешественника, пионера русских ис-

следований Тибетского нагорья. «На Иссык-Куле, — вспоминала на склоне дней Е.В., — под руководством мужа я впервые научилась стрелять из дробового ружья, собирать и препарировать тушки птиц для музейных коллекций»⁷. То были её первые, ещё чисто любительские занятия орнитологией. Но главное состояло в том, что под влиянием П.К. Козлова Е.В. окончательно решила посвятить себя науке — изучению царства пернатых (по рассказам, из всех видов животных П.К. больше всего любил птиц) и, как и он, навсегда «заболела» Центральной Азией. П.К. собирался взять жену в свою следующую большую (трёхлетнюю) экспедицию в Тибет, организуемую РГО, которая должна была начаться в 1914 г. Готовясь к этому путешествию, Е.В. усердно ведёт наблюдения над птицами и делает свои первые орнитологические сборы на берегах Иссык-Куля.

Другим учителем Е.В. стал зоолог-энциклопедист, будущий академик Пётр Петрович Сушкин (1868–1928), в то время заведовавший кафедрой в Харьковском университете. Познакомились они в 1914 г. в знаменитом парке-заповеднике Аскания-Нова в Херсонской губ., куда Е.В. приехала вместе с мужем (впервые — летом 1913). Из Аскании Козловы двинулись в Харьков (там проживали дальние родственники Пушкарёвых) — осмотрели лабораторию Сушкина, горячо обсуждали планы предстоящей Тибетской экспедиции. Видя большую любознательность и тягу к науке Е.В., Сушкин предложил ей остаться на некоторое время в Харькове, обещая подготовить к экспедиции, но Е.В. не воспользовалась этой возможностью⁸.

Внезапно начавшаяся война нарушила планы П.К. Козлова — уже сформированную и готовую к отъезду экспедицию пришлось отложить до лучших времен. Е.В. принимала самое активное участие в снаряжении этой экспедиции. «Я очень быстро вошла в курс дела, — читаем мы в одной из её автобиографических записок, — заказывала в мастерских палатки, вьючные ящики и пр., а затем упаковывала походное имущество, которое находилось в здании РГО». Однако после того как П.К. Козлов доложил Совету РГО об окончании подготовительных работ и о намеченном составе участников экспедиции, Совет «деликатно, но решительным образом дал

⁷ Козлова Е.В. Страницы моей жизни... Л. 3.

⁸ Сведения об этой поездке содержатся в тетради Е.В., озаглавленной «Сушкин» (АМК. Л. 1–3 об). Записи в ней, сделанные, предположительно, И.А. Четыркиной, очевидно, со слов самой Е.В., относятся в основном к 1912–1914 гг. и 1928 г.

понять П.К., что участие женщины в такой поездке нежелательно. Для меня в те годы это было очень большим ударом судьбы...»⁹.

Война круто изменила жизнь Козловых — П.К., имевший военный чин полковника, был отправлен в распоряжение штаба 3-й Армии Юго-Западного фронта и некоторое время исполнял должность коменданта города Тарнов. Е.В. в его отсутствие стала работать медсестрой, или сестрой милосердия, как говорили тогда, в санитарном поезде. В 1915 г. П.К. Козлов был отозван с фронта и назначен начальником экспедиции по закупке скота для нужд действующей армии. Закупки производились в Северной Монголии, что позволило Е.В., перебравшейся с мужем в Иркутск (где находилась заготовительная контора), совершить несколько поездок по Восточной Сибири и Монголии. Своё первое путешествие из Иркутска через Забайкалье и Монголию в Ургу (совр. Улан-Батор) она совершила летом 1915 г. и позднее подробно описала в большом очерке, опубликованном в журнале «Землеведение». Этот очерк был её первой авторской публикацией¹⁰. В Урге Е.В. наблюдала пролёт птиц и затем, вернувшись в Иркутск, ей удалось проследить в одном из местных парков последний период пролёта и собрать небольшую коллекцию птиц в количестве около 50 экземпляров (25 видов). В этой связи любопытно отметить, что Е.В., как человеку романтического склада, натуре тонкой и впечатлительной, поначалу было трудно стрелять птиц. Так, увидев на поляне очень красивую синюю славку, она не спешит приобщить её к своей коллекции: «Я несколько раз прицеливалась в бойкую красавицу-птичку, но долго не решалась стрелять... Слишком она была хороша!»¹¹.

По возвращении (в начале 1917 г.) в Петроград, в квартиру на Смольном пр., 6. (где Козловы поселились после свадьбы), Е.В. много занималась переводами с иностранных языков. Это были в основном книги и статьи о Центральной Азии западных исследователей и путешественников, необходимые для П.К. Козлова, работавшего одновременно над двумя книгами — о Тибете и Далай-ламе и о своей знаменитой Монголо-Сычуаньской — «Характеристической» — экспедиции.

Февральская революция поначалу не внесла каких-то серьезных изменений в жизнь и домашний уклад Козловых и Пушкарё-

⁹ АМК. Ф. 2. Оп. 16. Д. 1671. Автобиография Е.В. Козловой (черновик). Предположительно написана в конце 1930-х.

¹⁰ Козлова Е.В. Поездка в столицу Монголии, Ургу // Землеведение. 1916. Кн. III–IV. С. 1–41.

¹¹ Там же. С. 40.

вых. Отец Е.В. продолжал работать врачом при Главном управлении уделов в Петрограде, куда поступил в 1905 г. (Пушкарёвы проживали в том же доме, что и чета Козловых). Брат Е.В., В.В. Пушкарёв, юрист по профессии, служил в Министерстве финансов в особой канцелярии по кредитной части. Летом 1917 г. вместе с женой (Е.В. Шаховской) он выехал по поручению Временного правительства в США в составе дипломатической миссии Б.А. Бахметева¹². Октябрьский переворот принёс и Козловым, и Пушкарёвым куда более радикальные перемены. П.К., благодаря протекции Н.П. Горбунова, был назначен в конце 1917-го правительственным комиссаром по охране Аскании-Нова (по инициативе Академии наук и Природоохранительной комиссии РГО), куда и отправился вместе с Е.В. Это было далеко не худшим назначением, принимая во внимание тот факт, что большевистский переворот П.К. Козлов встретил в чине генерал-майора царской армии. Отец Е.В. устроился врачом стационарного отделения на Невском судостроительном заводе; мать в голодном 20-м пошла работать на тот же завод фельдшерницей. Брат Владимир, вернувшись из США, вскоре уехал в Китай, где сперва работал в Русско-Азиатском банке в Шанхае, а затем (с ноября 1920 г.) состоял членом правления КВЖД в Харбине.

В Аскании-Нова Е.В. пробыла полтора года. Занималась в основном наблюдениями над жизнью и поведением птиц в условиях неволи. О своих впечатлениях она поведала в небольшом очерке (в виде письма ботанику В.И. Галиеву), опубликованном в 1918 г. Харьковским обществом любителей природы¹³, и в первой самостоятельной книге «Аскания-Нова. Зоопарк в южно-русских степях» (Петроград, 1923). Этот труд Е.В. был опубликован благодаря энергичной поддержке А.П. Семенова-Тян-Шанского¹⁴ (на тот момент — товарища председателя Природоохранительной комиссии и председателя постоянной Биогеографической комиссии РГО), направившего в Госиздат свой весьма хвалебный отзыв. В нём известный зоолог и географ отмечал несомненные научные и в то

¹² Б.А. Бахметев (1880–1951) — инженер-гидравлик, до 1917 г. профессор Петроградского политехнического института; меньшевик, затем кадет. В 1917 г. назначен Временным правительством послом России в США.

¹³ *Козлова Е.В.* Письма из «земного рая» (Аскания-Нова) // Бюл. Харьк. о-ва любителей природы. 1918. № 1. С. 1–6.

¹⁴ А.П. Семенов-Тян-Шанский (1866–1942) — энтомолог, сотрудник Зоологического музея РАН, член РГО (с 1899), поэт, переводчик Горация. Обработывал энтомологические коллекции Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова. Друг семьи Козловых.

же время художественные достоинства книги: «Общая характеристика заповедника и зоопарка Аскания-Нова, в которую искусно вставлен мастерски написанный портрет покойного автора этого высокого культурного создания, Ф.Э. Фальц-Фейна¹⁵, перемежается с высоко художественными картинками из жизни животных в зоопарке. Картинки эти, достойные пера Брэма или известного американского писателя Сэтон-Томпсона, не имеют себе равных в русской научно-популярной литературе. Они пробуждают лучшие чувства читателя, возбуждая и удовлетворяя его любознательность и поддерживая в нём любовное и бережно-покровительственное отношение к животному и растительному миру»¹⁶.

И действительно, Е.В., судя по книге, обладала редкостным, столь необходимым для натуралиста умением наблюдать природу — «из засады», притаившись где-нибудь в высокой траве или озерных камышах. «В этом тихом, молчаливом подсматривании жизни природы, — пишет она, — скрывается такое очарование, равное которому человек едва ли может испытать при постоянном общении с другими людьми»¹⁷. Аскания предстаёт перед читателем в виде райской идиллии, хотя жизнь Козловых в заповеднике была далека от идиллической. Начиная с 1918 г. Аскания-Нова, расположенная в 35 км от Перекопа, являлась ареной кровопролитных боёв. Пьяные солдаты прямо в загонах устраивали охоту на экзотических животных, уничтожали и грабили оборудование лабораторий, коллекции библиотеки и музея. Самого П.К. Козлова дважды пытались расстрелять, и лишь чудом он избежал смерти¹⁸.

Вернувшись в Петроград, Козловы столкнулись с новыми проблемами. Не состоящей на службе Е.В. пришлось срочно обзавестись удостоверением домового комитета бедноты дома № 6 по Смольному проспекту, в котором говорилось, что «она проживает в этом доме, в квартире № 32 и занимается вместе с мужем научными географическими исследованиями, в Географическом Обще-

¹⁵ Ф.Э. Фальц-Фейн (1863–1920) — барон, владелец имения Аскания-Нова. О нём и созданном им парке-заповеднике см.: *Фальц-Фейн В.* Аскания-Нова. Киев, 1997.

¹⁶ Отзыв А.П. Семенова-Тян-Шанского хранится в АМК (рукопись на 4-х стр., б. д).

¹⁷ *Козлова Е.В.* Аскания-Нова. Зоопарк в южно-русских степях. Пг., 1923. С. 61–62.

¹⁸ См.: *Борейко В.Е.* Петр Кузьмич Козлов: малоизвестные факты природоохранительной деятельности // Известия РГО. 1993. Т. 125. Вып. 5. С. 65.

стве (Демидов, 8а)»¹⁹. А месяц спустя (в ночь с 5 на 6 июня) Петрочка провела обыск в квартире Козловых и конфисковала найденное там оружие, в том числе четыре охотничьих ружья, некогда подаренных Козлову Пржевальским и бережно хранимых им с тех пор как память о своём учителе. В результате в дело было вынуждено вмешаться руководство Наркомпроса Союза коммун Северной области в лице заместителя народного комиссара З.Г. Гринберга, поскольку П.К. официально (с 1 мая 1919) состоял на службе в этом учреждении (в распоряжении замнаркома)²⁰. Затем, летом того же года, власти (Совдеп Рождественского района) попытались выселить Козловых из квартиры, дабы разместить в ней «сов. учреждение»²¹. Немало усилий П.К. пришлось приложить и для того, чтобы получить доступ к содержимому его собственного сейфа в одном из отделений Народного банка (быв. Московско-Купеческий банк), в котором хранилась часть его уникальной коллекции монгольских и китайских табакерок, награды (золотые медали) РГО и западноевропейских географических обществ, а также заготовленные в 1914 г. для Тибетской экспедиции ценные подарки для Далай-ламы²². (Что касается снаряжения несостоявшейся экспедиции Козлова, то его значительная часть, хранившаяся в помещении РГО, была реквизирована и поступила в распоряжение Штаба Красной Армии.)

Особенно остро в годы гражданской смуты стоял для Козловых вопрос об обеспечении себя и престарелых родителей Е.В. продовольствием. Осенью 1919 г. (во время наступления Юденича) супруги, как и многие другие представители интеллигенции, покинули голодный Петроград и перебрались в деревню Старо-Барское в Новгородской губернии, рассчитывая, что там будет легче добыть пропитание. Однако и в деревне жизнь была нелёгкой. Деньги за продукты никто брать не хотел, предпочитая обменивать их на предметы первой необходимости (соль, мыло, спички, материя, одежда, обувь). Письма Е.В. этого периода к родителям, оставшимся в голодном Петрограде, наполнены болью и заботой о них. Насколько могла, она старалась облегчить их участь, посылая с оказией — через крестьян, отправлявшихся по своим делам в город, то небольшое, что ей удавалось добыть. Лишь в начале 1920 г. П.К. Козлов стал получать академический (цекубовский) паёк, которым щедро делился с родителями жены.

¹⁹ АМК. Ф. 2. Оп. 15. Д. 13/1573. Удостоверение датировано 6 мая 1919.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–3, 16.

²¹ Там же. Л. 14–15 об.

²² Там же. Л. 13.

Находясь в деревне — в «новгородских лесах» — в непривычной для себя обстановке, Е.В. не гнушалась никакой работой — занималась с крестьянскими детьми, копала грядки в огороде. Эта каждодневная забота о хлебе насущном, однако, не убила в ней пытливости учёного. Она живо интересуется бытом крестьян — записывает местные поговорки, приметы, гадания, особенности новгородского говора. И каждый день ходит в лес, где ведёт орнитологические наблюдения. Жизнь в Новгородском крае вдохновляет её написание серии рассказов, озаглавленных «В Старовских лесах»²³. В одной из записей в дневнике 1921 г. она пытается сформулировать своё жизненное кредо: «Для того чтобы видеть красоту мира, необходимо быть натуралистом... Но этого мало. Натуралист должен быть, кроме того, эстетом. Он должен уметь смотреть поверх всех деталей, над которыми работает, смотреть с известной перспективой, и, обнимая сразу все явления окружающей жизни, воспринимать их как красоту»²⁴.

Весной 1920 г. Козловы переехали из Старо-Барского в Стречно (в той же губернии), где Е.В. устроилась работать учительницей в местную школу. Это несколько облегчило их положение, поскольку учителям полагалось казенное жильё, оклад и небольшой продовольственный паёк. Е.В. принялась за работу с энтузиазмом и огромным усердием, отдавая ей себя целиком, без остатка. «Вероятно, неразумно отдавать ребятам столько сил, — записывает она в дневнике, — но я отдаю их, иначе не умею. Я всё отдаю, что могу, что имею доступного для них, и каждый день чувствую, что много сил ушло»²⁵.

Несмотря на трудности с освещением (за отсутствием электричества, жгли лучину и пользовались керосиновой лампой), Е.В. много и увлечённо читает, в основном западноевропейских авторов — Кант, Гёте, Шатобриан, Гюго, Байрон, Шелли (в подлинниках и в русских переводах). Книги ей присылает из Петрограда бывший её наставник профессор Э.Л. Радлов, с которым она сблизилась в годы обучения в Женском педагогическом институте (впоследствии директор Публичной библиотеки). Их переписка начала 1920-х свидетельствует о тёплых доверительных отношениях — Е.В. посылает Радлову свои рассказы и стихи, просит совета в затруднительных житейских ситуациях. Справедливости ради следует отметить, что власти в этот период пытались оказать помощь знаменитому пу-

²³ АМК. Ф. 2. Оп. 19. Д. 1617 (несколько рукописных тетрадей).

²⁴ АМК. Ф. 2. Оп. 19. Д. 1646. Запись от 13 ноября 1926.

²⁵ АМК. Ф. 2. Оп. 19. Д. 1649. Запись от 1 декабря 1921.

тешественнику и его жене. В конце декабря 1919 г. Петроградский наркомат просвещения обратился в Старорусский отдел народного образования со следующим письмом: «Ввиду того, что гр. Козлов со своим секретарём Елизаветой Владимировной Козловой ведёт научные описания и разработки, им обоим нужно освещение, средства оповещения, питания и пр., Наркомпрос убедительно просит поставить гр. Козловых в лучшие условия»²⁶.

В дошедших до нас письмах Е.В. тех лет отсутствует какая-либо критика в адрес новых властей России, тем не менее, в них изредка, между строчек, проскальзывает живой отклик на те или иные взволновавшие её события. Так, узнав об аресте (в начале сентября 1919 г.) и затем освобождении одного из старых друзей П.К., непременного секретаря РАН акад. С.Ф. Ольденбурга, Е.В. посылает ему письмо, в котором выражает сочувствие выпавшим на его долю «тяжелым переживаниям» и радость «по поводу благополучного окончания всех недоразумений»²⁷.

Жизнь Козловых, однако, постепенно налаживается. В начале 1920-х Госиздат одну за другой издает две книги П.К.: «Тибет и Далай-лама» (1920) и «Монголия и Амдо и мертвый город Харахото» (1923) (в написании последней Е.В. оказала мужу большую помощь) и уже упоминавшуюся нами книгу Е.В. Козловой «Аскания-Нова». В 1922 г. советское правительство поддержало проект Козлова о возобновлении несостоявшейся в 1914 г. Тибетской экспедиции, выделив на неё 100 тыс. рублей золотом и дополнительно 4 тыс. на подарки Далай-ламе. Этой экспедиции, однако, было не суждено побывать в Тибете — накануне её выезда из Петрограда в июне 1923 г. в ОГПУ поступил донос на Козлова, в котором он обвинялся в «белогвардейских настроениях», в результате чего власти не выпустили его отряд за пределы Монголии. Таким образом, Тибетская экспедиция превратилась в Монгольскую²⁸. Е.В. приняла участие в этом путешествии в качестве специалиста-орнитолога и одного из старших помощников П.К. Козлова.

Готовиться к этой экспедиции Е.В. начала в 1922 г. в орнитологическом отделении Зоологического музея, занимаясь под ру-

²⁶ ЦГА СПб. Там же. Л. 4. Заявление НКП датировано 23 декабря 1919 г.

²⁷ Архив СПб Ф РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 273. Л. 1 (письмо от 5 октября 1919). В архиве сохранилось 5 писем Е.В. к С.Ф. Ольденбургу 1919–1929 гг.

²⁸ Боле подробно об этой экспедиции см.: *Андреев А.И., Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74.

ководством П.П. Сушкина систематикой птиц. Регулярно посещая это отделение, она знакомилась с богатейшими орнитологическими и другими музейными коллекциями. Е.В. позднее вспоминала, что П.П. был очень требователен и строг к ней, и она едва успевала справляться с чтением большого количества обязательной литературы, прежде всего по вопросам эволюционной теории, а также по исторической и полевой геологии. П.П. Сушкин считал, что это очень важно для исследователя Центральной Азии, поскольку помогает проследить ход развития центральноазиатских, в частности, горных ландшафтов²⁹. «Я до сих пор помню, — писала Е.В., — увлекательные беседы с Петром Петровичем на тему четвертичного оледенения, следы которого так хорошо видны в горных областях Монголии, а также в основных чертах рельефа, характеризующих относительно молодые и относительно древние горные системы»³⁰.

Несомненно, П.П. Сушкин сыграл первостепенную роль в становлении Е.В. Козловой как ученого-орнитолога. Сама она считала, что именно ему обязана всеми своими научными достижениями. Здесь надо отметить, что П.П. Сушкин собрал и объединил в стенах Зоологического музея в 1920-е гг. целую плеяду молодых и талантливых орнитологов, своих учеников и последователей, составивших впоследствии основной костяк советской орнитологии (Н.Н. Сушкина — жена П.П., А.Я. Тугаринов, А.И. Иванов, Б.К. Штегман, Л.А. Портенко, Л.М. Шульпин, П.В. Серебровский), к которым примкнула и Е.В. Козлова. Перед отъездом своей подопечной в экспедицию П.П. Сушкин вручил ей составленную им «памятку по орнитологии»³¹. В ней он указал местности по пути следования экспедиции, наиболее интересные с точки зрения орнитолога (Кяхта — Урга, Гобийский Алтай, Центральная Гоби), дал конкретные рекомендации — где и как делать сборы, наблюдать пролёты и т. д., и составил список птиц, которых в первую очередь следовало заполучить в коллекцию Зоологического музея.

В Монгольской экспедиции Е.В. провела три года (1923–1926). В круг её обязанностей входили не только сугубо орнитологические исследования (наблюдения птиц, ведение сборов), но и маршрутно-глазомерная буссольная съёмка местности, вычерчивание карт (некоторые из её картографических работ сохранились в архиве Музея-квартиры П.К. Козлова). Помощниками Е.В. по сбору

²⁹ АМК. Ф. 2. Оп. 16. Д. 14.

³⁰ Козлова Е.В. Страницы из моей жизни. Л. 4.

³¹ АМК. Сушкин П.П. Памятка по орнитологии. Рукопись. Л. 1–3.

птиц являлись препараты В.М. Канаев и В.А. Гусев. На заключительном этапе экспедиции (весной 1926 г.) Е.В., по поручению П.К. Козлова, совершила большую экскурсию к озеру Орок-нор у подножия Гобийского Алтая для изучения орнитофауны этого практически неисследованного района. Это была её первая большая самостоятельная работа. У оз. Орок-нор отряд Е.В. провёл около трёх месяцев (апрель — середина июня), после чего переместился на северный склон массива Ихэ-богдо. Работа в районе Гобийского Алтая и озёрной котловины была напряжённой и довольно разнообразной. Основная задача состояла в наблюдении над весенней миграцией птиц и над гнездованием местных видов. Кроме этого производились маршрутно-глазомерная съёмка берегов озера и промеры глубин водоема, для чего использовалась складная брезентовая лодка. Е.В. и её помощники также занимались сбором млекопитающих (грызунов), пресмыкающихся, насекомых и составляли ботанический гербарий. Эта работа, впрочем, оказалась далеко не безопасной: однажды при раскопке норки грызуна Е.В. укусил в обе руки щитомордник. Об этом происшествии, едва не стоившем ей жизни, она впоследствии рассказывала довольно буднично, как о «маленькой неприятности»: «В результате с неделю сильно болела правая рука, и около двух недель мне пришлось писать дневники левой рукой»³². Вылечили её местные монголы.

Помимо упомянутых исследований в Гобийском Алтае, Е.В. занималась изучением орнитофауны горной тайги Юго-Западного Кэнтея и Восточного Хангая, низовьев р. Эцзин-гол (в Центральной Гоби), степей в районе Урги. Она также принимала участие в разборе археологического материала из курганов Ноин-Улы, раскопки которых явились главным достижением Монгольской экспедиции. Необычайно интересен её экспедиционный дневник³³. Его страницы отражают непростое и порой мучительное становление личности исследователя, формирование профессиональных навыков. Многие записи носят глубоко интимный, исповедальный характер, раскрывают богатый внутренний мир путешественницы, её тревоги, сомнения и душевные переживания. Из них мы также узнаем о книгах, которые Е.В. читала во время путешествия, большинство из которых были религиозно-философского содержания, — это

³² АМК. Ф. 1. Оп. 8. Д. 9/1478. *Козлова-Пушкарёва Е.В.* Монгольская экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг. (Доклад в Географическом обществе, 17 февраля 1959). Рукопись.

³³ Там же. Ф. 3. Оп. 9. Д. 9 (Экспедиционный дневник Е.В. Козловой. Рукопись).

Библия (Книга пророка Исаи, Евангелия), Бхагавадгита, А. Шопенгауэр, Н.А. Бердяев («Христос и христианство»), С.Л. Франк («Философия и жизнь»), Ф. Ницше («Так говорил Заратустра», «Радостная наука»), Ф. Шлейермахер, Р. Штейнер, Л.П. Карсавин, Г. Мейринк («Голем»), Г. Гессе, Р. Киплинг. Пытаясь дать выход владевшим ею чувствам, Е.В. много и увлечённо писала стихи — ими переполнен её дневник. Именно в этот период у неё завязались необычайно тёплые, дружеские отношения с одним из участников экспедиции — композитором и музыковедом С.А. Кондратьевым, оказавшимся по своим душевным качествам наиболее близким ей человеком³⁴. Вот, например, какую характеристику в своём дневнике С.А. Кондратьев дал Е.В. в начальный период путешествия: «Ей 35 лет. Очень опрятна, прихрамывает. Говорит немного. Тактична, нетороплива. Хорошо знает П.К. и с большим умением приспосабливается к совместной жизни с ним. Втайне несколько свысока относится к нему за то, что лучше знает его, чем он её; но подчиняется его мужскому началу и воле. Очень ревниво относится к Святому святых своей души. Глаза открытые, но в то же время необыкновенно скрытые. — Кажется, прилично знает зоологию (mamalia и птиц), хорошо стреляет, но не думаю, чтобы естественно-исторические интересы главным образом влекли её в Азию. Любит музыку. Воспринимает её гораздо полнее и тоньше, чем муж. Когда мы ехали по ж. д., то однажды я невольно подслушал, как в пустом коридоре из открытого окна декламировала в ночь стихи (Бальмонт, Соловьев), при этом с большой страстностью. Наверное, у ней самой есть стихи, которые она старательно прячет и никому о них не говорит. Е.П. [Горбунова]³⁵ как-то на днях сказала мне, что Ел. Вл. очень религиозна, при этом — в отношении обрядов. Я же думаю, что за выполнением обрядов в ней живут метафизические потребности своеобразной композиции. В общем из всех членов

³⁴ С.А. Кондратьев (1896–1970) — выпускник физико-математического факультета Петроградского университета, музыкант, музыковед, исследователь музыкального фольклора монголов, фактически руководил раскопками Ноин-Ульских курганов на их начальной стадии. О нём см.: *Кульганек И.* О научном наследии и творческой личности С.А. Кондратьева. Предисловие к Путевому дневнику С.А. Кондратьева // Бюллетень Общества востоковедов. 2003. Вып. 3. С. 8–28; *Кульганек И.В., Жуков В.Ю.* Монголия в судьбе С.А. Кондратьева. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005.

³⁵ Е.П. Горбунова (1888–1973) — участница Монгольской экспедиции, сестра Н.П. Горбунова.

экспедиции Ел. Вл. наиболее замкнута, хотя часто старается поддерживать “непринужденный” разговор с товарищами»³⁶.

Находясь в Монголии, Е.В. поддерживала тесную связь с Зоологическим институтом, прежде всего с заведующим орнитологическим отделением П.П. Сушкиным — регулярно посылала ему посылки со сборами, консультировалась по вопросам видового определения добытых особей. П.П. Сушкин отзывался с похвалой о работе Е.В., в то же время давал ей советы и рекомендации — «инструкции», где и как наблюдать, ловить и препарировать птиц. Познакомившись с предварительным отчётом Е.В. весной 1924 г., Сушкин отмечал его главный недостаток — излишнюю литературность, антропоморфизм в описаниях природы. «Вы пишете хорошо. У Вас есть чутье природы и наблюдательность, нужно только дальше пользоваться ею. Далее. Вы хорошо передаёте настроение — не авторское, чем многие злоупотребляют (иной раз хочется такому автору сказать: да какое мне дело, что ты почувствовал; ты напиши так, чтобы я почувствовал), — а именно то настроение, которое разлито в природе и сообщается наблюдателю. Но следует избегать антропоморфизации, навязывания природе или зверю своих чувств, и избегать метафор. Очень хорошо у Л. Толстого, что “белые бабочки летали как раскислые”, и очень дурно у Чехова, когда степь прячется под тучей как жиденята под одеялом или гром гремит, словно кто босиком идёт по крыше. Вот и у Вас: очень хорошо про коршуна, а зачем он летает “дозором”? Похоже, но это человеческое. Очень хорошо Вы описываете, как поют завирушки. Но почему они “собирают корм, бросая наблюдателю, как бы между делом, свою тихую песню”. Ведь про наблюдателя они и не думают; выпустите это слово — получится и красиво и правдиво»³⁷.

Монгольская экспедиция вернулась в Ленинград осенью 1926 г. Собранная Е.В., совместно с препараторами В.М. Канаевым и В.А. Гусевым, орнитологическая коллекция составила около 1700 экземпляров птиц. Обработкой этой огромной коллекции Е.В. занималась в последующие два года в Зоологическом музее под непосредственным руководством П.П. Сушкина. Исследования Е.В. получили высокую оценку научных кругов СССР — 3 апреля 1927 г., на основании сделанного ею сообщения об участии в Монгольской экспедиции, она была принята в члены РГО, а в следующем году Совет РГО присудил ей малую серебряную медаль Общества за полевую

³⁶ Путевой дневник С.А. Кондратьева. С. 62–63.

³⁷ АМК. Ф. 4. Оп. 22. Д. 23/1593. Письмо от 7 мая 1924 г.

работу и обработку птиц Монголии. Со своей стороны, Русское Общество любителей мироведения также выразило Е.В. глубокую благодарность за переданные ему материалы по фенологии, собранные в Северной Монголии. «Сопоставление их с уже имеющимися материалами, — говорилось в письме заведующего фенологическим отделом РОЛМ, — позволяет выяснить некоторые особенности пролёта птиц в этой области, до сего времени почти совершенно не исследованной в этом отношении»³⁸.

Результатом обработки собранной коллекции стал первый большой научный труд Е.В. — монография «Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби», увидевший свет в 1930 г. В этой работе была дана физико-географическая характеристика обширного региона исследования (рельеф, климат, водоёмы, растительность) и приведён систематизированный перечень птиц. При подготовке этой монографии Е.В. использовала не только собственные сборы, но и обширные коллекции Зоологического музея, в том числе сборы прежних путешествий П.К. Козлова, обработанные и описанные В.А. Бианки³⁹. Основные положения этой капитальной сводки были опубликованы на английском языке по просьбе Британского орнитологического союза в центральном журнале английских орнитологов «Ibis» в 1932–1933 гг.⁴⁰ Ею была также написана статья по систематике и экологии некоторых редких центральноазиатских птиц⁴¹.

1920-е годы принесли Е.В. не только много радостей как начинающему ученому, но и немало горестей и боли. Один за другим из жизни уходят самые дорогие ей люди — в 1924 г. умер отец (годом ранее вместе с женой он эмигрировал в Чжаланьтунь под Харбином, где жил на иждивении сына, будучи не в состоянии прокормить себя в Петрограде), в 1926 г. умер брат Владимир (после него остался малолетний сын Дмитрий), и, наконец, осенью 1928 г. скоропостижно скончался находившийся в санатории в Кисловодске любимый учитель — акад. П.П. Сушкин. Смерть Сушкина Е.В.

³⁸ АМК. Ф. 2. Оп. 15. Д. 24/1711. Письмо датировано 9 декабря 1926 г.

³⁹ В.А. Бианки (1857–1920) — крупнейший российский орнитолог, сотрудник Зоологического музея АН, заведующий орнитологическим отделением (до П.П. Сушкина).

⁴⁰ *Kozlova E.* The birds of South-West Transbaikalia, Northern Mongolia, and Central Gobi // *Ibis*. 1932. Vol. II. P. 316–347, 405–438, 567–596; 1933. Vol. III. 3. P. 59–87, 301–332.

⁴¹ *Козлова Е.В.* К орнитофауне Центральной Азии // Ежегодник Зоологического музея АН СССР. Л., 1928. Т. XXIX. С. 271–278.

переживала тяжелее всего. В её личном дневнике мы находим такую запись: «17. IX, без десяти шесть утра, он умер. Мой учитель умер... Во внешней жизни, в научной работе, в возможности самостоятельного проявления моих сил — крушение, полное и непоправимое. Конец всего. Я не могу жить научной работой. Это — лишь забава. И если кто вдохновлял меня на неё — это он, ушедший. Радость его каждому достижению моему, каждому новому слову, радость почувствовать себя звеном его блестящих обобщений, выводов — все умерло. И, Боже мой, что делать теперь — не знаю»⁴². Сохранились любопытные воспоминания Е.В. о Сушкине и обстоятельствах его смерти⁴³, а также её краткая характеристика учёного. В ней Е.В. Козлова отмечала наиболее значительные достижения своего учителя — П.П. Сушкин был 1) самым выдающимся зоогеографом нашего времени, «наметившим главнейшие вехи истории фауны азиатского материка», 2) блестящим палеонтологом и морфологом, впервые (после В.О. Ковалевского) внедрившим в русскую палеонтологию экологический метод исследований на материале северо-двинских ископаемых и 3) морфологом-систематиком. «Сушкиным как зоогеографом впервые разработаны вопросы: о древних очагах центральноазиатских пустынь, о связях высокогорных фаун материков Азии и Северной Америки и о значении “Беринговой суши” в обмене между этими фаунами. Выдвинуты соображения о центре возникновения таёжной фауны. В общей схеме предложены концепции формирования горных фаун Евразии и Южной Америки»⁴⁴.

Е.В. удалось преодолеть шок, вызванный утратой учителя, и она вновь вернулась к своим исследованиям. Летом 1929 г. Монгольская комиссия АН СССР командировала её в МНР в качестве начальника зоологического отряда экспедиции для исследования альпийской зоны Хангая. Отрядом Е.В. Козловой была обследована высокогорная область магистрального Хангая в районах Отхон-Тенгри и западной части хребта Тарбагатай, собраны обширные коллекции, в том числе 515 экземпляров птиц и 100 экземпляров млекопитающих. Во время этой экспедиции Е.В. велась маршрутно-глазомерная съёмка нового караванного пути от г. Улясутай до оз. Косогол (около 800 км). Одним из главных достижений Хангайской экспедиции, по мнению самой Е.В., была «добыча больших серий высокогорных птиц, не имевшихся ни в одном из мировых

⁴² АМК. Дневник Е.В. Козловой.

⁴³ АМК. Тетрадь «Сушкин». Л. 1–3 с об.

⁴⁴ АМК. *Козлова Е.В.* Академик П.П. Сушкин. 1868–1928. Рукопись. 1 л.

музеев»⁴⁵. Отчётом о проделанной работе явился труд «Птицы высокогорного Хангая» (1932)⁴⁶, а также ряд монографических очерков.

В 1931 г. последовала ещё одна экспедиция Е.В. в Монголию (также организованная Монгольской комиссией Академии наук) с целью исследования восточного Кентея в области истоков р. Керулен. Помимо орнитологических сборов, возглавляемый Е.В. Козловой зоологический отряд занимался изучением промысловых млекопитающих края. Результаты Кентейской экспедиции были суммированы в работе «Птицы и промысловые млекопитающие восточного Кентея» (1933)⁴⁷. Впрочем, сама Е.В. осталась не очень довольна её итогами: «Моя поездка в Монголию была очень трудной и её успехи далеко не блестящими, — писала она одному из ведущих английских орнитологов, издателю журнала «Ibis» С. Тайсхерсту. — Я посетила восточную часть Кентея, в истоках реки Керулен, надеясь найти здесь богатую альпийскую фауну в горах, где никогда не бывали зоологи. К сожалению, орнитофауна этого района оказалась довольно бедной»⁴⁸. Журнал «Ibis», помимо уже упоминавшейся сводки Е.В. Козловой по результатам её орнитологических наблюдений в составе экспедиции П.К. Козлова в 1923–1926 гг., также опубликовал ещё одну работу Е.В., заслуживающую упоминания здесь — о подвидах сибирского вьюрка (*Leucosticte arctoa*)⁴⁹.

Наряду с этими двумя самостоятельными путешествиями по Монголии Е.В. Козлова дважды (в 1928 и 1929 гг.) ездила в Крым (в Коктебель, где находилась биостанция) и по пути вновь побывала в асканийском заповеднике. Находясь на отдыхе в Кисловодске в 1929 г., она познакомилась с известным поэтом и художником Максимилианом Волошиным и затем посетила его дом в Коктебеле. Между Волошиным и Е.В. сразу же установились дружеские отношения. Волошин оказался обаятельным и чрезвычайно эруди-

⁴⁵ АМК. Автобиография Е.В. Козловой-Пушкарёвой. Рукопись на 3-х л., б. д. Л. 1.

⁴⁶ Козлова Е.В. Птицы высокогорного Хангая по наблюдениям зоологического отряда Монгольской экспедиции 1929 г. // Труды Монг. комис. АН СССР. 1932. № 3. (93 с.).

⁴⁷ Опубликована в Трудах Монг. комис. АН СССР. 1933. № 10. (48 с.).

⁴⁸ АМК. Ф. 2. Оп. 15. Д. 54/1610. Письмо Е.В. Козловой С. Тайсхерсту датировано 20 января 1932 (написано по-английски).

⁴⁹ Kozlova E. On the forms of the *Leucosticte arctoa* (Pall.) // Ibis. 1934. Series 13. Vol. IV. № 2. P. 292–301.

рованным человеком. Он часами мог беседовать со своими гостями о ботанике, археологии, истории и путешествиях. Е.В. рассказывала о своих экспедициях в Монголию, но больше всего о чудной, «райской» Аскании. Кто-то из друзей Волошина дал Е.В. шутовское прозвище — «Аскания-Нова»⁵⁰. При расставании Волошин подарил своей милой гостье две миниатюрные акварели с крымскими пейзажами, которые ныне украшают кабинет в Музее-квартире П.К. Козлова⁵¹.

Полевые исследования в Аскании-Нова и Монголии, начатые под руководством П.К. Козлова и П.П. Сушкина и успешно продолженные затем вполне самостоятельно, сформировали Е.В. как учёного-орнитолога и явились наиболее плодотворным периодом на раннем этапе её научной карьеры. В 1931 г. она становится научным сотрудником орнитологического отделения только что созданного на базе знаменитого Зоологического музея Зоологического института АН, а в 1933 г. её переводят на должность старшего научного сотрудника. В ноябре 1934 г. Е.В. Козловой была присвоена учёная степень кандидата биологических наук без защиты диссертации. Впоследствии, вспоминая годы, проведённые в экспедициях по Монголии, Е.В. называла их «самым светлым периодом» своей жизни. «Я любила в Монгольской Народной Республике всё: холмистые, ароматные полынные степи с редким населением, тихие озёра со стаями непуганных гнездящихся птиц, табуны мчащихся полудиких коней, управляемых одним монголом с лассо в руке <...>. Суровые безлесые хребты Гобийского Алтая с редкими ключами прозрачной воды и недоступными выходами скал, где хозяева — одни горные бараны и горные козлы, а из птиц — чаще всего сокола и орлы, реже улары. Даже весенние бури — и те хороши. Солнце вдруг затмится серыми тучами, повалит снег, скрывая дивной красоты поля сине-лиловых и синих генциан. Кажется, что вьюга тебя занесёт и не найти дороги к палатке. Но вот ветер затих, пробилась солнечные лучи, всё засверкало каплями растаявшего снега. И опять перед тобою поля генциан и жаворонки уже отряхиваются и продолжают прерванные песни»⁵².

В 1934 г. по просьбе Азербайджанского филиала АН СССР Е.В. вместе с сотрудником Зоологического института выдающимся

⁵⁰ *Басалаев И.* Записки для себя. См.: http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_v_18.htm

⁵¹ Эти любопытные факты приводятся в воспоминаниях И.К. Юдиной (рукопись, АМК).

⁵² АМК. *Козлова Е.В.* Страницы из моей жизни. С. 6.

орнитологом А.Я. Тугариновым была командирована в Азербайджан для исследования зимовок птиц на юго-западном побережье Каспия. По результатам этой поездки был представлен и опубликован подробный отчёт⁵³.

В 1935 г. умер П.К. Козлов — человек, определивший жизненный путь Е.В., открывший ей горизонты Центральной Азии с её уникальной природой и культурой. После его смерти Е.В. передала наиболее ценные коллекции, собранные Козловым во время путешествий, а также научные приборы, хранившиеся в их квартире (принадлежавшие Пржевальскому и Козлову), в различные музеи Ленинграда (Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии, Музей истории науки и техники и др.), Смоленска и Кяхты. Сама же квартира, по распоряжению Совнаркома, была передана ей в пожизненное пользование в знак уважения к выдающимся заслугам П.К. Козлова. В этой квартире, которой много лет спустя суждено будет стать музеем, помимо Е.В. проживали вернувшиеся в конце 1926 г. из Маньчжурии её мать Вера Владимировна и племянник Дмитрий. (Согласно завещанию брата, В.В. Пушкарёва, Е.В. и Вера Владимировна осуществляли опеку над последним).

Став вполне самостоятельным и достаточно авторитетным учёным, Е.В. Козлова продолжила в последующие годы свои орнитологические исследования. В 1935 и 1937 гг. она, снова вместе с А.Я. Тугариновым, работает в Азербайджане — на побережье Каспийского моря в Талыше и на территории Кызыл-Агачского заповедника. В районе Кызылагачского залива собираются на зимовку миллионные стаи птиц (утки, гуси, казарки, лебеди, фламинго, различные кулики и т. д.). Об условиях их зимнего существования там на то время практически ничего не было известно. Решая основную задачу — изучение экологических условий зимней жизни птиц, Е.В. и А.Я. применяли особый метод круглосуточного наблюдения. Ими была впервые сделана попытка количественного учета зимующей птицы и поставлена задача разработки для этого специального метода⁵⁴.

Великая Отечественная война стала тяжёлым испытанием для Е.В. В блокадную зиму 1941–1942 гг. она продолжала трудиться — принимала посильное участие в обороне здания Зоологиче-

⁵³ Тугаринов А.Я., Козлова Е.В. Зимовки птиц в Талыше // Тр. Азерб. фил. АН СССР. Сер. зоол. 1935. Вып. 23. 124 с.

⁵⁴ Козлова Е.В., Тугаринов А.Я. Жизнь птиц на зимовке в Кызыл-Агачском заповеднике им. С.М. Кирова // Тр. Азерб. фил. АН СССР. Сер. зоол. 1938. Вып. 36. 109 с.

ского института и в сохранении его ценнейших коллекций. Позднее (летом 1942 г.) вместе со всеми сотрудниками института была эвакуирована в Сталинабад (совр. Душанбе), где и провела оставшуюся часть войны. В Таджикистане в 1943–1945 гг. вела полевые исследования в районе Гиссарского хребта в верховьях р. Варзоб и на р. Вахш, вблизи границы с Афганистаном. Особенно пристальное внимание уделялось наблюдениям над биологией местного (таджикского) фазана. В результате Е.В. опубликовала несколько статей — монографических и в соавторстве с А.Я. Тугариновым⁵⁵, ставшим к тому времени её постоянным спутником и большим другом. Вспоминая об этом времени, Е.В., между прочим, отмечала, что в 1944 г. на Вахше ей довелось обнаружить свежие следы тигриных лап у колодца экспедиции и на лесной просеке. «Должна сознаться, что я смотрела на них со страхом и уважением. В настоящее время тигров в наших пределах на Вахше больше не существует»⁵⁶.

Этими исследованиями в Таджикистане завершилась многолетняя экспедиционная деятельность Е.В. Козловой. Вернувшись в Ленинград в 1945 г., она по состоянию здоровья была вынуждена отказаться от полевых исследований и в дальнейшем сосредоточиться на работе сугубо камерального характера. Главной темой её изысканий в конце 40-х становится авифауна Центральной Азии — анализ особенностей образа жизни и экологии птиц Тибетского нагорья в исключительно суровых условиях обитания, и в более широком плане — разработка вопросов зоогеографии, истории и генезиса этой авифауны. То есть Е.В. возвращается к своей излюбленной теме — ещё в 1938 г. она выступила на конференции РГО с докладом, в котором сделала общий обзор орнитофауны Монголии и Тибета⁵⁷. Работает она, как и прежде, само-

⁵⁵ *Тугаринов А.Я., Козлова Е.В.* Таджикиский фазан // Рефераты работ учреждений Отделения биологических наук АН СССР за 1941–1943 гг. М.; Л., 1945. С. 148–149; *Они же.* Таджикиский фазан // Изв. Тадж. фил. АН СССР. 1945. № 6. С. 7–35; *Kozlova E.* On the spring life and breeding habits of the pheasant (*Phasianus colchicus*) in Tadjikistan // *Ibis*. 1947. Vol. 89. P. 423–428; *Козлова Е.В.* Оседлые и кочующие птицы южных склонов Гиссарского хребта // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1949. Т. 8. С. 750–782; *Она же.* Формирование летнего комплекса птиц на островах Каспийского моря // Памяти акад. П.П. Сушкина. М.; Л., 1950. С. 288–300.

⁵⁶ *Козлова Е.В.* Страницы из моей жизни. С. 6.

⁵⁷ *Козлова Е.В.* Общий обзор орнитофауны Центральной Азии // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1940. Т. 72. Вып. 4–5. С. 679–689.

забвенно, с присущей ей скрупулезностью и дотошностью. Весной 1946 г. она пишет в Москву своему старому другу С.А. Кондратьеву: «Я живу очень тихо. Пожалуй, даже смиренно. Очень много работаю. У меня на этот год в плане орнитофауна Центральной Азии. Сейчас занимаюсь Тибетом, с радостью и увлечением. Пока “литературно”: читаю, делаю выписки, составляю карточный каталог птиц. В течение этой зимы перевернула труды всех великих путешественников только для того, чтобы уяснить себе границу лесов в Восточном Тибете. Эта, казалось бы, простая задача потребовала 1 ½ месяца времени. И всё так. Результатом этой работы были даже не написанные строчки, а всего лишь несколько маленьких кружков на карте». В этом признании как нельзя лучше раскрывается сущность научных поисков Е.В. и в то же время её интенсивная внутренняя жизнь — «жизнь души», целиком отданная любимому делу. В том же письме мы находим и беглую характеристику обстановки в ЗИНе в первый послевоенный год и тех условий, в которых протекала «домашняя» работа Е.В. «В Институте у нас не топлено (в нашем здании), а потому многим разрешено работать дома. Я бываю там лишь 2 раза в неделю. Иногда по несколько дней подряд не вижу живого человека. Какое счастье, что мои три комнаты совершенно изолированы от соседей⁵⁸». (В годы войны в квартире Е.В. поселилась посторонняя семья, и ей пришлось потратить немало сил, чтобы вновь стать полноправной хозяйкой собственного жилища.) В этот же период она, по поручению Совета РГО, занималась по вечерам также редактированием дневников последней экспедиции П.К. Козлова. Эта работа продолжалась в течение нескольких лет, ибо Е.В. пришлось не просто отредактировать, но основательно переработать и отчасти заново переписать текст этих дневников, чтобы подготовить их к печати. В таком виде экспедиционные дневники путешественника увидели свет в 1949 г.⁵⁹ В этой связи необходимо отметить, что после смерти мужа Е.В. вела большую лекционно-популяризаторскую работу с целью сохранения и пропаганды наследия П.К. Козлова, неоднократно

⁵⁸ АМК. Ф. 4. Оп. 13. Д. 11/1869. Письмо Е.В. Козловой С.А. Кондратьеву от 3 марта 1946.

⁵⁹ *Козлов П.К.* Путешествие в Монголию 1923–1926 гг. Дневники, подготовленные к печати Е.В. Козловой // Записки Всесоюзного Географического общества. Новая серия. Т. 7. М., 1949. Полное издание этих дневников было осуществлено лишь недавно, см.: *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926. Научное наследство. Т. 30. СПб., 2003.

выступала с лекциями о его знаменитой экспедиции в Монголию в 1923–1926 гг.⁶⁰, в которой участвовала сама. Не забывала Е.В. и о своём втором учителе — в середине 1930-х она по заказу издательства АН перевела на английский язык два тома классического труда П.П. Сушкина о птицах Алтая⁶¹.

Собственные исследования Е.В. были не менее успешными — в 1952 г. она опубликовала большую статью, посвященную авифауне Тибета. Работа эта до сих пор не утратила своей значимости и рассматривается орнитологами как одна из пионерских и наиболее фундаментальных работ в области орнитогеографии и истории фауны⁶². (И это при том, что Е.В. никогда не была в Тибете.) Проведённый в ней анализ происхождения и филогенетических связей отдельных родов и видов, входящих в изучаемый орнитокомплекс, позволил с большой достоверностью восстановить картину генезиса орнитофауны нагорной Азии.

В 1950-е – 1960-е гг. Е.В. Козлова много занималась фаунистическими исследованиями СССР, которые в послевоенный период доминировали в отечественной орнитологии. Принимала активное участие в работе над подготовкой четырёх томов «Фауны СССР» и «Определителей по фауне СССР», изданных Зоологическим институтом. В этих авторитетных изданиях перу Е.В. принадлежат главы об отрядах гагарообразных, трубконосых, журавлеобразных, пластинчатоклювых, чистиковых, голубеобразных, ржанкообразных⁶³. Особо следует отметить её двухтомную сводку по

⁶⁰ В архиве Музея-квартиры П.К. Козлова сохранилась рукопись и машинописный текст одной из таких лекций, прочитанной Е.В. в РГО 17 февраля 1959 г. АМК. Ф. 1. Оп. 8. Д. 9/1478. Л. 1–18.

⁶¹ Этот перевод по неизвестным причинам издан не был. Договор на его исполнение, заключенный с издательством АН, датирован 9 января 1935 г. (АМК). Из писем П.П. Сушкина Е.В., однако, известно, что сам П.П. пытался перевести свой труд на английский язык и даже договорился об его издании в США (см. письмо от 5 ноября 1925 г.). Возможно, что после смерти П.П. Сушкина Е.В. взялась довести начатую им работу до конца и фактически занималась редактированием перевода своего учителя. О судьбе рукописи этого перевода ничего не известно.

⁶² *Козлова Е.В.* Авифауна Тибетского нагорья, её родственные связи и история // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 9. С. 964–1028.

⁶³ См.: Птицы СССР. Ч. 1. М.; Л., 1951 (Определители по фауне СССР. Вып. 39). С. 6–23, 31–41, 41–54, 90–156 (совместно с А.Я. Тугариновым), 242–269; Ч 2. 1953 (Определители по фауне СССР. Вып. 49). С. 5–132 (совместно с А.Я. Тугариновым), 177–217, 217–253; Фауна СССР. Птицы. Т. 2. Вып. 3. М.; Л., 1957. 144 с. См. также в кн.: Атлас охотничьих и

куликам, вышедшую в 1961–1962 гг.⁶⁴. За эту последнюю работу Е.В. Козловой была присуждена в 1962 г., без защиты диссертации, степень доктора биологических наук. По мнению специалистов, написанная ею монография по фауне куликов СССР не только представляет собой большой вклад в орнитологию, но и даёт богатый и чрезвычайно интересный материал для решения общих вопросов эволюции. Эта работа была выполнена комплексным морфобиологическим методом, впервые введённым Е.В. в практику орнитологических исследований в статье «Связь между образом жизни птиц и направлением развития их летательного аппарата» (1946)⁶⁵. Ещё одна важная работа этого периода посвящена разработанному ею оригинальному методу анализа состава региональных орнитокомплексов, который, несомненно, обогатил орнитогеографию. Е.В. также внесла свой вклад и в палеорнитологию, описав новое семейство ископаемых журавлеобразных птиц из олигоцена Монголии (обнаруженных в юго-восточной Гоби)⁶⁶.

Все эти труды заслуженно поставили имя Е.В. Козловой в один ряд с именами прославленных русских исследователей Центральной Азии, сделали его всемирно известным. Крупнейшие западные орнитологические общества избирают её своим членом — американское (в 1963), германское (в 1969) и английское (в 1971).

Последняя большая научная тема, над которой Е.В. работала с середины 1960-х и до конца жизни, была посвящена происхождению и родственным связям птиц центральноазиатских степей и пустынь. Это исследование по своему замыслу было теснейшим образом связано с её предшествующей работой по генезису и истории формирования орнитофауны высокогорных степей и пустынь Тибетского нагорья и выполнено по той же методике и тому же плану, в основе которых лежал анализ отдельных биотопов и образа жизни наиболее характерных (фоновых) видов птиц исследуемого региона. Е.В. пыталась установить родственные связи этих видов, приводила важнейшие черты биологии и распространения их ближайших родственников, а также высказывала предположения о родине рассмотренных видов птиц и истории их расселения.

промысловых птиц и зверей СССР. Т. 1. Птицы. М., 1952 (главы о гагарообразных и журавлеобразных).

⁶⁴ См.: Фауна СССР. Птицы. Т. 2. Вып. 1–2. М.; Л., 1961–1962. 501 и 433 с.

⁶⁵ См. Изв. АН СССР. Отд. биол. наук. 1946. № 4. С. 403–414.

⁶⁶ Козлова Е.В. Новые ископаемые птицы из юго-восточной Гоби // Тр. пробл. и тематич. совещаний Зоол. ин-та АН СССР. 1960. Вып. 9. С. 323–329.

Подготовленная ею к печати новая монография, однако, увидела свет лишь после её смерти⁶⁷.

В 1972 г. Е.В. исполнилось 80 лет, из которых 60 было отдано науке. В юбилейном адресе, поднесённом ей сотрудниками ЗИНа, отмечались как её блестящие научные достижения, так и общественная деятельность и высокие нравственные качества. «Наряду с плодотворной исследовательской работой, Вы уделяете много времени и сил популяризации науки, относясь и к этому делу столь же серьёзно и ответственно. Мы высоко ценим Ваши научные достоинства, но и Ваши прекрасные человеческие качества, в частности, суровую требовательность к себе, сердечное отношение к людям, готовность всегда помочь в беде, и вместе с тем высокую принципиальность»⁶⁸. Споспобствуя популяризации науки, Е.В. активно сотрудничала с редакциями известных советских журналов — «Юный натуралист», «Природа», «Наука и жизнь», написала свыше 50 статей для 2-го и 3-го изданий БСЭ, несколько научно-популярных книг, а также раздел «Птицы» в учебнике зоологии для 6–7 классов средней школы (1969–1970 гг.).

Личная жизнь Е.В. Козловой в послевоенный период была нелёгкой, поскольку ей приходилось постоянно бороться с недугами — врождёнными и приобретёнными, всё более одолевавшими её. В последние годы жизни она особенно страдала от тяжёлого заболевания кровеносных сосудов (облитерирующий эндартериит). Но, несмотря на постоянные боли, не позволявшие ей передвигаться без посторонней помощи, она мужественно продолжала служить любимому делу. В 1948 г. ушёл из жизни А.Я. Тугаринов, с которым её связывали долгие годы совместной работы и дружбы. Это был новый удар для Е.В. После смерти Тугаринова наиболее близким ей человеком была Ирина Александровна Четыркина, работавшая энтомологом в Зоологическом институте. Эта женщина, поселившаяся в 1950 г. под одной крышей с Е.В. в огромной «козловской квартире» у Смольного, стала для неё до конца жизни опорой, помощником и верным другом⁶⁹. И.А. Четыркина ухаживала за Е.В., вела все хозяйственные дела по дому, помогала принимать посетителей. В свободное время подруги занимались разбором и систематизацией научного наследия

⁶⁷ Козлова Е.В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии. Л., 1975. 248 с.

⁶⁸ Хранится в АМК.

⁶⁹ О И.А. Четыркиной см.: *Кравклис Н.Н.* Род Четыркиных — 200 лет на службе России. Смоленск, 2000.

П.К. Козлова (библиотеки и архива). Летом они вместе выезжали за город, на дачу.

Вспоминая о встречах с Е.В. Козловой в 1950-е – начале 1970-е гг., директор Зоологического музея Р.А. Потапов отмечал её общительный характер, неизменную доброжелательность, готовность придти на помощь своему коллеге, а также её неспособность к «закуливному интриганству», которое неизбежно присутствует в больших исследовательских коллективах. «Я вспоминаю величественную фигуру Елизаветы Владимировны, её хромающую медленную походку, всегда спокойное и одухотворенное лицо с ясным добрым взором, неторопливый глуховатый голос, а временами и её неожиданно громкий смех, отчётливое громогласное “ха-ха-ха”, живоительно оглашавшее почтенную тишину академических кабинетов. Она никому не отказывала в беседе, в совете, а если собеседник был для неё интересен, внимательно его расспрашивала. Помню, в частности, нашу длительную беседу, когда я рассказывал ей о своих наблюдениях за таджикским фазаном, которые были сделаны во время работы в известном таджикском заповеднике “Тигровая Балка”. Я хорошо знал статью Елизаветы Владимировны об экологии этой интересной птицы, которую она изучала в том же заповеднике, опубликованную в 1945 г., так что в процессе моей работы там мне было с чем сравнивать свои наблюдения. Во время этой беседы Елизавета Владимировна рассказала много интересных подробностей об этом фазане, в ту статью не вошедших.

В целом же Елизавета Владимировна всегда излучала доброжелательное спокойствие, и я не припомню случая, когда она хоть каким-либо образом выказала раздражение или какую-либо иную отрицательную эмоцию. Но при всём этом меня никогда не покидало впечатление, что, присутствуя вполне реально в этом мире, она в то же время была где-то далеко в облаках, в осмыслении своих исследовательских задач, а может быть, и воспоминаний»⁷⁰.

Е.В. Козлова умерла 10 февраля 1975 г. Похоронили её на Большеохтинском кладбище рядом с могилой матери. Здесь же в 1986 г. нашла своё последнее пристанище и И.А. Четыркина.

Оставшийся после смерти Е.В. Козловой личный архив хранится ныне в Музее-квартире П.К. Козлова и доступен для исследователей. Он включает в себя сотни единиц; это разного рода документы (в том числе монгольский и китайский паспорта Е.В.

⁷⁰ АМК. *Потапов Р.А.* Воспоминания о Е.В. Козловой. Рукопись.

периода Монгольской экспедиции 1923–26 гг.), её экспедиционные и другие дневники, различные заметки, рукописи статей, обширная корреспонденция — письма мужа, друзей и коллег (П.П. Сушкин, А.П. Семенов-Тянь-Шанский, С.А. Кондратьев, А.Я. Тугаринов, К.А. Юдин, Дамдинсурен и др.), огромный фотоархив. Все эти интереснейшие материалы воскрешают ту не столь далекую от нас эпоху, в которую жила и трудилась необыкновенная женщина — путешественница и учёный Е.В. Козлова.

Р.А. Потапов

РОЛЬ Е.В. КОЗЛОВОЙ В ИЗУЧЕНИИ ФАУНЫ ПТИЦ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вклад Е.В. Козловой в развитие орнитологии ещё при жизни поставил её в ряд наиболее выдающихся орнитологов XX века. Прежде всего, это явилось результатом развития Елизаветой Владимировной основных направлений русской орнитологической школы, заложенных такими знаменитыми учёными, как Ф.Д. Плесске, В.А. Бианки, М.А. Мензбир, и окончательно сформированных непосредственным учителем Елизаветы Владимировны, классиком международной орнитологии П.П. Сушкиным. Фундаментальной основой этой школы явилось как всестороннее изучение самих птиц, так и исследование существующих в настоящее время сообществ птиц — авифаун, столь различных и столь характерных для отдельных природных областей земного шара. При этом изучение самих птиц базируется прежде всего на всестороннем изучении морфологии и экологии таксонов всех уровней класса птиц, в свете их функциональной, адаптивной и филогенетической значимости. В то же время основой для понимания становления и эволюции региональных авифаун становится изучение индивидуальной и географической изменчивости таксонов видового уровня вкупе с их географическим распространением, характером питания и биотопическими привязанностями. Обе эти составляющие были в должной степени развиты Е.В. Козловой — первая на примере капитального монографического исследования надотряда ржанкообразных (отрядов чистиковых и куликов), а вторая — на примере изучения состава, особенностей и генезиса фауны птиц Центральной Азии. И если в первом случае Е.В. Козлова выступила как продолжатель первоначальных шагов в этом направлении, заложенных В.А. Бианки и П.П. Сушкиным, то во втором случае именно ей принадлежит пальма первенства в детальной разработке методов выделения и исследования специфических авифаунистических сообществ, получивших далее название «региональных фаун». Хотелось бы особенно подчеркнуть, что во втором случае у Е.В. Козловой теория следовала за практикой, она возникала

на основе её обширных конкретных исследований региональных фаун, и становление самой теории базировалось на прочной фундаментальной основе практических результатов. И именно в этом случае такой фундаментальной основой послужили исследования Е.В. Козловой фауны птиц Центральной Азии.

Прежде чем оценить вклад, который был сделан Е.В. Козловой в изучение авифауны Центральной Азии, необходимо принять во внимание то количество информации на данную тему, которое накопилось в научной литературе к середине XX века, а также количество и качество коллекций центральноазиатских птиц, собранных к этому времени в научных учреждениях мира. Как имеющаяся литература, так и коллекции в равной степени являлись результатом полевых исследований, предпринимавшихся в Центральной Азии до этого времени.

Прежде всего, для более точного понимания предмета данного сообщения следует вкратце остановиться на географическом понимании самого термина «Центральная Азия», который до сих пор толкуется весьма неоднозначно. По мнению большинства исследователей, к которым присоединяется и автор, это действительно центральная часть Азиатского континента, почти полностью окружённая крупнейшими горными системами — Гималаями, Каракорумом, Памиро-Алаем, Тянь-Шанем, Алтаем, Саянами, Сино-Тибетскими горами. Лишь на северо-востоке, от южных отрогов Большого Хингана и до Наньшаня, эта граница только намечена цепью невысоких хребтов. В пределах этого горного обрамления Центральная Азия делится на северную и южную части. Южную её часть составляет высочайшее и крупнейшее высокогорное плато земного шара — Тибет, северную же часть — в основном равнинная область, хотя и с большим количеством сильно разрушенных невысоких горных хребтов, но расположенная на гораздо меньших высотах — от 500 до 1500 м над уровнем моря, а местами и ещё ниже. Например — в Таримской котловине находится знаменитая Турфанская депрессия — небольшая впадина (50 × 100 км), расположенная на 164 м ниже уровня моря.

Суровый ультраконтинентальный климат, господство пустынных, полупустынных и высокогорных ландшафтов, труднодоступность, значительная удалённость от центров как восточной, так и западной цивилизаций — всё это обусловило сравнительно позднее начало изучения природы этой огромной территории. Самые первые сведения о птицах Центральной Азии стали поступать только со второй половины XIX века и только с самых окраин этого

труднодоступного региона. С северных окраин (Памир, Памиро-Алай, Тянь-Шань, Алтай, Саяны) — от русских исследователей, с западных и юго-западных (со стороны индийских Гималаев) — от английских. Первыми экспедициями, давшими орнитологический материал, были экспедиции Форсайта и Хендерсона в Южный Тибет в 1870 г.¹, Ф. Столички в Кашгарию и на Памир в 1873–1874 гг.², Н.М. Пржевальского в Монголию и северный Тибет в 1871–1873 гг.³ и Н.А. Северцова на Памир в 1877 и 1878 гг.⁴ Далее число экспедиционных исследований быстро росло и сопровождалось столь же быстрым ростом коллекционных материалов — в том числе и по фауне птиц этой области. В основном эти экспедиционные исследования велись российскими и британскими натуралистами, но были и французские (Бонвало, принц Орлеанский, 1889–1890), и американские (экспедиция Филадельфийской Академии наук в 1931 и в 1934–1935 гг). Однако же наиболее обширные коллекции птиц Центральной Азии были собраны русскими исследователями в 1870-х – 1920-х годах, прежде всего теми же Н.М. Пржевальским и Н.А. Северцовым, их соратниками и последователями — В.И. Роборовским, П.К. Козловым, братьями Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло, М.В. Певцовым, Б.А. Громбчевским, Г.Н. Потаниным, М. Березовским, Е.В. Козловой, А.Я. Тугариновым, М.Н. Дивногорским. Коллекционные сборы этих известных натуралистов концентрировались в основном в Зоологическом музее Российской Академии наук в Санкт-Петербурге (с 1930 г. — Зоологический институт АН СССР). Ещё одним центром коллекций центральноазиатских птиц стал Британский музей. Некоторое количество орнитологических сборов по Центральной Азии находится также в Парижском музее естественной истории, в Берлинском музее и в Филадельфийской Академии наук в Филадельфии (США). Все эти основные коллек-

¹ *Henderson G., Hume A.* Lahore to Yarkend. Incidents of the route and natural history of the countries, traversed by the expedition of 1870, under T.D. Forsyth. London, 1873. 370 p.

² *Sharpe R.V.* Scientific results of the 2-nd Yarkend mission. Aves. London, 1891. P. 1–153.

³ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна Тангутов. 1876. Т. 2. 114 с.; *Он же.* Новые виды птиц Центральной Азии // Зап. Акад. наук. Т. LV. 1887. С. 76–95.

⁴ *Severtzow N.* On the birds of the Pamir Range // *Ibis*. 1883. P. 48–83; *Северцов Н.А.* Заметки о фауне позвоночных Памира // Зап.-Турк. отд. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1879. 1,1. С. 58–89.

ционные сборы к середине XX века были уже обработаны, а результаты этих обработок опубликованы. Однако же наиболее глубоко коллекционные материалы были изучены в Зоологическом музее Санкт-Петербурга, где этим специально занимались такие крупные орнитологи, как В.Л. Бианки, Ф.Д. Плеске, П.П. Сушкин, Б.К. Штегман, причём начало этой работе положил сам Н.М. Пржевальский, опубликовав описание собранных им новых для науки видов⁵. Широко используя все имевшиеся тогда в распоряжении учёных методики, русские орнитологи изучали собранных в коллекциях птиц в непосредственной связи их с окружающей фауной, их географическую, половую и возрастную изменчивость, сроки годовых циклов, распространение и факторы, их определяющие. Однако же ни упомянутые здесь российские орнитологи, ни их зарубежные коллеги серьёзно не затрагивали проблем становления и развития локальных фаун птиц. Только П.П. Сушкин в нескольких своих работах дал великолепные наброски возможного их становления и развития⁶. В этом отношении особенно важна его работа «Высокогорные области земного шара и вопрос о родине первобытного человека», опубликованная в журнале «Природа» в 1928 г. В ней П.П. Сушкин даёт впечатляющую картину развития высокогорий на Земле и становления их авифаун в процессе обширных геологических поднятий. Эта работа по сей день является базовой для всех, кто занимается изучением фауны высокогорий. И нет ничего удивительного в том, что именно Е.В. Козлова блестяще развила идеи своего учителя в работах по генезису фауны птиц Центральной Азии.

Таким образом, мы можем констатировать по крайней мере две составляющие, определившие успешность и плодотворность исследовательской работы Е.В. Козловой по птицам Центральной Азии. Это прежде всего великолепная научная школа, созданная П.П. Сушкиным именно в Зоологическом музее Академии наук

⁵ Пржевальский Н.М. Новые виды птиц Центральной Азии. С. 76–95.

⁶ Сушкин П.П. Облик фауны Восточной Сибири и связанные с ним проблемы истории земли // Природа. 1921. Т. 10. № 4/6. С. 6–23; Он же. К истории фауны палеарктической Азии // Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1923. Т. 31. С. 32–34; Он же. Зоологические области средней Сибири и ближайших частей нагорной Азии и опыт истории современной фауны Палеарктической области // Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. Т. 34. 1925. С. 7–86; Он же. Высокогорные области земного шара и вопрос о родине первобытного человека // Природа. 1928. Т. 17. № 3. С. 249–280.

в Ленинграде и богатейшие коллекции центральноазиатских птиц в том же музее. Но была и третья составляющая, а именно, непосредственная полевая работа самой Елизаветы Владимировны, принявшей непосредственное участие в экспедициях своего супруга, знаменитого сподвижника Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова на северные окраины Центральной Азии. Таким образом, мы видим, что в творческой жизни Е.В. Козловой совершенно уникальным образом соединились лучшие традиции русской орнитологической школы и великих исследователей природы Центральной Азии.

Первой работой Е.В. Козловой по птицам Центральной Азии была небольшая статья о географической изменчивости и некоторых чертах биологии двух центральноазиатских птиц. Её появление было вызвано печальным событием — преждевременной кончиной П.П. Сушкина в сентябре 1928 г. Ученики и последователи П.П. Сушкина в том же году срочно подготовили и опубликовали (публикация датирована 1929 г.) сборник научных трудов, посвящённых его памяти. Среди этих работ статья Е.В. Козловой занимает довольно скромное место и посвящена только двум видам центральноазиатских птиц — тибетской розовой чечевице (*Erythrura pulcherrima* Moore) и завирушке Козлова (*Prunella kozlovi* Przew.)⁷. Но уже здесь отчётливо проявились тенденции, столь характерные для последующих работ Елизаветы Владимировны. Для розовой чечевицы, на основании детального изучения окраски птиц из её собственных сборов и из коллекции Зоологического музея, она описывает новый подвид, *E. p. crassirostris* и приводит ряд сведений по биологии этого вида, до того времени совершенно неизвестной. Для второго вида, завирушки Козлова, также совершенно не изученного и открытого только 46 лет назад⁸, приводятся первые сведения по биологии, собранные автором во время полевых работ в Монголии в 1925–1926 гг. В частности, ею впервые даётся описание гнезда и яиц этой завирушки. Здесь же, на основании накопившихся к этому времени материалов, Е.В. Козлова даёт первую характеристику географической изменчивости этого вида, описывает новый подвид — *P. k. tenella* и намечает ещё три формы, заслуживающие, по её мнению, выделения в качестве подвидов.

В следующем году выходит ещё одна небольшая работа Е.В. Козловой в Докладах АН СССР (на немецком языке), где приводятся

⁷ Козлова Е.В. Птицы высокогорного Хангая. По наблюдениям Зоологического отряда Монгольской экспедиции 1929 г. // Тр. Монг. комис. 1932. № 3. С. 1–93.

⁸ Пржевальский Н.М. Новые виды птиц Центральной Азии.

и анализируются все сведения, собранные к тому времени, о распространении и биологии большого чекана, *Pratincola insignis*, добытого впервые английским натуралистом Ходсоном в 1844 г. в Северной Индии⁹. Этот эндемичный центральноазиатский вид до сих пор остаётся в числе наименее изученных. Даже ареал его известен весьма приблизительно, и, по-видимому, ограничен только горами северной части Центральной Азии (в индийских Гималаях встречаются только зимующие птицы этого вида). Е.В. Козлова была первым орнитологом, обнаружившим большого чекана в его естественной среде, где он обитал и успешно размножался в достаточно большом числе. Эта выдающаяся находка была сделана во время очередной экспедиции Е.В. Козловой в Монголию в 1929 г. Большой чекан оказался обычной и даже многочисленной птицей в субальпийском поясе горной страны Хангай близ наиболее высокой её вершины — горы Отхон-Тенгри. Здесь были впервые найдены ею гнезда этого вида, изучены его гнездовая жизнь, питание, поведение и т. п. Более того, Е.В. Козлова доставила в Зоологический музей самую крупную коллекцию птиц этого вида (32 особи). Такой богатой коллекцией большого чекана до сих пор не может похвастать ни один из музеев мира.

Е.В. Козловой удалось провести сравнительно немного полевых исследований и только на самом севере Центральной Азии — в северной и Центральной Монголии, но эти небольшие сроки с лихвой компенсировались интенсивностью проведения полевых работ. Елизавета Владимировна участвовала в трёх экспедициях в Монголию, проводившихся в 1923–1925 гг., в 1929 и в 1931 г. В первые два года полевые исследования проводились в основном в непосредственных окраинных районах столицы Монголии — Улан-Баторе (Урге), расположенной в широкой, уже степного характера, долине р. Толы, близ южных предгорий горной системы Кэнтя. Для севера Монголии это одно из самых типичных мест. Но уже осенью 1924 г. Елизавета Владимировна участвовала в работе отдельного отряда экспедиции, который прошёл от Улан-Батора до юго-восточных отрогов Хангая и встал на зимовку, т. е. здесь был организован весьма длительный стационар. Отсюда ранней весной Елизавета Владимировна с небольшой группой сотрудников экспедиции отправилась на юг, в глубину Гобийской пустыни, где провела детальные наблюдения за весенним пролётом птиц с самого его

⁹ Козлова Е.В. Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби // Мат. комиссии по иссл. Монг. и Тувинск. Нар. Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 12. 1930. 396 с.

начала и до появления птенцов у местных видов. Это было первое серьёзное исследование одной из фаз сезонных миграций птиц в пределах Центральной Азии. В следующей экспедиции, проводившейся в 1929 г., Елизавете Владимировне удалось обследовать альпийскую систему Хангайской горной страны, расположенную на восточной её части (горный узел Отхон-Тенгри, 4079 м над уровнем моря). Экспедиционный отряд проследовал караваном от юго-западной окраины Хангая на ССВ к южной оконечности озера Хубсугул, пройдя 750 км. Маршрут отряда пересёк гребни Хангая и Тарбагатая, бассейны рек Эдера и Мурина, проведя длительные стационарные исследования у самого Отхон-Тенгри, на северном склоне Тарбагатая и в предгорной зоне Хангая на реке Ширегин-Гол, затратив на них 52 дня. Участникам отряда удалось собрать 520 экземпляров птиц. И последняя полевая работа Елизаветы Владимировны была проведена в составе Зоологического отряда Монгольской экспедиции в 1931 г., который она же и возглавляла. Отряд достиг тележным караваном гольцовой зоны Кентей-Хан, наиболее высокой вершины этого хребта, не достигающей, однако, снежной линии (высота над уровнем моря — 2380 м), пройдя за два месяца (с августа до 1 октября) около 450 км, посвятив 38 дней стационарному изучению фауны непосредственно в районе Кентей-Хана и собрав 200 экземпляров птиц. Результаты всех этих экспедиционных исследований были очень быстро опубликованы¹⁰.

Первая крупная работа Е.В. Козловой по птицам Центральной Азии «Птицы юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и центральной Гоби» была опубликована в 1930 г. и сразу же принесла автору заслуженную известность. Она базировалась на трёхлетних полевых исследованиях, выполненных в составе экспедиции, организованной ГРГО под руководством П.К. Козлова в 1923–1926 гг., более поздних работах в процессе изучения Хангая (о чём уже говорилось выше) и обработке всех литературных данных и коллекционных сборов, имевшихся на то время в Зоологическом музее. Во время маршрутных и стационарных работ как самой Елизаветой Владимировной, так и препараторами экспедиционных отрядов была собрана большая коллекция птиц (1700 экземпляров птиц около 300 различных видов и подвидов), а также получены уникальные

¹⁰ Козлова Е.В. Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби; Она же. Птицы высокогорного Хангая по наблюдениям зоологического отряда Монгольской экспедиции 1929 г. // Тр. Монг. комис. АН СССР. № 3; Она же. Птицы и промысловые млекопитающие Восточного Кентея // Тр. Монг. комиссии. 1933. № 10. С. 1–48.

материалы по биологии многих видов птиц, до этого почти не изученных. Особенно много материала в этом отношении дали стационарные работы, проводившиеся в таёжных горах хребтов Кентей и Хангай, входящих в горное обрамление севера Центральной Азии, а также в типичной для этого региона полупустынной равнине в котловине озера Орок-Нор. В частности Е.В. Козловой впервые были даны уникальные сведения по биологии чёрного аиста, индийского гуся, огаря и др. Всё это позволило автору не только уловить, но и проанализировать тесную связь того или иного вида с конкретными ландшафтами, с конкретной природной обстановкой. В дальнейшем именно этот метод позволил Е.В. Козловой теоретически обосновать специфику авифаун той или иной части Центральной Азии и дать их генезис в своих последующих работах.

Благодаря активно продолжавшейся работе Монгольской комиссии АН СССР, Е.В. Козловой, как уже упоминалось, удалось совершить ещё две, уже вполне самостоятельные экспедиции по изучению животного мира таёжных гор Северной Монголии — Хангайской горной системы в 1929 г. и Кентея в 1931 г., т. е. в районы, особенно её интересовавшие. Они также дали богатый коллекционный материал и позволили дополнительно собрать обширную информацию как по биологии отдельных видов, так и по специфике фауны птиц этих гор в целом. Особенно это относилось к субальпийской и альпийской фауне птиц Хангая, остававшейся до сих пор практически не изученной. В итоге все упомянутые выше публикации Е.В. Козловой в сравнительно короткие сроки сделали большую часть территории Монголии одной из наиболее изученных областей Центральной Азии в орнитологическом отношении.

Экспедиционные исследования в Монголии, обработка результатов и их опубликование в перечисленных выше работах составили первый этап исследований Е.В. Козловой фауны птиц Центральной Азии. Этап этот заметно отличался от последующих, прежде всего потому, что в силу целого ряда обстоятельств, включая и внешнеполитические (Вторая мировая война), Е.В. Козлова в дальнейшем уже лишена была возможности проводить непосредственно полевые исследования в интересующих её областях Центральной Азии. Основным полем её исследовательской деятельности явилось изучение обширного коллекционного материала и литературных источников. Кроме того, первая монография 1930-го года была ещё как бы «пробой пера», первой крупной работой, в которой Е.В. Козлова только нащупывала пути и методы дальнейших исследований. Так или иначе, но эти публикации сразу же вошли в золотой фонд

первоисточников по фауне птиц Центральной Азии, и вплоть до настоящего времени ни один серьёзный исследователь птиц Азиатского континента не может без них обойтись.

В дальнейшем резко расширившийся диапазон интересов Е.В. Козловой привёл её к одновременной работе в нескольких направлениях, о чём уже говорилось выше. Доминирующее положение в её исследованиях занял большой и сложный для систематиков отряд ржанкообразных птиц, Charadriiformes, включающий в себя три подотряда. На изучение двух из них (подотряды чистиковых и куликов) Е.В. Козлова затратила более двадцати лет, закончив это исследование выпуском капитальной сводки по чистиковым птицам¹¹ и двухтомной сводки по куликам¹². И в то же самое время она ни на минуту не оставляла работы над изучением орнитофауны Центральной Азии. Постепенно ею была разработана и доведена до совершенства методика изучения происхождения и эволюционной истории каждого конкретного вида. Последовательное изучение в таком плане тех или иных фаунистических группировок, характерных для той или иной биоты, позволяет в итоге реконструировать происхождение региональных авифаун. Весьма показательными в этом плане явились некоторые работы по генезису отдельных видов и родов птиц, базирующиеся почти исключительно на изучении современного ареала. Так, в статье «Индивидуальная изменчивость варакушки (*Cyanosylvia svecica* (L.)) и вероятные пути её эволюции» автор показал, как эффективно можно использовать достаточно полный коллекционный материал по каждому конкретному виду¹³. В других аналогичных работах¹⁴, посвящённых

¹¹ Козлова Е.В. Ржанкообразные. Подотряд чистиковые // Фауна СССР. Нов. сер. № 65. Птицы. 1957. Т. 2. Вып. 3. 144 с.

¹² Козлова Е.В. Ржанкообразные. Подотряд кулики // Фауна СССР. Нов. сер. № 80. Птицы. 1961. Т. 2. Вып. 1. Ч. 2. 501 с.; Она же. Ржанкообразные. Подотряд кулики // Фауна СССР. Нов. сер. № 81. Птицы. 1962. Т. 2. Вып. 1. Ч. 3. 433 с.

¹³ Козлова Е.В. Индивидуальная изменчивость варакушек (*Cyanosylvia svecica* (L.)) и вероятные пути её эволюции // Зоол. журн. 1945. Т. 24. Вып. 5. С. 299–308.

¹⁴ Козлова Е.В. Географическая изменчивость обыкновенной чечевицы *Erythrina erythrina* в связи с историей расселения вида // Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. Т. 48. Вып. 2/3. 1939. С. 63–70; Она же. К филогении тибетской саджи *Syrnhaptes tibetanus* Gould // Докл. АН СССР. Нов. сер. 1946. Т. 51. № 4. С. 321–324; Она же. Филогенетические отношения земляных и горных вьюрков рода *Montifringilla* // Памяти академика П.П. Сушкина. М.; Л., 1950. С. 209–214; Она же. Пустынные ржанки

истории расселения и филогенетическим взаимоотношениям целого ряда других видов, обитателей Центральной Азии (обыкновенной чечевицы, завирушек, соколов-балобанов и кречета, земляных выюрков, тибетской саджи, пустынных ржанок, обыкновенного фазана) Е.В. Козлова использует ту же методологическую основу. Все эти публикации являлись впоследствии своего рода составными блоками теоретических построений, выполненных ею при создании главнейших работ по птицам Центральной Азии — высокогорьям (Тибетское нагорье) и равнинным частям (зональным степям и пустыням) этой страны. По сути дела такая методология представила собой синтез самых разнообразных данных по распространению, биологии и морфологии того или иного таксона. Всё это ею было обобщено в специальной работе по методике изучения региональных фаун птиц¹⁵. Здесь остаётся только повторить, что именно этот метод, основанный на анализе происхождения и филогенетических связей отдельных видов, родов и семейств, входящих в изучаемый фаунистический комплекс, с использованием данных по распространению, экологии, сравнительной и функциональной морфологии позволяет с максимальной достоверностью реконструировать генезис авифауны той или иной области. В дальнейшем этот метод лёг в основу аналогичных исследований других орнитологов, в том числе и автора данной статьи.

Наиболее весомым вкладом Е.В. Козловой в изучение авифауны Центральной Азии явилась её классическая работа «Авифауна Тибетского нагорья, её родственные связи и история», опубликованная в 1952 г.¹⁶ До сих пор, уже более полувека, эта работа остаётся основной среди имеющихся исследований, посвящённых авифауне Тибета — самого крупного горного поднятия на земном шаре, как по площади, так и по высоте. И это — несмотря на зна-

Азии и их вероятная история // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1955. Т. 21. С. 419–424; *Она же*. Родственные отношения между видами завирушек семейства Prunellidae и вероятная история их расселения // Зоол. журн. 1966. Т. XLV. № 5. С. 716–716; *Она же*. Родственные связи соколов-балобанов и кречета и вероятная история их расселения // Зоол. журн. 1969. Т. 48. Вып. 12. С. 1838–1851; *Она же*. Расселение фазана *Phasianus colchicus* L. в пустыни Центральной Азии // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1970. Т. 47. С. 9–18.

¹⁵ Козлова Е.В. К методике изучения региональных орнитофаун // Тр. проблемн. и темат. совещ. Зоол. ин-т АН СССР. Вып. 9. 1960. С. 56–60.

¹⁶ Козлова Е.В. Авифауна Тибетского нагорья, ее родственные связи и история // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1952. Т. 9. Вып. 4. С. 964–1028.

чительное количество новых орнитологических исследований, выполненных за прошедшее с тех пор время, в особенности китайскими орнитологами. Остаётся только искренне сожалеть, что такая блестящая по своему фактическому и особенно теоретическому содержанию работа до сих пор не переведена на другие языки, а посему остаётся недоступной в оригинале большинству зарубежных орнитологов из-за языкового барьера.

Фундаментальность материалов, изложенных в этой работе, со всей очевидностью говорит, что она основательно готовилась автором довольно долгое время, а задумана она была, несомненно, после выхода в свет замечательной статьи любимого учителя Е.В. Козловой — П.П. Сушкина «Высокогорные области земного шара и вопрос о родине первобытного человека», опубликованной в 1928 г. (год смерти П.П. Сушкина) в журнале «Природа». Оставляя сейчас в стороне вопрос о родине первобытного человека, как не имеющий прямого отношения к орнитологии, необходимо подчеркнуть, что в этой работе П.П. Сушкиным впервые в мировой литературе дан глубокий анализ происхождения высокогорных фаун в глобальном масштабе. Им показана и фактически обоснована схема формирования этих фаун в ходе сложных горообразовательных процессов, весьма длительных по времени и особенно активизировавшихся со второй половины третичного периода. Главное, что было выявлено П.П. Сушкиным в процессе формирования таких фаун — это постепенное поднятие первоначально низинных ландшафтов вместе со всей свойственной им флорой и фауной на всё большую и большую высоту. Наиболее существенным в этих процессах было изменение растительного покрова, и прежде всего — существенное преобразование, а с достижения определённой высоты над уровнем моря и исчезновение лесной растительности. В то же время растительность открытых пространств испытывала значительно меньшие изменения. Столь же значительные изменения претерпевала и фауна таких ландшафтов — исчезновение лесных видов и адаптации видов — обитателей открытых ландшафтов к новым для них условиям высокогорья. При этом некоторые лесные виды, в продолжение длительной адаптации к постепенно менявшимся условиям, смогли перейти к жизни в скалах вертикально структурированного горного ландшафта.

Всё это было учтено Е.В. Козловой в процессе изучения природных условий и животного мира Тибета. В частности, по её же признанию, ею было затрачено много времени на изучение пространства именно лесной растительности по окраинам Ти-

бета, — явно реликтовых остатков былого более широкого распространения. Собственно, в заключительной части этой работы Е.В. Козлова прямо ссылается на данную работу П.П. Сушкина, подтверждая большим фактическим материалом правоту взглядов своего учителя на формирование животного мира высокогорий.

Эта идеологическая концепция как нельзя лучше ложилась на огромный фактический материал, имевшийся в распоряжении Елизаветы Владимировны. Прежде всего, это были обширные орнитологические коллекции, накопившиеся в Зоологическом музее — Институте АН СССР (ныне Зоологический институт Российской Академии наук) за последние сто лет, начиная от сборов А.Н. Северцова и кончая её собственными монгольскими сборами. Коллекции, собранные Н.М. Пржевальским, П.К. Козловым, братьями Грум-Гржимайло, Г.Н. Потаниным, В.И. Роборовским, Б.Л. Громбчевским, М. Березовским, М.В. Певцовым, были обработаны в основной своей части выдающимися орнитологами музея — Ф.Д. Плеске и В.А. Бианки, но результаты их работ никем не были обобщены. Это относится и к работам целого ряда зарубежных орнитологов, касавшихся фауны птиц отдельных районов как собственно Тибета, так и соседних территорий. Никто ещё не пытался описать и теоретически оценить уникальную авифауну Тибета в целом. Эта задача и была выполнена Е.В. Козловой, сумевшей в полной мере обработать и теоретически осмыслить всё, что было к данному времени известно о фауне птиц Тибета, включая и сборы зарубежных исследователей. Здесь следует отметить особенную важность именно последнего обстоятельства. Исследованиями российских ученых были охвачены в основном северные и особенно восточные районы Тибета, тогда как английскими и немецкими исследователями — западные и южные его окраины. Восточные окраины Тибета наиболее важны в том отношении, что здесь его границы выражены далеко не столь резко, как остальные. Дело в том, что на севере, западе и юге нагорья эти границы чётко определены высочайшими горными хребтами, его окружающими — Гималаями, Каракорумом и Кунь-Лунем. На востоке же таких резких барьеров нет, и есть возможность более детально проследить влияние других факторов, и прежде всего высоты местности над уровнем моря, на распространение тех или иных видов.

В итоге, используя все материалы западных орнитологов, от Столички до Салима Али¹⁷, и соединив их с теми, которые находи-

¹⁷ *Stoliczka F.* Ornithological observations in the Sutlej valley NW Himalaya // Journ. Asiat. Soc. Bengal. 1868. V. 37. № 1. P. 2. P. 1–70; *Salim Ali.*

лись в её непосредственном распоряжении, Е.В. Козлова получила уникальную возможность дать, наконец, описание авифауны самой высокогорной области земного шара, выявить её родственные связи и наметить основные этапы её эволюционного развития. Всё это и было сделано ею самым эффективным образом.

Прежде всего, Е.В. Козлова выявила парадоксальную особенность тибетской авифауны. Оказалось, что в этой самой высокогорной стране истинно горные виды, вся адаптивная эволюция которых была направлена к обитанию в вертикально структурированном ландшафте, т. е. к горам, составляют сравнительно малую часть, тогда как основная масса птиц оказалась обитателями открытых холмисто-равнинных ландшафтов с невысокими, пологими гребнями сильно разрушенных хребтов с выходами скал, с доминирующей полупустынной растительностью и пятнами альпийских и субальпийских лугов, большей частью заболоченных, занимающих сравнительно большие площади только в озёрных котловинах. Таких видов оказалось 22, т. е. большая часть из всех 31 вида, гнездящихся в пределах нагорья. Только 9 видов оказались действительно горными, альпийскими, причём распространёнными главным образом по окраинам нагорья, на окружающих его высоких хребтах. Таким образом, была блестяще подтверждена гипотеза П.П. Сушкина о поднимании целых территорий равнинных ландшафтов в процессах горообразования на большую высоту без трансформации их в резко расчленённый рельеф эрозионными факторами. Проведённый же Е.В. Козловой филогенетический анализ показал несомненное происхождение основных группировок тибетских птиц от типичной степной и полупустынной центральноазиатской авифауны. В то же время ею были выявлены виды, имевшие в прошлом несомненные связи с древесно-кустарниковой растительностью. Такие виды, как то и предполагал П.П. Сушкин, в процессе постепенного поднятия местности на большую высоту и деградации лесной и кустарниковой растительности смогли за достаточно длительное время адаптироваться к обитанию среди каменистых россыпей, скал, обрывов и т. п. В этой связи примечательно предвидение Е.В. Козловой о происхождении одного из интереснейших эндемиков Тибетского плато — ложносойки, *Pseudopodoces humilis* — не имеющей, как автором было показано, никаких филогенетических связей не только с пустынными сойками,

как предполагалось ранее, но и с семейством врановых птиц вообще. Е.В. Козлова убедительно показала, что как характер локомоции этого вида, так и строение его крыла недвусмысленно указывает на первоначальное развитие в условиях густой кустарниковой растительности. В настоящее время это предположение блестяще подтвердилось — тщательный морфологический и молекулярно-генетический анализы показали теснейшую связь этой птицы с синицами рода *Parus*¹⁸.

Что же касается истинно альпийских по происхождению форм, представленных в фауне птиц Тибета весьма незначительно, то, как считает Е.В. Козлова, их родину следует искать в горных системах, более древних, чем Тибетское нагорье, в частности, в горах, составляющих ныне его восточную границу.

Столь же важна для изучения фауны птиц Центральной Азии последняя работа Е.В. Козловой, посвящённая исследованиям птиц, населяющих древнейшие ландшафты этой страны — зональные степи и пустыни¹⁹. По сути дела, можно считать, как уже упоминалось выше, что в самых общих чертах Центральная Азия состоит из двух частей, одна из которых, северная, расположена в пределах высот от 100 до 1500 м над уровнем моря, а вторая же, южная, поднята на высоты более 3000 м (Тибетское нагорье). Обе эти части объединяет не только географическое положение, но и характер ландшафтов — всхолмлённых равнин и останцев древних горных систем, покрытых степной, полупустынной и пустынной растительностью и практически безлесных. Таким образом, завершающий труд Е.В. Козловой (она успела только подготовить его к печати, но вышел он уже после кончины автора) посвящён птицам второй, низинной половины Центральной Азии. Он выполнен по той же методике и по тому же плану, что и предыдущий, в основе которого лежат как анализ образа жизни каждого характерного вида птиц и особенностей его ареала, так и его родственных связей. Однако по своему объёму он в несколько раз превышает тибетский труд Е.В. Козловой, поскольку фауна птиц этой огромной и значительно более разнообразной территории оказалась гораздо более сложной и более древней. Поэтому для детального ознакомления с нею

¹⁸ James H.F., Ericson P.G.P., Slikas B., Lei F., Gill F.B., Olson S.L. *Pseudopodoces humilis*, a misclassified terrestrial tit (Paridae) on the Tibetan Plateau: evolutionary consequences of shifting adaptive zones // *Ibis*. 2003. 145. P. 185–202.

¹⁹ Козлова Е.В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР*. 1975. Т. 59. С. 3–248.

Е.В. Козлова разделила все виды птиц по наиболее характерным для них местам обитания, составлявшим три типа основных ландшафтов низинной и среднегорной областей Центральной Азии, а именно: зональных степей, зональных пустынь и внезональных (интразональных) ландшафтов — скал и каменистых склонов, широко распространённых среди древних горных поднятий и пустынных пенеппленов, а также среди обширных предгорий высоких хребтов. На этом огромном пространстве, отличающемся ярко выраженным аридным и континентальным климатом, из всего обилия обитающих здесь птиц Е.В. Козлова выделила всего 19 видов, наиболее характерных для всей области, большая часть которых является эндемиками Центральной Азии. Именно на них и было сосредоточено основное внимание, и по каждому из них здесь приводится аналитическая характеристика ареала, адаптаций к окружающей среде (особенно в предпочтении определённых мест обитания и связанном с этим строении локомоторных органов), питания, размножения и филогенетических связей. При выяснении последних особенное внимание уделяется определению степени сходства и различия в окраске оперения, прежде всего конгенеричных видов, а также представителей ближайших родовых таксонов. Только на основании всего этого Е.В. Козлова делает заключительную оценку о степени древности таких автохтонов и даёт примерную схему их эволюционного развития в условиях Центральной Азии. Вполне обоснован ею вывод о большей древности тех центральноазиатских автохтонов, которые ныне в своей жизни тесно связаны с пустынями или каменистыми горными склонами. В этом отношении большой теоретический интерес представляет вывод Е.В. Козловой о том, что из автохтонов современной фауны птиц Центральной Азии отнюдь не все были связаны своим происхождением именно с этой страной. Ею убедительно было показано, что предки некоторых из них, несомненно, были поначалу древними сочленами авифаун отдалённых стран, в частности Северной Африки, Южной Азии и даже древней индо-австралийской суши. Например, убедительно доказывается африканское происхождение предков бурого грифа, саджи, рябков, дроф. В то же время показано, что, в свою очередь, и фауна птиц упомянутых выше стран обогатилась видами, несомненно, центральноазиатского происхождения. В этом отношении примечательно также, что такой многосторонний анализ всех типично центральноазиатских видов не позволил выделить ни одного, филогенетические связи которого указывали бы на его североамериканское происхождение. И, наоборот, в ави-

фауне Северной Америки оказались виды явно центральноазиатского происхождения, такие, как рогатый жаворонок или горные вьюрки рода *Leucosticte*.

Столь же важен и заключительный вывод Е.В. Козловой о том, что невозможно и бессмысленно пытаться выяснять расселение в том или ином направлении крупных орнитокомплексов, а тем более целых фаун. Фауна той или иной части земного шара никогда не может быть однородной, но всегда представляет собой комплекс, состоящий из отдельных представителей самых разнообразных групп. По этой причине изучение истории становления и развития той или иной фауны должно базироваться на исследовании в этом отношении всех отдельных её компонентов. Этот постулат, намеченный в своё время П.П. Сушкиным в самой общей форме²⁰, был основательно развит в работах Е.В. Козловой как в теоретическом, так и в методологическом аспектах, и вновь продемонстрирован в этом её последнем капитальном труде.

Обширный материал по биологии птиц Центральной Азии позволил Е.В. Козловой высказать ряд соображений по генезису отдельных семейств птиц, большая часть представителей которых имеет центральноазиатские ареалы. Примером такой работы явилось её изучение родственных отношений между видами семейства завирушек (*Prunellidae*), на основании которого была высказана серьёзно обоснованная гипотеза о месте возникновения и характере предковых форм семейства и их дальнейшей эволюции²¹. До сих пор эта гипотеза никем не подвергалась никакой критике, и альтернативных гипотез не существует. Это особенно примечательно в том плане, что всё семейство завирушек, как, несомненно, автохтонное для Палеарктики, вызывает большой интерес орнитogeографов в связи с дискуссиями по поводу взаимосвязей авифаун Палеарктики и Неарктики.

В другой работе, посвящённой родственным связям соколов-балобанов и их ближайшего родственника — кречета, Е.В. Козлова убедительно доказывает происхождение современных центральноазиатских форм балобана от предковой формы, населявшей центральную часть Евразии. Потомки этой формы, расселяясь на восток, достигли запада Северной Америки, дав здесь впоследствии вид *Falco mexicanus*, а их расселение на север уже в конце плей-

²⁰ Сушкин П.П. Зоологические области средней Сибири и ближайших частей нагорной Азии и опыт истории современной фауны Палеарктической области.

²¹ Козлова Е.В. Родственные отношения между видами завирушек семейства *Prunellidae* и вероятная история их расселения.

стоцена привело к становлению вида *F. gyrfalco*²². Иными словами, ею впервые было убедительно доказано палеарктическое происхождение соколов этой группы, включая кречета, причём была выявлена важная роль Центральной Азии как одной из важных арен их эволюционной истории. Впоследствии этот предварительный анализ становления и развития группы соколов-балобанов был полностью подтвержден как новыми палеонтологическими находками²³ так и монографическим исследованием кречета²⁴.

Заканчивая этот краткий обзор работ Е.В. Козловой, так или иначе связанных с центральноазиатской тематикой, мне хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что именно она сумела собрать воедино и дать логическое завершение всем авифаунистическим исследованиям знаменитой плеяды российских исследователей Центральной Азии, причём с полным учётом вклада в эту работу и зарубежных натуралистов. И именно в этом — непреходящая ценность научного наследия Елизаветы Владимировны.

²² Козлова Е.В. Родственные связи соколов-балобанов и кречета и вероятная история их расселения.

²³ Mourer-Chauvire C. Les oiseaux du Pleistocene Moyen et Superieur de France // Documents des Laboratoire de Geologie de la Faculte des Sciences de Lyon. 1975. 64. P. 1–624; Emslie S.D. The late Pleistocene (Rancholabrean) avifauna of Little Box Elder Cave, Wyoming // Contributions to Geology. 1985. 23. P. 63–82; Janossy D. Pleistocene vertebrata faunas of Hungary. Elsevier, Oxford, 1986; Оводов Н., Мартынович Н. Новые данные о млекопитающих и птицах из пещеры Двуглазка в Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, истории и региональных исследований Красноярского края. Красноярск, 1992. С. 78–83; Они же. Позвоночные из пещер Бирюсинского района в окрестностях Красноярска // Проблемы реконструкции климата и природной обстановки в голоцене и плейстоцене Сибири. Ин-т антропологии и этнографии РАН. Новосибирск, 2000. С. 375–382; Hou L. Avian fossils from Pleistocene from Zhoukoudian // Memories of the Institute of Vertebrate Palaeontology and Palaeornithology. Acad. Sinica. 1993. 19. P. 165–297; Burchak-Abramovich N.I., Burchak D.H. The birds of the Late Quaternary of the Altay Mountains // Acta Zoologica Cracoviensia. 1998. 41. P. 51–60.

²⁴ Potapov E., Sale R. Gyrfalcon. T. and A.P. Poyser: Yale University Press, 2006.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е.В. Козлова

ПИСЬМА ИЗ «ЗЕМНОГО РАЯ»

(Аскания-Нова)

Многоуважаемый В.И.! Пишу Вам из Аскании-Нова, где я нахожусь уже с первых чисел декабря. Итак, я ещё раз в степях... Снова могучей волной вливается в грудь свежий благоуханный воздух, снова передо мной знакомая ширь, но что-то в ней есть неприветное, чуждое мне... На всём лежит печать молчаливой тоски; тишина однообразной, снежной равнины гнетёт душу, и вместо великого покоя и мира, ласково, но вместе властно загладевающего всем существом человека в тёплый весенний день, эта зимняя тишина рождает какую-то смутную тревогу...

Как будто боясь одиночества и холода, постоянные обитатели степи жмутся к культурным уголкам. Жаворонки (*Alauda arvensis*, *Galerida cristata*) небольшими стайками держатся по тракту и нередко отыскивают себе корм вблизи деревенских хат... Куропатки целыми обществами разгуливают даже за оградой парка, а зайцы собираются к Аскании большими обществами и живут в искусственно рассаженных для них кустарниках лиции и чёрной смородины. Только одни дрофы никогда не изменяют открытой степи, которая, по-видимому, всегда одинаково мила им. Эти строгие, изящные птицы не доверяют человеку и стараются избегать его опасного соседства.

Зоопарк зимою представляет оригинальную и красивую картину. Я только теперь, во всей полноте, начинаю отдавать себе отчёт в том, какой удивительной степени развития здесь достигла акклиматизация животных и птиц! На самом деле большинство разнообразного населения Аскании не только живёт и размножается на своей новой родине, но привыкает даже переносить на воле местную, подчас довольно холодную зиму. Лишь самые редкие, нежные особи остаются во время морозов в тёплых помещениях, выходя на прогулку только в ясную, тихую погоду.

Странно и в высшей степени отрадно слышать среди зимы оживлённые птичьи голоса и видеть их яркую окраску на общем печально-бледном фоне. В птичьих домиках окна, выходящие на юг в вольеры,

где слегка зеленеет ещё прошлогодняя травка, открыты нараспашку, и оттуда несутся звонкие, весёлые трели канареек, коноплянок, монотонное воркование голубей и бойкое стрекотание дроздов. А между тем северный ветер в открытые степи гонит хмурые облака, и, заматая заячьи следы, рождает лёгкие снежные вихри...

Стоит лишь выйти в парк и остановиться у кустов акации, как тонкий слух тотчас улавливает лёгкий шорох торопливых шагов, удаляющихся по твёрдому снегу. Вот в прогалинке мелькнул красавец королевский фазан, бережно неся свой необыкновенно длинный, загибающийся от ветра, хвост, и исчез в зарослях можжевельника. Фазаны здесь довольно строги, и, прекрасно бегая по снегу, редко позволяют любоваться собою. Зато водоплавающие почти все ручные.

Ветер и холод загоняет гусей и уток с открытого пруда в защищённые густой растительностью каналы с проточной водой. Завидя человека, птицы доверчиво приближаются к нему; многие бегут навстречу, громкими криками требуя корма. Но увлечение скоро заметно остывает; не сделав и десятка шагов, самые нетерпеливые — казарки (краснозобые, белощёкие, канадские и чёрные) и гуси (серые, гуменники и белолобые), принуждены ложиться на живот и прятать застывшие лапки под крылья. Погревшись минутку таким образом, они снова продолжают путь, но уже слегка прихрамывая, а иногда быстро потряхивая в воздухе то одной, то другой ножкой... Оперение грудки и брюшка водоплавающих очень густо и плотно, и это обстоятельство даёт им возможность подолгу лежать на снеговой и даже ледяной поверхности, не испытывая особого неудобства.

Вылезая из воды, в погоне за разбрасываемыми повсюду крошками хлеба, утки неловко толкаются, падают и тотчас спешат скорее возвратиться в более тёплую воду. Подходя к обледелым краям канала, они не стараются сбежать или слететь вниз, а опытным движением приседают на ножках и, не двигая ими, ловко съезжают с горки.

Я нахожу, что при кормёжке некоторые птицы довольно ярко обнаруживают отличительные черты своего характера. Так, например, дрофы — сдержаны, горды, и я бы даже сказала деликатны. Лёгким, неторопливым, изящным движением головы они берут лакомые кусочки только до тех пор, пока вблизи нет никаких претендентов на то же самое угощение. Но лишь только появляется бойкий сосед, спешащий, прежде всего, насытить собственный желудок, дрофы без тени протеста, гордо подняв головки, удаляются прочь, даже не взглянув на вкусный хлеб и унося, вероятно,

в глубине души большое возмущение бесцеремонным поступком непрошенных гостей.

По жадности и дерзости своей никто, кажется, из водоплавающих не может сравниться с чёрными казарками (*Brandta*) и крохальями (*Mergus*).

Brandta berniela обладают, по-видимому, великолепным зрением и особым чутьём, которым они угадывают, где можно чем-нибудь поживиться. Уже издали завидя вас, они бросаются бежать целой семьёю, вытянув вперёд и пригибая к земле шею, раскрывая рот и высовывая язык с каким-то особым неприятным шипением; попрошайки неотступно следуют за вами, и никому из более робких птичек не дают возможности полакомиться угощением.

Крохаль, чувствующий себя прекрасно только на воде, проявляет удивительную прожорливость; он с лихорадочной быстротой поворачивается то в одну, то в другую сторону, ныряет, гоняется за другими птицами, бегая по поверхности воды с помощью крыльев, и нередко вынимает хлеб из самого горла своих товарищей. Хватая большие куски, крохаль постоянно давится ими, торопливо запивает неудачный глоток водою, и, не успев как следует справиться с одной коркой, бросается уже к другой.

Несмотря на значительные морозы, в нынешнем году куриный гусь — выходец из Австралии, по своему обыкновению спарился в двадцатых числах декабря с своей всегдашней подругой, а к 24-му самка, не окончив кладки (состоящей из четырёх-пяти яиц), уже крепко села на два больших, белых, несколько округлой формы яйца. Гнездо было устроено под навесом, на земле, в мякине, и выстлано собственным пухом. Эти оригинальные птицы, хотя и принадлежат к отряду гусей, но чрезвычайно редко держатся на воде, предпочитая гулять по лугам, выщипывая побеги травы... Во время гнездования самец делается очень злым и жестоко гоняет всех, приближающихся к его району, более или менее крупных птиц и даже некоторых животных. Мелкие утки беспрепятственно кормятся вблизи самого гнезда, но уже огарям, гусям, а в особенности лебедям не бывает пощады. Однажды я видела, как куриный гусь преследовал трёх шипунов (*Suynus olor*), занятых любовной игрою... Злобно распутив крылья, расшвирипевший супруг поочерёдно бросался то на одного лебедя, то на другого, и, загнав неуклюжих, тяжёлых птиц в кусты, сильно бил и трепал их за шею...

Из прочих пернатых в течение зимы гнездятся только страусы эму (австралийские), содержащиеся в особом, приспособленном для них сарае, но лишь в редких случаях высиживают птенцов.

После многих неудачных попыток, только в позапрошлом (1916) году удалось чисто практическим путём добиться вывода страусят эму в инкубаторе.

Эту трудную задачу с успехом выполнил заведующий зоопарком Клементий Сиянко — человек любящий и понимающий природу, а потому и всей душой преданный своему делу. Перегруженный разной работой по саду, он всё-таки находил время и возможность усидчиво заниматься инкубатором, около которого нередко приходилось проводить целые ночи. Зато молодые страусы до сих пор ещё сохранили особую нежность к своему воспитателю. Мне не раз приходилось наблюдать, как, завидя знакомую фигуру Сиянко, эму подходил к перегородке своего загона и протягивал голову, требуя ласки. Осторожно почёсывая страусу темя и затылок, человек прижимался к птице лицом, и так щека к щеке, они ласкали друг друга, и младший от удовольствия закрывал свои большие карие глаза... Трогательно и поучительно.

За последние дни, в Аскании, кажется, окончательно установилось тепло...

Настроение пернатых, живущих на полной свободе на прудах, удивительным образом гармонирует с состоянием погоды. В тёплые, солнечные дни, проскальзывающие иногда в декабре и январе, утки уже готовы токовать. Особенно легко, одними из первых, возбуждаются серые полу-кряквы (*Chaulelasmus streperus*), собирающиеся отдельными обществами и беспорядочно плавающие из стороны в сторону; самочки то и дело подплывают — каждая к своей паре и, протянув вперёд головку, произносят мягкое призывное «кё, кё, кё», как бы подраживая самцов. Те в свою очередь тотчас отвечают на это широким жестом головы назад, высоко поднимаются из воды, выгибая красивую, с серо-чёрными крапинками грудку, и издают басовые «кря». Играя таким образом, вся компания быстро передвигается по пруду, и забавно наблюдать, как то один, то другой кавалер выскакивает из воды и с бойким видом выпячивает грудь.

С возвращением морозов весёлая игра быстро прекращается, страсти потухают, и птицы, вновь сбившись тесной семьёй в каналах и на небольшом незамерзающем участке пруда, продолжают скучную, однообразную зимнюю жизнь.

Сейчас солнце греет ощутительно, снег совершенно стаял, пруды почти открылись. В парке слышатся особенные, токовые крики фазанов. Вблизи камышей серьёзно расхаживают чёрные и белые лебеди, по-видимому, уже подыскавшие себе место для

гнезда... В укромных уголках, затенённых деревьями каналах, держатся пёстрые странные мандаринки и каролинки, тоже занятые ухаживанием.

Дикие утки, разбившись на пары, гуляют по мокрым лугам, нежно и тихо покрывая. Чувство великой весенней радости, прилив энергии и избыток сил, по-видимому, одинаково проникает в душу всех живых существ, здоровых, больных и даже убогих. В этом смысле на меня произвела впечатление одна, может быть, в сущности пустая, сценка, которой я была немой и невольной свидетельницей.

Это было в ясное утро; тёплый юго-западный ветер, напоённый запахом недавно оттаявшей, просыпающейся степи, ласкал лицо; из вольеры нёсся сочный, полный дикой, лесной прелести голос певчего дрозда... Вдали кричали журавли, и эти простые, но милые, знакомые звуки, рождали давно прошедшие, давно угасшие образы... На пруду всё ликовало; только и слышались возбуждённые крики разнообразных пар, кокетливо беседовавших между собою. На одинокой плавучей льдинке стояла шилохвость, и, глядя на берег, призывала кого-то, упорно повторяя своё серебристое, однотонное «трю», «трю»; при этом быстрым движением её шейка вытягивалась в плечи, и вся птичка походила на детскую игрушку, которую давлением на головку можно заставить кричать. Несколько поодаль, вероятно, уже наигравшись, спал или делал вид, что спит, прелестный гоголь (*Fuligula clangula*); он прятал клюв между крыльшками на спине, засунув его так далеко, что в пёрышках скрылись даже беленькие, нежные щёчки. Гоголь как будто дремал, но его бойкий, любопытный и умный светло-жёлтый глазок то и дело приоткрывался и снова затягивался веками. Он следил, не пригонит ли его силою ветра в какое-либо опасное место. Покачиваясь на ряби, мой любимец незаметным образом подплыл к чёрному лебедю, и почти столкнулся с ним. Тотчас приоткрылся лукавый глазок, ножки быстро заработали, и, не вынимая головы из-под крыльев, он отплыл дальше.

Но вот на прибрежных камнях появилась высокая фигура лебедя-кликуна. Вытянув длинную шею вверх и кивая головою, он громко кричал, точно искал кого-то или хотел высказать кому-то то, что долго таилось внутри... Я тотчас узнала его. Это, бедняга, одинокий, слепой на один глаз лебедь. Общество ему подобных изгнало сотоварища из своей среды за уродство¹. Покинутый и

¹ Как ни странно, птицы не терпят в своей семье собрата, с каким-либо физическим недостатком.

обижаемый всеми, он не смел показываться на пруд, и всегда молчаливо и грустно лежал у дома, чувствуя инстинктивно, что люди относятся с большим участием, чем родные и друзья. Сегодня же он решительно и бодро пришёл к пруду, влекомый какой-то неведомой, внутренней силой. Не обращая ни на кого внимания, он быстро подвигался по ледяным заберегам, в сторону открытой, залитой солнцем степи. Семья кликунов в стороне притихла и смотрела на пришельца, в котором, вероятно, не узнавала скромного калеку; один, самый старый лебедь даже с негодованием направился к нему. Но убогий слепец не замечал ничего. Всё громче, всё радостнее звучал его гармоничный голос, он ускорил шаг и, наконец, в неудержимом порыве с шумом взмахнув крылами, тяжело поднялся и полетел.

Не я одна наблюдала эту картину. Все лебеди, вместе со мною, следили за изгнанником — следили с любопытством, и, вероятно, затаённой завистью — он, единственный из всех их, мог летать, ему одному, как бы в утешение, оставлены были целыми и невредимыми могучие крылья...

...Вот, многоуважаемый Валерий Иванович, в каких наблюдениях и переживаниях незаметно проходят дни за днями. Только природа и жизнь в непосредственной к ней близости помогают переживать трудное время... Вероятно, всё-таки для общей, непостижимой для нас гармонии, на земле всегда необходимо сочетание звонкого смеха с глухими рыданиями...

14 февраля 1918.

Е.В. Козлова

ИЗ ЖИЗНИ ПЕВЧИХ ПТИЦ ПЕТРОГРАДА

В общественных садах и парках Петрограда певчие птицы всегда находили себе хороший приют и, несмотря на скудость растительности, благополучно выводили птенцов.

За последние годы количество гнездящихся птиц в черте города несколько возросло, а текущей весной даже малонаблюдательного человека должно было поразить необычайное обилие соловьёв, украшавших своими трелями не только тенистые аллеи Таврического и Михайловского садов, но и некоторые улицы, где они распевали в зелени невысоких деревьев (наприм[ер], на Александровском просп[екте] Петроградской стор[оны]).

Из менее заметных певчих птиц, наиболее часто встречающихся на улицах города, следует отметить горихвостку садовую и чеккана-каменку. В прежние годы горихвостки (кроме садов) очень охотно гнездились в поленищах дров, которых по Петрограду было сложено немало, в особенности вблизи казённых учреждений; но сейчас, сообразуясь с переживаемым кризисом, горихвостки вместо дровяных складов прекрасно устраиваются в полуразрушенных или недостроенных каменных домах, со стен которых постоянно доносятся их меланхолические, звучные голоса.

Эта изящная птичка поёт с необыкновенным рвением: днём городской шум и движение трамвая её, по-видимому, несколько не беспокоят, вечером она отдыхает не более трёх-четырёх часов, а ночью уже с 12 ½ часов (по солнечному времени) среди тихой, сонной улицы снова начинает раздаваться знакомая печальная трель.

В настоящее время чекканы встречаются в Петрограде значительно чаще, чем раньше, так как для них случайно создались более благоприятные условия жизни. Во многих местах города, там, где были деревянные дома, от которых сейчас остались одни только трубы да беспорядочно разбросанные кучи кирпича, можно встретить этих птиц¹. Так, например, на Шпалерной ул. недалеко от Литейного пр. (против дома № 34) гнездится пара чекканов; точно

¹ В садах Петрограда я ни разу не видела чекканов.

так же их характерное, отрывистое «тью»... «тью»... и звонкое прищёлкивание слышится постоянно на Тверской ул. против Старообрядческой молельни. Вблизи Зоологического музея Академии наук я мельком видела каменок, сидевших на кирпиче, и, наконец, на Смольном пр., около дома № 6, я имела случай наблюдать их гнездование.

Чеккан — необыкновенно миловидная, стройная птичка, и наблюдения за ним доставляют большое эстетическое удовольствие. Гордая, прямая посадка изящного тела, быстрые энергичные движения, оригинальные поклоны и подёргивание хвостиком — всё это говорит о чрезвычайно живом, деятельном характере каменки. Редко-редко можно видеть его неподвижным. Обычно он или быстро бегаёт по земле, наклонив головку и делая настолько частые прыжки, что кажется, будто он семенит ногами, как трясогузка; или, взобравшись на высокий камень, земляную сопку или палочку, вертикально воткнутую в грядку, он бойко и вызывающе оглядывается по сторонам, делая поклоны всем телом; потом сразу срывается с места и летит низко над землёю, сверкая своим белым надхвостьем; почти весь день проходит за ловлей насекомых, из коих явно предпочитают кузнечики. Поймав свою жертву, чеккан не сразу съедает её, а носится некоторое время с камня на камень, держа её в клюве, и, не переставая, издаёт своё «ти»... «ти»... Затем птичка быстро и решительно ударяет насекомое о камень и в одно мгновение съедает его.

Гнездо моих чекканов находилось в центре кучи камней и мелкого щебня, так что снаружи, не разбирая сооружения, его нельзя было достать рукой; рядом тянулись гряды, где по вечерам постоянно работали и ходили люди. Это не особенно смущало птиц. Они, правда, в часы работ избегали посещать заветную щель под большой каменной плитой, но летали по всему засаженному участку и кормились по-прежнему. Днём, когда огородники отсутствовали, чекканы заботливо питали своих птенцов, ежеминутно залетая под камни по очереди. При этом меня всегда удивляло, что они ни разу не столкнулись в гнезде, а каждый всегда определённо знал, — где в этот момент находится его пара, и в зависимости от этого — или сразу шмыгал в щель, или сидел в выжидательной позе на камнях. Самка обыкновенно оставалась в гнезде дольше самца, но самец чаще возвращался с добычей...

На том участке огорода, где находилось гнездо каменок, я не замечала никаких других птиц; они, по-видимому, строго охраняли свой район и ожесточённо гоняли случайно залетавших сюда

воробьёв, преследуя их до самой ограды... Но, защищая свою независимость от себе подобных, чекканы оказались, конечно, совершенно бессильны при столкновении с маленькими людьми. В один прекрасный день пришёл в огород мальчик десяти лет, и спокойно отвалив каменную плиту, вынул из гнезда несчастных птенцов...

Что делали птички в первый момент обнаружения несчастья, — я не знаю; я видела только, что вечером того же дня, на знакомой куче камней неподвижно сидела какая-то жалкая фигурка. Взяв бинокль, я убедилась, что это была самка чеккана. Она слегка нахохлилась и поражала своей необычайной застывшей позой. Ни привычного кивания, ни подёргивания хвостиком, ни поворотов головы... Самец несколько раз подлетал и садился вблизи, проявляя прежнюю живость, самка же не двигалась, и, видимо, что-то переживала в своём материнском сердце. Через два дня чекканы исчезли из нашего огорода.

Кроме чеккана и горихвостки, на улицах Петрограда можно нередко встретить поющего зяблика; однако, гнезда его вне сада я никогда не встречала, а потому не решаюсь причислить его к «вполне уличным» птицам. В садах трель зяблика доминирует над всеми другими голосами, и сейчас, в середине июня, когда наступила уже пора вылета птенцов, можно видеть многочисленное молодое поколение этих птиц, с излишней доверчивостью прыгающих у самых ваших ног, к большому неудовольствию осторожных родителей.

Вообще пернатое население петроградских садов достаточно разнообразно. Громкой и выразительной песне зяблика почти всегда вторит нежное, смягчённое и не совсем точное эхо маленькой, тоненькой пеночки-веснички. Славка-черноголовка радостно и сочно выделяет свою неподражаемо-прекрасную песню. Тихо-тихо сплетает один мотив с другим большеглазая малиновка. Она словно не дышит во время пения, которое представляет из себя бесконечную вереницу приятных — чистых, но чрезвычайно негромких вариаций. По полянкам, ежеминутно срываясь с веток и ловко переворачиваясь в воздухе, оживлённо ловят насекомых серые мухоловки. Синички-лазоревки с бойким свистом исследуют старые берёзы и лиственницы. Высоко забравшись на густолиственный дуб и неподвижно сидя на ветке, поёт немудрая коноплянка... Но вот со стороны питомника всё чаще и чаще раздаются какие-то стрекочущие, скрипучие звуки, к которым примешиваются отдельные ноты, заимствованные из скромных репертуаров ласточки, воробья, зеленушки и большой синицы.

Это поёт камышёвка-пересмешка². Подойдя к самой ограде питомника, нетрудно обнаружить эту маленькую, незаметную певунью, отдающую своему делу с большим увлечением. Вот она сидит на вертикально торчащей кверху, выдающейся веточке кустарника и старательно раскрывает клюв, из которого непрерывно льются довольно некрасивые рулады. Не прерывая своей песни, камышёвка поднимается на воздух и с высоты, расправив неподвижные крылышки, снова опускается в заросли, причём песня во время этого тока делается особенно громкой. Уже оперившиеся птенцы камышёвки любят, как и взрослые, сидеть, ловко уцепившись за одиночные вертикальные веточки куста и, непрерывно трепеща крылышками, беззвучно разевать свои большие рты, даже в отсутствии родителей.

Бичом Таврического сада является большой чёрный кот, — этот хищник, по-видимому, промышляет исключительно птицами... Один раз я помешала его охоте в тот момент, когда он уже сделал прыжок в кусты, где приютился целый выводок только что оставивших гнездо куцых, желтоклювых горихвосток, а другой раз мне удалось спасти от его цепких лап почти взрослого, но неопытного, глупого зяблика...

Этими беглыми наблюдениями мне хотелось лишь указать всем любителям природы, что, даже живя в самом центре города Петрограда, можно не прерывать общения с красотой жизни «большого мира» и черпать в нём ясность и бодрость.

Июнь, 1922 г., Петроград.

² Песню камышёвки словами можно изобразить так: «чи-крккр... чики... крккр... Чикр-чикр-чикр... пинь-пинь-крккр-чир-чир-чир...».

ПИСЬМА АКАДЕМИКА П.П. СУШКИНА Е.В. КОЗЛОВОЙ (1917–1928)

Письмо 1

29. III. 1917. Харьков
Сумская. Госпитальный пер.,
зоотомический кабинет

Многоуважаемая Елизавета Владимировна,

Пять дней тому назад получил Ваших трёх воронов — видимо, посылка шла кружным путём, да и вообще сейчас посылки запаздывают. Письмо Ваше получено уже давно, но я не отвечал, поджидая посылки. Очень и очень благодарен Вам за воронов, их у меня из этой местности не было. Считаю их за *Corvus corax kamtschatkensis* Дуб (все подчёркивания в тексте здесь и далее, сделанные П.П. Сушкиным, выделены курсивом. — А.А., Т.Г.). С своей стороны, когда перейдём к осёдлому образу жизни, пришлю Вам что-либо полезное для сравнения из случайных сборов. Ещё и ещё раз спасибо.

Конечно, когда сборы можно производить только попутно, а не в качестве главного дела, это приносит много разочарований. При всём этом у Вас есть кое-что интересное. На первом месте, конечно, улар. Перебирая свою коллекцию (у меня собралась богатая серия алтайских уларов), я вижу, что имеется какая-то форма, у которой окраска верха более чёрно-серая (менее буроватая) и отметины верха белее. На самом Алтае уларов у меня около 20 штук, таких нет, и эти куплены на Минусинском базаре, без точного нахождения. Но и на Минусинском базаре большинство такие же, как алтайские, т. е. эти, видимо, привезены откуда-то издали. Я сильно подозреваю, что Ваши и будут именно таковы. Самцы отличаются ясно, самки — труднее. Различия — в размерах птиц.

Интересна чайка. В какое время года она добыта и записали ли Вы про свежий цвет лап? С чайками могут быть сюрпризы. Орёл, по всей вероятности, настоящий *nipalensis* (*amurensis* и *bifesciata* будут синонимы). Не понимаю, в чём у Вас могло встретиться затруднение с перепелятником.

Я успел на 2/3 обработать свои алтайские сборы и при этом перебрать и прокаталогизировать соответствующие группы всей своей коллекции. Летом думал на некоторое время в Финляндию.

В Харькове переворот совершился мирно и торжественно; царский строй лопнул как хорошо созревший дождевик. Но еще долго придётся лечить и чинить старые раны. И это и будет экзамен русскому народу. Очень боюсь немцев.

Всего лучшего. Мой тёплый привет и поклон Петру Кузьмичу. Если надумаете в Харьков, то приезжайте, чтобы летом посмотреть коллекцию, на несколько дней.

Искренне преданный,
П. Сушкин

Письмо 2

31. X. 1923. Петроград

Многоуважаемая Елизавета Владимировна,

В половине октября получил Ваше письмо, а несколько дней тому назад пришли Ваши мелкие шкурки и скелеты клушицы. Орлана нет — не понимаю, куда он запропастился, и это тем более жаль, что Вы, по-видимому, сомневаетесь в определении. Определения, в которых Вы сомневаетесь — *Anthus* есть *A. maculatus*, (характерен зелёный тон, а не бурый как у *A. Trivialis*), *Totanus* есть *Totanus fascus*, вывода этого года, конечно, пролётный (употребляю старинное название). *Rallus* есть, конечно, *Rallus aquaticus indicus*. Шкурки набиты весьма недурно и дошли хорошо, не помялись. За клушицу спасибо. Такие повреждения неизбежны и не особенно вредят. Большое спасибо за присылки.

Не скупитесь записывать биологические подробности; у Вас есть на них глаз и умение выразить. В частности, хотелось бы иметь хорошие наблюдения над голубыми сороками, чтобы сравнить с тем, что известно о них из Испании.

Очень рад, что Вы получили-таки Хартерта¹. Я думаю, что он во многих случаях послужит Вам и как быстрый справочник.

Страшно досадно, что Вы поздно попадаете в центральную Гоби и в Гобийский Алтай. Впрочем, думаю, что Вы все равно попали бы туда не раньше осени, а максимум жизни приходится, конечно, на весну и раннее лето.

¹ Речь идет об издании: *Hartert E. Vogel der Palaarktischen Fauna. Vol. I (3). Berlin, 1905.*

В Туркестан мы съездили, но очень безрезультатно, ибо, вопреки условию, мне дали очень плохое ружье, и при этом пришлось сильно спешить. Так что, в сущности, только прокатились, да ещё с большою долею досады.

Надя² шлёт привет. Поклон Петру Кузьмичу³, и передайте нашу благодарность от музея. В музей получили в подарок большую (свыше 2000) коллекцию Тугаринова⁴ из разных мест бассейна Енисея, и порядочную, на редкость хорошо собранную коллекцию Капустина⁵ с Кольского полуострова. Кроме того, из Англии получена в обмен коллекция яиц из Британской Индии. Денег нет по-прежнему, и печатание по-прежнему скверно.

Пишите, не стесняясь, буду очень рад.

Проникают совершенно невероятные сведения о палеонтологических находках, которые сделали американцы у подножия Гобийского Алтая⁶.

Всего хорошего.

Ваш П. Сушкин

Письмо 3

16. I. 1924. Петроград
Зоологический музей Акад. наук

Многоуважаемая Елизавета Владимировна,

Поздравляю Вас и Петра Кузьмича с Новым Годом и желаю всего лучшего.

Троицкосавского орлана (*Haliaeetus albicilla*) давно получил, а дней 7 тому назад пришли посылки и письмо от Вас. Определения вообще верны. Орёл, по-моему, *A. nipalensis nipalensis*. Канюка правильнее считать за вид: *Buteo hemilasius*.

² Надежда Николаевна Сушкина, жена П.П. Сушкина, орнитолог, сотрудник Зоологического музея РАН.

³ Петр Кузьмич Козлов (1863–1935), муж Е.В. Козловой.

⁴ А.Я. Тугаринов (1880–1948) — орнитолог, зоогеограф, сотрудник Зоологического музея.

⁵ В. Капустин — зоолог, коллектор.

⁶ Речь идёт об одной из пяти экспедиций в Монголию американского палеонтолога Р.Ч. Эндрюса (Roy Charman Andrews), организованных Американским музеем естественной истории в 1922–1930 гг. Их результатом был ряд сенсационных находок — гнёзд с яйцами динозавров, скелета велоцираптора и останков других ископаемых животных.

Прочёл с большим интересом Ваши заметки о птицах. Я не понимаю, почему Вам нельзя жить в холоде. Если из-за соображений здоровья, то раз Вы решились на такое путешествие, Вам надо тренироваться. А затем мне кажется, при коротком дне и при необходимости стрелять вдали от Урги, выгоднее уезжать на несколько дней кряду, и тогда брать с собой войлочную юрту. Она очень хорошо держит тепло, и небольшая печечка железная или очажок из камней сделают житье совсем сносным. Порядком таких экскурсий Вы отлично используете время.

Что касается местностей, на которые надо обратить внимание, то сейчас, по-моему, это — урема или подобие её в долине Толы и лесные ущелья. К кустикам будут и многие степняки жаться. Весною ищите в уреме ремиза, а на болотных лугах *Pseudoscolopax taczanowskii*. И соберите сведения о фазанах. Урема и лес дадут много интересного летом по мелким птицам, и думаю, что найдутся амурско-маньчжурские элементы, пожалуй.

Дроздов видеть Вы могли. Скорее всего, это именно *ruficollis*, или *paumanni*. *T. atragalaris* в Минусинском уезде частью зимует. А корм есть, хотя бы в виде можжевельника.

Неужели Вам до сих пор не попались *Petronia* и *Pyrgilauda*? Ведь первый есть и у Троицкосавска, и у Урги. А *Pyrgilauda* в 1909 г. встречен у Урги и, по-видимому, нередок.

Prunella fulvescens — думаю, это *dauricus*: именно этот подвид в Забайкалье, Алтае, Тарбагатае.

Не знаю, откуда взял Павлов⁷, что мне особо интересны *Sua. suanus* из Урги? Я говорил, что это самая интересная из находок в Тургайской области.

Напоминаю совет Плеске⁸ о ловле сетью: сеть из ниток, калибр ячеек около дюйма, слабо натягивается вертикально среди кустов. Весною Вам это даст много хорошего.

Я вполне разделяю Ваши огорчения, и именно Ваши лично, так как Вам, конечно, хотелось пройти возможно дальше. Надеюсь все-таки, что удастся сохранить экспедицию с сокращённым маршрутом. И скажу от себя и от других зоологов, что за толковое исследование района: Хангай — верховье Орхона — Гобийский Алтай зоологи *очень* спасибо скажут. Ведь тут если и были иссле-

⁷ Н.В. Павлов (1893–1971) — ботаник, участник Монголо-Тибетской экспедиции, акад. АН Казахской ССР (1946).

⁸ Ф.Д. Плеске (1858–1932) — зоолог, орнитолог, экстраордин. акад. (1893–1896), директор Зоологического музея (1890–1897). В 1920-е гг. уч. хранитель, заведующий библиотекой Зоологического музея.

дователи, то проходили спешно. Толком мы не знаем фауны, и для меня, например, делавшего сводку по птицам Центральной Азии, район к востоку от Кяхто-Ургинского тракта представляется как-ким-то белым пятном. Может быть, даже это и не Центральная Азия, а опустыненная Маньчжурия.

Как только выясните маршрут, сообщите. Я возможно скорее изготовлю вопросник к птицам (раз маршрут известен, то я это могу сделать более подробно, чем при Вашем отъезде).

Привет Петру Кузьмичу. Над[ежда] Никол[аевна] и вообще музейные Вам кланяются. Хочу летом поехать за границу, не знаю, удастся ли.

Ваш П. Сушкин

Письмо 4

28. III. 1924

Многоуважаемая Елизавета Владимировна,

Отвечаю на три Ваших письма, которые я получил в течение дней 10 — два из них с «оказией», от 17 и 25 января, и третье почтой из Харбина, от 21. II. При всех Ваших злоключениях, не могу не позавидовать: эк Вас носит! Мое письмо (прошрое) Вы получили, и я повторяться не буду. Отвечаю на эти по порядку.

Птицы, перечисленные Вами, получены — кроме воронов. Очень рад прекрасной серии *Leucosticte giglioli*, которых у нас в таком количестве не было. Но — одно техническое замечание, и важное. Все или почти все шкурки жирны. Это чувствуется даже по запаху, когда открыт ящик. У крупных, как сорок, вероятно, поэтому перо страшно пропылено мукою, которая плохо выбивается (или, может быть, кроме того, мука нехороша?) А указываю на это потому, что перо может потом просолиться и потерять цвет; а если это и не случится, то *очень жирные шкурки непрочны и чрез несколько лет распадаются*. Поэтому присмотрите за работой препараторов.

Спиртовые материалы тоже получены. Спасибо за завирушек. О *Petronia* для меня не беспокойтесь: я добыл из Асхабада. Но факт очень интересен. Вероятнее всего, что *Petronia* изволят улетать на зиму. Но что завирушки зимуют — это для меня сюрприз.

Крупный зуб принадлежит мамонту — не вполне типичный сибирский, а более южная форма. Нахождение *очень* далеко к югу. «Мелкие» зубы — большинство принадлежат мелкому,

не крупнее лошади, примитивному безроговому носорогу, вероятно *Epiaceratherium*, а один — вымершей азиатской жирафе, вероятно *Alciscephalus*. Если придется, *то надо копать это последнее нахождение*, оно интереснее и, вероятно, очень разнообразно. Но меня приводит в смущение, что у вас никто не знаком с этой механикой.

Добыли ли Вы для шкурок *Accentor fulvescens*? Тоже нужно, я не помню, есть ли у нас вообще из Урги — но, во всяком случае, немного.

За *Suapofalius cyancus* большое спасибо.

Об американской экспедиции⁹ Вы знаете. Молодцы! А какая экипировка и подготовка! Пока что, впрочем, сведений ещё имеется мало, и совсем нет сведений о зоологических сборах, кроме того, что они громадны. Я пробовал навести справки письмами, но, по-видимому, моя корреспонденция с Америкой попадает часто не по адресу, и я на несколько важнейших писем не получил ответа. А между тем, как раз восточная Гоби особо интересна зоологически и известна очень мало. У меня впечатление, что её история была иная, чем остальной Центральной Азии.

Роскошные коллекции, собранные немецкой экспедицией Вейгальда¹⁰ в Ганьсу, Сычуани, Юнани, Хупэ и т. д., по-видимому, уже в Европе, но обработка их идёт очень вяло, не знаю почему.

Книг получается мало: они нам дороги, а денег так мало. Ведь я получаю, за всё и про всё, 62 руб. (а квартира не даровая!).

Алекс. Андр.¹¹ здоров, как и все музейские. Ос. Ив. Тон¹² уезжает совсем в Ригу; сегодня мы его провожали. Ольденбург¹³ вернулись уже давно, в ноябре. Об предполагающихся экспедициях газетной брехни много, да денег-то нет, и вот теперь должна бы экспедиция за ископаемыми ехать в Тургайскую область уже через две недели, а денег налицо только 500 руб.

Ваш план, в случае неудачи экспедиции, устроиться в Монголии одобряю. Если это решится, то напишите подробно и точно

⁹ См. выше прим. 6.

¹⁰ Речь, по-видимому, идет о Теодоре Вейгельте (*Weigelt, Theodor Gustav Otto*) (1890–1948), немецком геологе и палеонтологе.

¹¹ Бялыницкий-Бируля А.А. (1864–1937) — биолог, зоолог, зоогеограф, член-корр. АН СССР (1925); член-корр. Рос. АН (с 1923), директор Зоологического музея.

¹² О.И. Тон — по-видимому, сотрудник Зоологического музея.

¹³ Имеются в виду непрем. секр. АН акад. С.Ф. Ольденбург (1863–1934) и его жена Е.Г. Ольденбург.

Вашу резиденцию и возможный круг разъездов; я пришлю подробную программу. Кто этот благодетель? Не Бурдуков¹⁴?

От Нади поклон. Петру Кузьмичу привет. Всего хорошего.

П. Сушкин

P. S. При весеннем и летнем собирании обратите внимание на жёлтых трясогузок группы *Mot. flava*. Тут будут новости. Из Ордоса (сбор Пржевальского) и с Эдзин-гола (сбор П.К.) есть *молодые* (старые, вероятно, как линючие не добывались). Что-то интересное и, несомненно, новое, но с молодыми ничего не предпримешь. Неужели не видели *Purgilauda davidiana*? В прошлую поездку её добывали близ Урги и зимою. Добудьте на скелеты (у меня есть, но с изъяном).

Письмо 5

7. V. 1924

Многоуважаемая Елизавета Владимировна,

Отвечаю на Ваше письмо от 27. III и 5. IV. Перед этим писал Вам 28. III. С завистью вижу, что у Вас начинается весна и время настоящей работы. Ваши посылки пока что ещё не пришли.

Совершенно не имею оснований возражать против того, что Вы написали отчёт. Зафиксировать то, что вы сделали, это Ваше право и это нужно, особенно когда Вас спрашивают об этом, и настоятельно. Предварительный характер отчёта Вы знаете сами и подчёркиваете.

По существу, те места отчёта, которые Вы мне прислали, произвели благоприятное впечатление. Есть одна ошибка: *Totanus fuscus*, конечно, не гнездящаяся, а пролётная птица. Относительно вступления скажу следующее. Вы пишете хорошо. У Вас есть чутьё природы и наблюдательность, нужно только дальше пользоваться ею. Далее. Вы хорошо передаёте настроение — не авторское, чем многие злоупотребляют (иной раз хочется такому автору сказать: да какое мне дело, что ты почувствовал; ты напиши так, чтобы я почувствовал), — а именно то настроение, которое разлито в природе и сообщается наблюдателю. Но следует избегать антропоморфизации, навязывания природе или зверю своих чувств, и избегать

¹⁴ Бурдуков А.В. (1885–1943) — монголовед, долгие годы жил и работал в Монголии, преподаватель Ленинградского Восточного института (с 1927) и Ленинградского государственного университета (с 1931).

метафор. Очень хорошо у Л. Толстого, что «белые бабочки летали как раскислые», и очень дурно у Чехова, когда степь прячется под тучей как жиденята под одеялом или гром гремит, словно кто босиком идёт по крыше. Вот и у Вас: очень хорошо про коршуна, а зачем он летает «дозором»? Похоже, но это человеческое. Очень хорошо Вы описываете, как поют завирушки. Но почему они «собирают корм, бросая *наблюдателю*, как бы между делом, свою тихую песню». Ведь про наблюдателя они и не думают; выпустите это слово — получится и красиво и правдиво.

Не посетуйте за эти «мелочи и придирки». Вообще-то повторяю, Вы пишете прямо-таки хорошо, и хочется выправить то, что я считаю ненужными и портящими дефектами.

Весна у нас поздняя и дурацкая. Ночь Светлой Заутрени была хорошая ночь под Рождество. Сейчас снег стаял, но отвратительно холодно. Мне нездоровится. У нас с Надей праздники не в праздники: приехал один знакомый и захворал у нас, возимся с ним. Всё это очень отражается на работе. Денег нет, к Пасхе выдали только половину жалованья. В Америку не попаду, да и в Англию едва ли, ибо на заграничную поездку дают 500 руб., да и то ещё могут урезать! Недавно мне послал Stuart Baker в подарок Fauna of British India¹⁵ — «пропала в дороге». Послали из Америки посылку с птицами — тоже нет как нет, а птицы очень интересные.

Я заявил, что не выставляю свою кандидатуру в директора музея, и на это трёхлетие выбрали опять Бирулю. Он очень доволен. А я доволен, что меня выбрали в почётные члены Британского Орнитологического Союза (каких полагается всего 10).

Сильно и нехорошо заболел Скориков¹⁶: отнялись ноги; какое-то таинственное заболевание, но не паралич.

Всего хорошего. Поклон Петру Кузьмичу,

Ваш П. Сушкин

P. S. Ваши *Prunella*, посланные мне, — *Prun. fulvescens dahuricus*, и, во всяком случае, не *montanellus*. Может быть, Вы нашли обеих *Pseudoscopolas taczanowskii* — у Хартерта *Macrorhamphus semipalmatus*. Название *semipalmatus* ненадёжно; *Pseudoscopolas* Хартерт просто не отделяет в отдельный род.

¹⁵ Речь идёт об издании: *Baker E.C.S. The Fauna of British India, including Ceylon and Burma. Birds. 1922–1930*. Первые два тома вышли в 1922 и 1924 гг.

¹⁶ Скориков А.С. — энтомолог, член Энтомологического общества, сотрудник Зоологического музея.

Письмо 6

19. IX. 1924

Многоуважаемая Елизавета Владимировна,

Извините за долгое молчание. Не ответил сразу на Ваше письмо, ожидал обещанных присылок, а затем было некогда, в хлопотах о поездке за границу и в подготовке. 15-го получил письмо от 8. VIII и при нём копию с отчёта.

Очень досадно, что до сих пор главной массы присылок нет. Небольшая посылка пришла, в том числе бидон со спиртом. Голубую сороку получил. Вообще же за всё время получено птиц 101 шкурка, 4 спиртовые птицы и 2 сухих для скелета.

Я искренне желал исполнить Ваше желание, чтобы я так или иначе охарактеризовал в Главнауку результаты экспедиции (об этом же просил Шокальский¹⁷ и П.К. писал А.А. Бируле). Но до получения Вашего списка (последнего) я прямо скажу, что у меня на это не было материала. Да и теперь я ещё в лучшем положении, чем другие зоологи; насекомых так и не поступало, зверьков очень мало, а о ящерицах (*Lacerta vivipara*, которых под Петербургом немало) не стоит и говорить. Боюсь, что теперь можно к этому добавить, что раскопки вовсе убили зоологический сбор, привязав часть экспедиции к неинтересному месту. Из Ваших писем, как и из предыдущих, вижу немало интересного, но и немало материала для догадок и сожаления. Больше всего мне жалко, что Вы пропустили случай узнать, какой сокол гнездится в Кентее. Зная биологию соколов, можно вполне было, на худой конец, убить одного родителя, раз птенцы уже стали оперяться. Когда теперь повторится этот случай?

Затем вообще из писем я меньше научился, чем я ожидал. У Вас очень слабо по *Sylviidae*, а они очень характерны для фауны; удивлён отсутствием *Larvivora**) *cyane*, *Janthia cyaneus*, и *Cyanecula**) *suosica*. Последняя была очень нужна, и, несомненно, есть в верхнем поясе, по крайней мере. Должен бы быть *Pratincola insignis* (найден на пути от Уляссутая к Сангин-далаю). В *Sylviidae* удивлён отсутствием сведений о *Hippolais (Iduna)*. Или Вы их не знаете? Во всех степных кустиках. Мухоловок поразительно мало. Сорокопутов тоже. Также жаворонков (должен быть, по кр. м., *Calandrella brachydactyla* и, вероятно, и *Pispoletta*), и удивлён отсутствием трясогузок группы *flava*.

*) у Хартерта все *Erythacus*

¹⁷ Шокальский Ю.М. (1856–1940) — картограф и океанограф, почетный член АН СССР, президент РГО (1917–1931).

Сомневаюсь в *гнездовании* *Turdus obscurus*. Верно ли?

Отсутствует *Riparia riparia*. Птичка нередкая вообще, а подвид из Урги неизвестен.

Добыли ли взрослого ремиза? Я ручаюсь, что это не *pendulum*, но Ваши данные не дают материала для суждения. *Siphia**) конечно не *parva*, а *albicilla*.

Добыли ли *Aquila chrysaetus*? Я не знаю, почему это *dajkanes*. Из Кобдо другой.

Гнездование *Anser hyperboreus* — или колоссальное открытие: полярная птица, свойственная преимущественно Америке, гнездится на Толе, да ещё — по отчёту — на деревьях!!! — или же колоссальное недоразумение. И ни он, ни *Anser indicus* не добыты**.

*) у Хартерта *Muscicapa*. **) Вам их, по отчёту, привозили охотники. Но если действительно они были у Вас в руках, хотя пролетные и не сохранены, то это Бог знает что. Неужели какие-то мистические причины помешали сохранить хоть крыло и клюв???

Куликов изумительно мало. Ни одного *Erolia*!! И нет *Pseudoscolopax*, а они на Толе были добыты Северцовым¹⁸.

Из отчёта я не могу понять, представляет ли он сводку или это только Ваши наблюдения и сборы. Не вижу также, много ли птиц добыто всего.

Очень жаль, что Вы не попали в Монгольский Алтай. Это одно из интереснейших мест. Впрочем, там будет *Mr. Chafin*¹⁹, которого сборы надеюсь увидеть в *American Museum*²⁰.

Что касается Вашего отчёта в Главнауку, то о вкусах их я не берусь судить. Если бы мне пришлось давать рецензию, то я сказал бы, что не следует отчёту придавать характер стихотворений в прозе, как бы они хороши ни были, и пошутил бы, что о том, как суслик бежит на коротеньких ножках, поглядывая тёмными глазками, можно узнать, и не снаряжая большой экспедиции... Если бы мне пришлось писать отчёт, я придал бы ему более сухой и более деловой характер, указал бы и число добытых птиц; из биологии указал бы то, что является новым (вот за сведения о токе *Tetrao parvirostris* спасибо). О млекопитающих писать не стоило: Вы их

¹⁸ Северцов Н.А. (1827–1885) — зоолог, зоогеограф и путешественник. В 1857–1879 исследовал Среднюю Азию и Памир.

¹⁹ По-видимому, речь идёт об американском палеонтологе Рое Чэппене Эндрюсе, см. прим. 6.

²⁰ Речь идёт об Американском музее естественной истории (*American Museum of Natural History*) в Нью-Йорке.

не знаете, и они прямо, по совести скажу, портят отчёт. Не скрою, что погоня за литературностью портит и точность наблюдений. Очень красивая картина, *Aquila nipalensis*, сторожащие у широкой реки свою добычу — гусей и уток — да беда в том, что это отчаянный грызунятник, он и прилетает-то, когда проснутся суслики (в Кирг. степи). — Русские термины местами вводят в заблуждение. Что такое «красивые» жуланы? Название жулан литературно приурочено к *Lanius collaris*. Что такое жёлтые овсянки? *Emberisa citrinella*? Да её нет там, судя по Вашему же списку.

Относительно Ваших недоумений скажу следующее:

1) тетерев — не *viridanus*, а какой — пока не знаю; думаю, или *mongolus*, или *baicalensis*.

2) *Lanius cristatus* и *Lanius phoenicurus* по Хартерту синонимы (по-моему, неверно: *cristatus* относится к восточной форме, т. ч. название Вашего — *L. cristatus phoenicurus*).

3) чечётку и мухоловку взгляну, если успею. Сейчас не помню.

4) Один из присланных Вами орлов определён как *Aq. heliaca heliaca*. Это типичный мой *nipalensis*.

Ваши сборы (кроме первой присылки, которая по ошибке размещена уже, но легко может быть выбрана по списку) я велю класть особо, т. е. вернувшись, Вы найдёте всё присланное вместе. Если Вы пожелаете сами обработать сборы (это я считаю самым правильным), то милости просим. Т. к. я не знаю, когда Вы вернетесь, то я отдам распоряжение на случай, если это произойдет в моё отсутствие. Меня замещает Серебровский²¹, которого Вы знаете, а затем остаются Штегман²² и Плеске.

Я, кажется, уеду наконец 25-го. Сделаю короткую (дней 10) остановку в Берлине, а затем в Англию и постараюсь в Америку. Денег дали до смешного мало — 1000 руб.; придётся зарабатывать, а в Америку ехать в эмигрантском пароходе. Стыдно за это не мне.

Нахожусь под впечатлением отчёта американцев. Они с автомобиля фотографировали на близком расстоянии бегущих куланов и дзеренов. С этого лета поехали и орнитологи; сведений пока не имею.

Виноградов²³ ездил в Забайкалье. Привез (за 3 месяца) 300 млекопитающих. Я никуда не ездил — ни денег, ни ружья, да и хлопоты о границе.

²¹ Серебровский П.В. (?–1943/44) — зоолог, сотрудник Зоологического музея.

²² Штегман Б.К. (1898–1975) — орнитолог, сотрудник Зоологического музея.

²³ Виноградов Б.С. (1891–1958) — зоолог, сотрудник Зоологического музея.

Всего хорошего. Привет от Нади. Она едет со мной.
Искренне преданный,

П. Сушкин

P. S. Вернусь к весне. Лондонский адрес: 214 Meadvale Road, Ealing W5, London.

P. P. S. Успел посмотреть присылки. Загадочной *Acanthis* и мухоловки, с датами, на которых Вы указываете, в них нет. Очевидно, не пришли.

Письмо 7

5. XI. 1925

Петербург. Зоологический музей
Академии наук

Многоуважаемая Елизавета Владимировна,

Приехал в Россию 21. X и начинаю ликвидировать недоимки, накопившиеся за мое отсутствие. Получил Ваше письмо от 12. IX. 1925 и рассматриваю поступившие коллекции.

Мало-помалу, начинает теперь собираться интересная коллекция. Я очень доволен добытою Вами серией соколов — интересна и местность, и самые птицы. Затем, очень хорошая находка — это *Prunella kozlovi*, птица линияет из гнездового наряда, т. ч. несомненно, местная. А вдобавок, она оказывается новым подвидом. Точно так же, несомненно, новая будет *Certhia*. Интересна *Scotiaptex cinerea* (лапландская сова), которую уже и окрестили в Вашу честь. Самое-то интересное не столько эти новости в смысле систематики, сколько факты в смысле распространения, и, подозреваю, что край пережил довольно сложную историю. Уж очень неясен переплёт таёжных и монгольских форм, и интересны также очень далёкие на востоке нахождения западных.

Определяете Вы вообще не дурно, но иногда делаете удивительные ошибки. Как это у Вас оказались сычи под-одно, *Athene noctua bactriana*, когда у Вас есть и она (вернее *plunipes*) и *Cryptoglaux tengmalmi*? А «бекасовидного веретенника» Вы сами же проглядели, определив его как *Limosa rufa*, правда, со знаком вопроса. Впрочем, у тех, кто подходит к орнитологии таким путем, как Вы, обычная вещь это ошибки в родовых признаках, а Хартерт для определения родов труден, и нельзя сказать, чтобы хорош, так что представляет плохую помощь Вам. Впрочем, со временем, когда будете сами обрабатывать коллекцию, эти дефекты легко наверстаются.

Тафахолусун, по Вашим описаниям, *очень* (подчёркнуто трижды. — А.А., Т.Г.) интересен, и я уверен, что хороший сбор оттуда

даст много для истории фауны этой части Азии. Всячески постарайтесь побывать там, и именно во время гнездования птиц. Возможно, что Вы там встретите фауну бедную, но очень смешанную, остаток того времени, когда пустынная Азия не была такою преградой между севером и югом, востоком и западом.

Что касается моего предыдущего письма, то я сказал то, что считал себя обязанным сказать, и с удовольствием вижу, что теперь орнитологические результаты в последнем итоге [стали] более интересными, чем они были в начале. И я думаю, что и Вам ясно, что моя критика не имела ни личного, ни злостного характера. К каким погрешностям привёл недостаток подготовки, Вы с *Anser hyperboreus* видите сами. Но, повторяю, в конце концов, коллекция интересна. Только — побольше *Sylviidae*!! И я думаю, что в них Вы лучше разберётесь, чем другие спутники.

Я пробыл 2 ½ мес. в Англии и 9 мес. в Америке. От последней я в совершенном восторге. И там мне удалось кое-что и напечатать и пристроить к печатанию свой Алтай²⁴ наконец-то! Правда, выйдет на английском языке. Но ведь те, кто действительно интересуются у нас орнитологией, в большинстве случаев справляются с английским языком.

Всего хорошего. Привет Петру Кузьмичу. Пожелание успехов — и привезите *Podoces humilis*!!

Ваш П. Сушкин

Письмо 8

4 февр. 1926

Петербург. Акад. наук
Зоологический музей

Многоуважаемая Елизавета Владимировна,

Сегодня получил Ваше письмо. Спешу ответить, чтобы не опоздать с некоторыми инструкциями. Я приступил к составлению обзора русского орнитологического материала по Центральной Азии и перетряхиваю теперь всё! К слову сказать, Вас и Вашей будущей обработки Ваших сборов это не задевает и даже поможет, т. к. даст сводку сравнительного материала, и потом характер работы у нас будет разный. Выясняется — как только разложить серии по географии — масса нового, но и масса пробелов, конечно.

²⁴ Речь, вероятно, идет о планах публикации в США двухтомной монографии П.П. Сушкина «Птицы Алтая».

Saccabis chukar (я его считаю особым видом, причисляя сюда всех азиаток кроме *magna*) обнаружилось потрясающее количество подвидов. *Обязательно добудьте*, ибо из Алашаня новый, он же доходит до Хурху; из Дельгир-хангая — только один экземпляр, обношенный, ничего с ним не сделаешь, по-видимому, новый. Важно добыть именно весной, пока не обношены.

К уларам Вы и так питаете нежность. Я подбавлю, сообщив, что из Гурбун-сайхана новый подвид (*T. altaicus orientalis*).

Prunella kozlovi Вашей экспедиции оказалась новым подвидом. Обратите внимание на биологию! Она интересна, т. к. птица явно пустынной окраски, а между тем явно близка к лесной *P. atrogularis* и ни к какой другой.

Фазан с Эдзин-гола — новый подвид, не *satschenensis*! Как досадно, что их привезено только два всего.

Оказываются новые подвиды *Tetraog. tibetanus*, *Perdix sipanica*, *Tetrastes severtsovi* — впрочем, Вы до них не дойдете.

Вообще, великое дело, что коллекции так давно не обрабатывались. Если мне удастся закончить мою сводку, то это послужит хорошей программой путешественникам: будет видно, чего не хватает.

Очень рад, что Вы добыли филинов. У нас из этих мест их нет.

Интересно, какие у Вас *leucosticte**). Ведь в Хангае у верховьев Дзапхана, несомненно, новая, и её ещё Северцов заметил, но чего Вы поделаете с двумя лишь обношенными птицами!

Из прежних Ваших сборов с удовольствием отмечаю *Erolia acuminata*. И как жалею, что не сделано наблюдений над *Pseudoscolopax*! Павлов говорил, что где-то видел их много.

Если будете в альпийской зоне летом, ищите *Pratincola insignis*!!

Ваши посылки пришли, не знаю все ли или часть. Я их, не глядя, отправил по обычаю в дезинфекцию; к концу февраля надеюсь удосужиться ответить Вам на Ваши вопросительные знаки. Все Ваши присылки откладываются в ожидании Вас отдельно.

Я сильно устаю, и потому очень медленно перевожу свой Алтай.

Всего хорошего. Поклон от Над[ежды] Ник[олаевны].

Ваш П. Сушкин

Р. С. Семенов (А.П.)²⁵ здоров, по-прежнему «разговорчив», и на днях писал Вам.

*) Hartert их напрасно соединяет с *Leucosticte*.

²⁵ Семенов-Тянь-Шанский А.П. (1866–1942) — энтомолог, сотрудник Зоологического музея. Обрабатывал энтомологические коллекции Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова (1907–1909).

Письмо 9

4. VI. 1928

Дорогая Елизавета Владимировна,

В.И. Крыжановский²⁶ третьего дня сказал мне, что он накануне звонил Вам по делам Вашей сметы, и, так как Вас не было, то он осведомил о положении дел Петра Кузьмича.

Я опускаю лирику. Крыжановский сделал это по усердию предо мною, чего я никак не ожидал, т. к. Раевский²⁷ Вам сказал уже всё, и Крыжановский только повторил всё это. Конечно, я не мог не догадаться предупредить Крыжановского.

Считаю нужным сообщить Вам об этом. Вместе с тем могу посоветовать и уполномочить в случае надобности сослаться на меня — что я настоятельно советовал помалкивать о своих предположениях, покуда они не приобретут реальную форму. Ведь сейчас сметы по экспедициям ещё и в Москву не посланы и поэтому правильнее подождать, когда наметятся возможности хоть в виде соображений, насколько смета будет удовлетворена.

Мог написать Вам только сегодня, т. к. лишь сегодня узнал Ваш летний адрес.

Так сказать, собственноручно посадил Тугаринова и Иванова²⁸ в вагон. От Шульпина²⁹ пришли солёные птицы. Очень интересно-го нет, но хорошие вещи есть, м. проч. гуси: *sibiricus*, *serricartris*, *cugnoides*.

Всего хорошего.

Ваш П. Сушкин

Письмо 10

12. VII. 1928

Дорогая Елизавета Владимировна,

Спасибо за добрые слова. — Я неделю провалялся в постели, в каком-то блаженном усении, порядком одурев и ослабев. Вдобавок разнесло пальцы ног (подагра). Сейчас хожу, но не без боли, и без всякого удовольствия.

²⁶ Крыжановский В.И. (1881–1947) — геолог, минералог, сотрудник Геологического и Минералогического музея РАН.

²⁷ Предположительно речь идет о сотруднике РАН Н.В. Раевском, уч. секр. Комитета по исследованию союзных и автономных республик (1928).

²⁸ Иванов А.И. (1902–1975) — орнитолог, сотрудник Зоологического музея.

²⁹ Шульпин Л.М. (1905–1942) — орнитолог, сотрудник Зоологического музея (с 1928 г.).

Тугаринов стащил из Троицкосавского музея великолепный экземпляр *Mergus squamatus*, как-то попавший туда из Тяньзиня.

Вполне разделяю Ваши настроения, ибо терпеть не могу болеть, и терпеть не могу больных. Когда всё сие происходит на почве исконно российского свинства, то это становится особо несносно. Что хотите: тон задают люди, которые и у себя дома, независимо от достатка, не умеют уютно и удобно устроиться, а служащая интеллигенция словно рада случаю опуститься. Ольденбург сильно переутомился (нервы и сердце), и его отправили в Кисловодск. Я ему всегда ставлю в большую заслугу, что он никогда не искал для себя выгод. Но я миллионы раз по поводу его действий вспоминаю слова Талейрана: «это хуже, чем преступление, это ошибка».

Всего хорошего.

Ваш П. Сушкин

P.S. Сижу над своим Алтайским талмудом. Из комментария общего распространения выходят вещи интересные даже для меня. Дотерплю ли?

Письмо 11

17. VIII. 1928

Кисловодск
санаторий ЦЕКУБУ 35

Дорогая Елизавета Владимировна,

Получил Ваше письмо. Но и затянули же Вы заупокой! Буду знать, какое впечатление будет производить отделение после моей смерти; жаль, что не сфотографировал. — Я считал, что Вы знаете, что я хотел уехать куда-либо на воды; так как в начале июля меня опять уложило в постель, то я и порешил поехать. Средств не пожалели поехать вдвоем, а главное, я считаю, что Над[ежда] Ник[олаевна] должна стараться на своём новом поприще и не прерывать работы. Здесь совершенно хорошо в смысле кормёжки и врачебного ухода: устроить таковой в Питере было бы не по средствам. К сожалению, я опять расхворался, на третий день по приезде слёг, и вчера первый день без температуры. Захватил сюда кое-какую работу (немного), но пока не до неё. Решил, раз всё равно оторвался от дела, долечиться как следует; а по приезде надеюсь бросить администрацию.

Так перепугавшие Вас чистые папки (спасибо: неужели я такой грязнуля?) объясняются очень просто. Предстоял долгий (я рассчи-

тывал 6 недель, выйдет теперь больше) перерыв работы. За это время я или перезабыл бы, где что лежит, или должен был бы напрягать память, которую я берегу; а могло быть ещё хуже: кто-нибудь без меня навел бы «порядок». Я и решил сам привести всё в полный порядок, по крайней мере, нечего будет думать, вспоминать и искать. А затем вообще полагаю, что человеку, любящему свою работу, надлежит помнить час смертный и подумать о том, чтобы в его наследии легко было разобраться. Это отнюдь не относится специально к моему состоянию здоровья или настроению.

Само собою, «рукописным талмудом», если нужно, можете пользоваться по-прежнему. Только одно: уже возьмите всю папку целиком, а на месте её оставьте записку. И конечно, не уносите из музея.

Болезнь и особые, административного свойства, помехи в итоге сильно помешали мне: английский текст готов, только кончил Falco saceroides. И немного, но и много, т. к. я всюду даю ревизию общего распространения, пересмотренную, т. е. частью заново, да ещё описанию птиц предшествует история путешествий и физико-географический очерк. Да ещё просидел над описанием картинок.

Всего хорошего.

Ваш П. Сушкин

Р. С. Погода очень неустойчивая. Призраки питерских дел мало мешают мне; главный собеседник — Борисяк³⁰, с которым говорим на научные темы, как раз то, чем меньше всего приходится заниматься в Петербурге.

Письмо 12

4. IX. 1928

Дорогая Елизавета Владимировна,

Несколько дней тому назад получил Ваше письмо и вчера открытку. Киску-то я при встрече, конечно, высек бы — не за интерес к моей персоне, а за чрезмерный интерес к птицам. Относительно письма Вашего скажу, что Вы мастерски ругаетесь по-английски, что я мог оценить: либо Вы читали много беллетристики, либо у Вас учителем была не дама. Впрочем, в предисловии к книге Miss Naviland³¹ напечатано: The life is constant struggle for existence or, as

³⁰ Борисяк А.А. (1872–1944) — геолог, палеонтолог, акад. АН (1929), организатор Палеонтологического института РАН.

³¹ По-видимому, английская писательница (см. следующий абзац письма).

one cynical person has expressed it, is one damned thing after another³². От последнего афоризма вполне логический переход к состоянию моего здоровья. Собственно говоря, и писать о нём нечего, бюллетень был бы самый скучный: глубокий (капиллярный) бронхит вещь затяжная, то лучше, то хуже, а пока температура не спадёт окончательно и не установится, ванн брать нельзя. Эти дни опять небольшое обострение. Но вообще температуры выше 38, кажется, и не было. Не повторяйся у меня эта вещь столь часто (и не действуй она, хоть медленно, на сердце), почти нечего было бы и говорить. Погодой я не обижен, только сегодня прокисло и я сижу в комнате, но все эти дни было великолеpie. Западное побережье Кавказа я не люблю: сыро. Сколько времени придётся пробыть здесь, сейчас нельзя сказать.

За заботы о книгах спасибо (Danke — nein): здесь при санатории есть библиотека, есть и иностранная литература, и я читаю английскую беллетристику. Пусть меня убьют, если я хоть что помню, но я это и называю: курс лечения головы промывательными.

У Штегмана, правда, интересные результаты. Но с Вашей характеристикой не имею оснований спорить. Я не знаю, перейдёт ли он когда к агрессивным действиям против старших, но с младшими он, вероятно, нестерпим, по крайней мере, имеет для этого задатки.

Судя по Вашей открытке, о моей болезни ходят преувеличенные представления. Несомненно, это от дружеской заботы обо мне (думаю, добрейший Фед[ор] Дм[итриевич]³³ не без вины), и я столь же дружески желаю лёгкий типун на язык. Но скучно это занятие в высокой степени.

Всего хорошего,

Ваш П. Сушкин

Архив Музея-квартиры П.К. Козлова. Ф. 4. Оп. 22. Д. 23/1593.

³² Жизнь — постоянная борьба за существование, или, как выразился один циник, это одна пакость за другой (англ.).

³³ Федор Дмитриевич Плеске. См. прим. 8.

П.П. Сушкин

ПАМЯТКА ПО ОРНИТОЛОГИИ (1923)

Местности и тип местонахождений, на которые надо обратить внимание

1) Кяхта и Урга — (как это ни странно на первый взгляд!). Сборы оттуда есть, но, конечно, идя вперёд, много дела с организацией каравана, а, идя назад — тянет к заслуженному отдыху. Поэтому тут нужны некоторые дополнения, о которых поименно см. далее.

2) Гобийский Алтай. Очень интересен и важен и мало известен. Стоит в нём пособирать пристально и на разных высотах. Не будет ли возможно во время длительной, по необходимости, остановки в Хара-хото для раскопок, отрядить небольшой разъезд в Гобийский Алтай для сборов? Ручаюсь, что это даст новости не по одним птицам, а и по многому другому.

В частности, интересна там будет 1) фауна остатков древесной растительности, которые, вероятно, уцелели кое-где, 2) альпийский пояс.

3) Центральная Гоби. Ведь остановка в Хара-хото дала много неожиданного по зоологии, потому, что раньше чрез Центральную Гоби старались пройти поскорее и, по возможности, не летом. Уверен, что сборы будут не велики численно, но интересны.

Относительно Цайдама и дальнейшего пути к Хлассе я не имею таких специальных указаний относительно мест. Но, конечно, самое интересное — это части пути к югу от Тан-ла.

Далее, полезно в виде общего руководства следующее соображение.

Видимо, Центральная Азия раньше была гораздо богаче лесом и вообще растительностью и осадками, и пустыня была отдельными островками. Теперь пустыня (и сухая степь) разрослась и заняла первенствующее место (я считаю, что это произошло в доисторическую эпоху и согласен с Бергом, что ухудшения климата за историческое время не было). Поэтому 1) очень интересны всякие остатки лучшей растительности: остатки леса, вплоть до отдельных уцелевших деревьев, остатки роскошного альпийского луга среди

преобладающей нагорной степи (относительно флоры последних очень интересны наблюдения у англичан по восточному Тибету), так как здесь, наверное, уцелело кое-что и из прежней фауны, 2) сборы в *разных местах* пустыни, разгороженных хотя возвышенностями теперь тоже сухими, могут дать понятие именно об этих первоначальных «очагах пустыни». Один такой я могу назвать, но их, наверное, было несколько.

3) наблюдения пролёта. Важно отмечать направление! (Ведь компасы, вероятно, будут у всех?) Если, по примеру прежних экспедиций, будет устраиваться склад и метеорологическая станция, то полезно было бы в её задание внести и отметки пролёта — тем более что на станции имеется (при флюгере) указатель стран света.

4) отдельные птицы:

Corvus corax. Интересно иметь с разных мест пути от Урги до Цайдама, чтобы точно выяснить, где начинается *Corvus tibetanus*.

Pseudopodoces humilis. Очень нужно штуки две спиртовых. (Нельзя ли будет из первых добытых, не дожидаясь массовой отсылки, отослать назад отдельно одну, в коробочке, не кладя в спирт, а просто вынув внутренности и засыпав солью сплошь? Такая отлично годится на скелет. Если засохнет, не беда.)

Sturnus. Есть ли гнездящиеся в Цайдаме и вообще где-либо? Я сомневаюсь. Если существуют, то очень интересны, а именно из разных мест.

Synchramus pyrrbuloides. Интересно из разных мест.

Emberiza (Glycisipina) buchmanii. Поискать снова в Гобийском Алтае.

Emberiza (Hypocentor) aureola. Действительно ли гнездится в оазисах пустынной Гоби? По числам, может быть, и пролётный ещё.

Urosynchramus pylzovi. Желательны наблюдения над образом жизни, голосом; яйца, гнёзда.

Нужно 2–3 спиртовых.

Leucosticte — какая будет в Гобийском Алтае? Думаю, что будет, и, вероятно, что-нибудь близкое к *L. arctoa*.

Carpodacus severzovi и *C. Rhodochlamys*. Не найдутся ли в Гобийском Алтае?

Onychospiza taczarnowskii и *Pyrgilauda davidiana*. — Нужны скелеты.

Petronia petronia. Нужно добыть по нескольку у Кяхты, у Урги и в Гобийском Алтае. По-видимому, несколько разнятся.

Kozlovia roborovskii. Если встретится, нужно побольше наблюдений и постараться проследить гнездовье. Нужно 2–3 спиртовых.

Alauda arvensis. Полевые жаворонки, преимущественно весенние и именно гнездящиеся, очень нужны (распространение разных форм плохо известно). Могут найтись свои формы, гнездящиеся в альпийской зоне.

Lanius — вообще интересны крупные сорокопуть. Хорошо добыть птенцов *giganteus*. Если придется идти летом чрез Гобийский Алтай, то поискать и там — именно в субальпийской зоне; вероятно, *mollis*.

Sylviidae. Интересны особенно *Oreopneuste* (что-то среднее вроде пеночек и камышовок) и *Dumeticola*. Первые по кустарникам гор; вторые очень осторожны; песня странная, вроде стрекованья насекомых или треска заводимых карманных часов; приходится подходить под песню, как к глухарю. Вообще единственное средство отыскивать наверняка — это подмечая голоса. Очень полезна будет охота с сетью (вероятно, также для *Kaznakovia*, *Trochalopteron*, и вообще для всех прячущихся в кустах).

Turdidae — Поискать различных *Larvivora* (преимущественно опушка и высокие травы в зоне хвойного леса); по-видимому, все они хорошие певцы и это может служить указанием. *Trochalopteron*, *Leptopexiile*, *Rhopophilus* — скелеты!!

Bubo bubo. Филины очень нужны. В музее совсем нет со всего пути от Кяхты до Кукунора!! и затем южнее Тан-ла.

Кулики. *Ibidorhynchus* нужно на скелет. Не найдется ли *Pseudocolapax taczanowski*? Ведь они гнездятся в Даурии и недалеко от Урги.

Чайки. Если будут типа *argentatus* — *cachinnaus*, то записывать у взрослых: цвет ног (жёлтый или розоватый) и цвет края век (красный или жёлтый).

Дрофы. О дрофах известно из Центральной Азии слишком мало! Нужно постараться добыть, и, вероятно, действительно найдётся *Houbara macquenseni* (дрофа-красотка).

Rallidae. Хорошенько поискать у озерок с луговыми заболоченными берегами; должны найтись мелкие болотные курочки!

Крупные сокола. Особенно постараться добыть с пути от Кяхты до Гобийского Алтая. У нас почти нет со всего этого пространства, и в литературе путаница. Мое мнение, что *Falco saceroides* гнездится в Монголии, а *uciloipes* в центральной Гоби и дальше. Кто именно в Гобийском Алтае (там видели много, но ни один не добыт).

Falco babylonicus интересен как прямо редкая птица.

Astur palumbarius — какой будет у Хлассы? А ведь, наверное, будет, если есть леса.

Обращать внимание на *крохалей*. Не найдётся ли загадочный *Mergus squamatus*, который откуда-то изредка залетает на Амур и в Китай и регулярно зимует в Сычуани.

*Архив Музея-квартиры П.К. Козлова. Ф. 4. Оп. 22. Д. 24/1594.
Рукописные заметки П.П. Сушкина. Памятка по орнитологии.*

В МОНГОЛИИ

Из экспедиционного дневника Е.В. Козловой 1923–1926 гг.*

1923 год

Троицкосавск. 15-е сентября. Впервые начинаю свой дневник путешествия. Экспедиционный дневник. Почему-то не хотелось начинать его с момента выхода из Петрограда, всё казалось, что на границе родной земли должна начаться новая жизнь. И внешняя, и внутренняя. Я, собственно, ещё не знаю даже, что я буду писать. Жизнь души так связана у меня с моей теперешней работой, что отделять одно от другого, кажется, не придётся. А сначала мне хотелось иметь дневник официальный и [дневник] интимный. Думаю, однако, что это будет не просто.

Вчера вернулись из Чжаланьтуня¹. Была уже ночь. Ехали чудесно в тарантасе. Молодой месяц закатился рано, сияло только звёздное небо. Едва-едва намечалась дорожка, по которой мчала нас лихая тройка. Вспоминался Туркестан, и хотелось ехать так сотни и сотни вёрст. Вот подъём. Сосны. Целый лес, какое-то ущелье, перевал. Не видишь, не знаешь, и сидишь, сидишь, безвольно катясь в пространстве, в бездну — такую ласковую, благоуханную. Тёплые струи ароматичного воздуха изредка обвевают тебя и приносят неясные запахи тонких духов природы. Это тоже счастье. Счастье оторвавшегося листа, но оторвавшегося в момент его, может быть, наибольшей мощи, вследствие сильной

* Текст дневника приводится с незначительными сокращениями и орфографической правкой. Сокращённые слова, включая фамилии и инициалы, восстановлены до полной формы.

¹ Чжаланьтунь — станция на КВЖД в 400 км от Харбина, курортное место. В Харбине проживал брат Е.В. Владимир Владимирович Пушкарёв (член правления КВЖД) с малолетним сыном Дмитрием. В начале 1923 г. к нему на постоянное жительство переехали из Петрограда родители — Владимир Иосифович (Осипович) и Вера Владимировна Пушкарёвы. В конце августа — начале сентября 1923 г. (перед началом экспедиции) Е.В. и П.К. Козловы совершили поездку в Маньчжурию, чтобы навесить своих родных.

воли к жизни, в момент освобождения. Всё осталось. Прощания окончены совсем.

16 сентября. Началась деятельная жизнь. Представляю, что будет во время путешествия, когда уже сейчас, без экскурсий, с одними только сборами и приготовлениями, с разборкой винтовки и записями в специальные дневники, совершенно не остаётся времени для души. Ни почитать, ни подумать, ни написать письма. Я даже не ожидала.

Сегодня Кондратьев² играл в здании гимназии, и певица исполнила его балладу. Боже мой, талант просто прёт из него. Это что-то совершенно необыкновенное, что-то такое ненормальное, что прямо страшно... Он весь горит. Он творит ежедневно, ежечасно. Баллады, стихи Гумилёва, романсы. Собственные псалмы. Стихи, музыка и математика с астрономией... И при этом часто странные, сонно-томные глаза. Иногда выразительные и живые. Он один верит в Бога, и это так много.

Очень волнуюсь, не быть достаточно умелой, достаточно полезной, достаточно знающей. Ничего не знаю и ничего не умею. Но желаю страстно. Может быть, это поможет.

Стоят холодные ночи и тёплые, ясные дни. На западе-юго-западе громоздятся отдалённые хребты, всегда окутанные сизой дымкой. Не знаю, пожалуй, всего чудеснее в мире — это сине-фиолетовая дымка на далёких, недоступных, суровых, морщинистых скалах. Вот тени — причудливые, необычайные, тёмные тени медленно ползущих облаков. Эта игра света и теней на ущельях и вершинах гор тоже прекрасна. Посмотришь — и легко станет и радостно, и все так близко и так далеко, что стоя рядом достичь нельзя...

18 сентября. Сегодня в день моего Ангела пришло письмо Веры Фишер³. И так пахнуло на меня всем родным и беспредельно любимым, и так заныло, затосковало сердце. Господи, он⁴ был

² Сергей Александрович Кондратьев (1896–1970), сын известного астронома Пулковской обсерватории А.А. Кондратьева, участник экспедиции П.К. Козлова, возглавивший весной 1924 г. раскопки Ноин-улинских курганов. Музыкант, поэт, человек большой эрудиции; изучал восточные языки в Петроградском институте живых восточных языков (ПИЖВЯ, ЛИЖВЯ) и университете (1922).

³ Вера Фишер — петроградская подруга Е.В., дочь А.А. Фишер фон Вальдгейма, директора Ботанического сада РАН (?).

⁴ Речь, возможно, идёт о духовнике Е.В. отце Александре, с которым она часто виделась в Петрограде и к которому была сильно привязана. Есть

там у нас, говорил, сидел, думал, смотрел, горел и зажигал других. И все это не для меня. И много, много раз будет это повторяться, и меня не будет. И думаю я теперь: почему он считал, что для меня благо остаться? Неужели он мыслил это с внутренней стороны — «благо»? То есть я внутренне здесь не вырасту, и жизнь моя духовная от этого потеряет? Не может быть. Да, я чувствую теперь одно — усталость физическая будет огромна. Это, конечно, не может не отразиться на духовной жизни. Жизнь имеет ценность постольку, поскольку она возвышает душу до мира и жизни безусловной. Поэтому — благо всё, что эту жизнь ведёт к Единой цели. Странно, чем больше я окунаюсь в жизнь большого мира, тем уже и теснее кажется мне христианство, т. е. не христианство именно, а его чувственная, осязаемая, удивительная вера в Евхаристию.

21 сентября. Как тяжело мне стрелять птиц. Как измучена я сегодня первыми своими трофеями... Какой ужас это трепетание жизни перед лицом смерти. Это сердечко... Эта маленькая, тяжело вздымающаяся грудка. Какой кошмар. О, если бы кто-нибудь видел, как «зоолог», «путешественница», стоя на коленях, в лесу, над убитой, умирающей *Ruticilla*⁵ рыдала безудержно, безутешно. Господи, я знала, что мне будет трудно снова взяться за ружьё. Но не думала, что в такой мере полюбила я всё живое. Как я буду дальше? Как быть? Частицу Бога убила я. А красота-то какая... (приписано карандашом: Как раз частицу Бога в этой птичке я и не убила хладнокровно. Замечание. 24. XII–24).

22 сентября. Убили чудесного орлана и суслика. Канаев отличился⁶. Сегодня заседание памяти Потаниной⁷ и Моллесон⁸. Доволь-

основания предполагать, опираясь на отрывочные сведения в письмах Е.В. к родителям, что это был протоиерей Александр Иванович Введенский (1889–1946), настоятель церкви правв. Захарии и Елизаветы на Захарьевской ул. (впоследствии ул. Каляева) и основатель Захарьевского братства, знаменитый глава обновленческого движения (имел сан митрополита).

⁵ *Ruticilla* — горихвостка.

⁶ Василий Михайлович Канаев, участник экспедиции П.К. Козлова.

⁷ Речь идёт о А.В. Потаниной, жене путешественника Г.Г. Потанина. См.: *Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету, Китаю. Сб. статей. М., 1895.*

⁸ М.В. Моллесон — ботаник, географ. Была выслана вместе с мужем в Троицкосавск. Организатор Кяхтинского краеведческого музея. Похоронена в Кяhte. В дневнике П.К. Козлова вечер памяти А.В. Потаниной — М.В. Моллесон датирован 23 сентября. («В 3 часа моя лекция в

но тепло читал Николай Вас[ильевич]⁹ и Кизоша¹⁰ сказал хорошо. На кладбище грустная комедия... с коленопреклонением. Всё это отдавало каким-то ханжеством. И странно — трудно в жизни людей отличить истинно трогательное от ханжеского. И всякое движение души, вынесенное перед лицом людей, отдаёт неестественностью.

25 сентября. Сегодня пришли подводы, шла спешная, последняя укладка, все замотались. Вчера — то же самое, только утром я ненадолго сходила на экскурсию — вдоль речки. Убила ни в чём не повинную клушицу (на скелет для Академии) и плиску. Ещё прозевала какую-то, по-видимому, пролётную птичку, опустившуюся у речки. Она пищала совсем особенно, окраска её казалась тёмно-коричневой. Я могла убить её, но призадумалась, мне вдруг показалось, не плиска ли это опять, и я решила сначала разглядеть хорошенько. Она вспорхнула и улетела, забирая все выше и выше в небо. Бог спас — и прекрасно. Утро было чудесное, тёплое, солнечное. Клушицы перекликались такими звонкими, такими чудными светлыми голосами. Изящные и даже благородные птички. Чёрный цвет их даже не похож на вороний — он особенно бархатистый и чистый. Оперение пушистое, мягкое. И красные клювы на чёрном фоне — это так красиво. Длинной, длинной вереницей летели гуси. Мощные, сильные, большие. Летели неустанно и упорно. Настроение у меня неважное, и даже сегодняшняя почта не рассеяла моего какого-то тягостного самочувствия. Я пока как-то не имею своего места в экспедиции. Не дифференцировалась моя деятельность, и я от этого страдаю. В особенности во время укладки — всё уложено

Народном доме, привлéкая очень многолюдное общество. По словам моих спутников, я говорил с подъёмом, в особенности после перерыва. Мне поднесли букет красных роз и цветов вообще...». См.: *Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.* СПб., 2003. С. 39).

⁹ Николай Васильевич Павлов (1893–1971), участник экспедиции П.К. Козлова, ботаник по специальности. В 1920–1921 гг. заведовал ботаническими исследованиями в Тургайской мелиоративной экспедиции Наркомзема в Тургайской и Акмолинской областях (в Казахстане). До начала экспедиции — старший специалист-ботаник Урало-Эмбенской партии Управления мелиорации НКЗ. Впоследствии крупный учёный, академик АН Казахской ССР. О своей работе в экспедиции П.К. Козлова Павлов рассказал в книге: «По Монголии. Очерк экспедиции 1923–24 и 1926 гг.» Хабаровск, 1930.

¹⁰ Кизоша — муж Е.В. Пётр Кузьмич Козлов.

было мной и С.А.¹¹ Я была всё время на побегушках Кизоши и укладывала его вещи. Другие не знают и не понимают, что это особенно трудно делать, и им должно казаться, что я ничего не делаю. Но что же я — до сих пор не научилась не обращать внимание на слова и мысли других? Видно, не научилась. Получила письмо от наших. Первое сюда из Чжаланьтуня. Вся эта эпопея Чжал[аньтуньская] кажется мне чудным, странным, таким необычайным сном. Не верится, что был пляж и фокстрот... и курзал, и музыка. Как далеко это всё, и как наша трудовая жизнь не похожа на всё это. Брат мне не пишет ни слова. Только одна записочка и была. Бог с ним. Далекое это всё от меня теперь. Иная жизнь, иное всё, кроме моей старой Божьей души. Но как всё-таки странно — знать, что ещё несколько дней, и я не в состоянии буду получить и отправить письмо, может быть, в течение полутора лет, и не иметь чуткости написать, пока можно. <...>

26 сентября. Утром выступили из Троицкосавска на подводах. Много провожающих, цветы, речи. Вытянулись подводы длинной вереницей, все идут рядом с винтовками, в полном походном порядке. Один только Телешка¹² милый сидел на возу и улыбался. Странное чувство — радостное и жуткое. Воображаю моё впечатление от верблюжьего каравана. В Кяхте замешательство. Уехали за пианино, ничего не сказали. Подводы одной не досчитываются. Неприятно. Оставили обоз с тягостным чувством.

27 сентября. Видели сокола на столбе, близко от тарантаса. Видели сарыча и какого-то орла. Всё время бежали по дороге жаворонки *Otocorys*¹³. Их везде большие стаи. Других птиц мало, даже совсем не видели. Только на перевозе через Иро сидело несколько обыкновенных сорок, вороны и даурские галочки. Голубых сорок не видно и не слышно. Горы везде, куда ни глянешь — одни большие, другие меньше, и всегда отдалённые хребты, синие, а ближние горы фиолетово-палевые. Некоторые вершины — золотые от жёлтых лиственниц и жёлтых берез. Деревья доходят до самых макушек. Много сосен, стоящих одиноко, особняком, удивительно живописно раскинули свои широкие, густые, мягкие ветви. Ночу-

¹¹ С.А. — Сергей Александрович Кондратьев.

¹² Телешка — Пантелеймон Прокофьевич Телешов, забайкальский казак, спутник Н.М. Пржевальского в третьем и четвертом путешествиях по Центральной Азии. В 1905 г. сопровождал Козлова в Ургу для встречи с Далай-ламой.

¹³ *Otocorys* — рогатый жаворонок.

ем в Зузыхе (Дзундзигай), в маленькой, дымной хате, со скверным потолком. Идёт дождь. Потолок в нескольких местах протекает, и струятся повсюду ручьи воды. Приятно! Как-то наш караван? Ему лучше, пожалуй; у них палаточки. Нудно как-то, неважно на душе. Сегодня вспоминала всё время один кабинет... с роялем.

28 сентября. Всю ночь лил обложной¹⁴ дождь, мерзкий, тоскливый. К 12-ти прибыли на Шара-гол. Маленькая речка, с чистой, прозрачной водой. Взлетели утки. Долина широкая, приветливая. Всюду степь — ирисы, дэрэсун, местами ковыль. На вершинах отдаленных гор и в ближайшей пади, среди леса, белеет снег. Это первый снег нынче здесь, и первый для нас. Хищников много. *Buteo*¹⁵ на столбе. На падали, от которой только что ушли, наевшись, собаки, сидел орёл. Семья орлов парила в облаках. Летят жаворонки полевые (но плохо видно, не слышно по голосам). Наблюдала маленьких полевых мышек. Почти под каждой дэрэсунинкой — норка. От одной норки к другой ходы, узкие, аккуратные. Всё испещрено норками и разрисовано ходами. Над самой норкой — склонённые соломинки, чтобы загородить, скрыть вход. Мышки очень чутки, осторожны и хорошо видят. При приближении человека тотчас прячутся и пищат. Им отвечают другие, и писк слышится непрерывный (при ходьбе) на большом расстоянии. Сядешь тихо... Кузнечики стрекочут, цикады трещат, поднимаясь и опускаясь над землёю и блестя своими розовыми крылышками. Вон паучок тихо и деловито ползёт вверх по дэрэсунинке (по своим делам). Мышка только едва-едва покажет нос и острые чёрные глазки — и тотчас видит человека даже на расстоянии десяти шагов и боится. Она величиною с мизинец, может быть, даже немного меньше. Цвета серовато-коричневого. За ними охотится лунь белый, старый. Сегодня днём видели волка. Он пересёк дорогу нам и быстро пошёл по долине. Он — матёрый, серый, с белыми подпалинами. Дан[аил] Мих[айлович]¹⁶ выстрелил из винтовки, волк пустился галопом, смешно оглядываясь назад. Хвост имел опущенный.

Вечером приехали в долину Баин-гол, к подножию Манхадая. Внушительный хребет. Широкая долина, плодородная, китайцы сеют хлеб. Везде горы без конца и без края. Дэрэсуна везде мно-

¹⁴ «Обложной» дождь — по В. Далу: «затяжной, когда всё небо обложилось, без грозных туч».

¹⁵ *Buteo* gen. — сарыч, канюк.

¹⁶ Даниил Михайлович Убугунов (1897–1938) — бурят, политкомиссар экспедиции (до конца 1923 г.).

го. Видели дроф. Вечером выходила и гуляла одна в степи. При заходе солнца дует сильный бриз с запада, но как только начинает вставать луна — ветер сразу меняет направление и тянет с востока. Это, оказывается, самое обычное явление.

Около 9-ти часов вечера видела чудесный метеорит. Он падал со стороны Манхада, с юга на север. Он был виден в продолжение, по меньшей мере, 5–8 секунд и пролетел через 1/3 небесного свода. За ним оставалась светлая полоса. Под конец он разбился на три части. Первая была самая крупная и яркая, две следующих рядом поменьше. Мне казалось, он непременно должен упасть на землю, и я услышу звук падения. Но ночь оставалась незыблемо тиха, и он погас в вечности. Откуда? Кто он? Из какого созвездия? Там, где погас метеорит, мне показалось, тотчас загорелась маленькая, едва заметная звёздочка. Хорошо было. Ясно. Ветерок. Юпитер встал над горизонтом. Одиноко было мне, и молилась я Господу моему и Богу так горячо. Ласка, тишина и ясность жили в сердце моём, и яркий свет горел в душе.

29 сентября. Переехали Манхадай по пологому, едва заметному перевалу. Хару переправились вброд. День полу-ясный. Через Манхадай летела большая стая гусей. В долине Хары, на остановке — одинокая молодая женщина с чудными чёрными глазами и ясной улыбкой. У неё дочурка — крошечка. Одинокая, странная жизнь... Без людей.

Бороты. Приехали ночевать. На полях — много пролётных гусей. На Харе — крохали, утки... У двора, на крыше сарая, где стоят лошади, сидела горихвостка *Ruticilla aurrogea* (мужская особь)¹⁷ — чудесный, изящный красавец.

30 сентября. Хуху-обо — станция в долине речушки, извивающейся очень капризно. Большое пространство заболочено. Вдали виден хребет Тологой, покрытый тёмной шапкой леса и убелённый снегом. Около станции, также вблизи загородки для скота, снова вижу *Ruticilla aur.* (мужская особь). Настолько она держалась одинаково с предыдущей, и такое сходство было в обстановке, что невольно казалось, что это одна и та же птичка.

Ходила на ближайший высокий холм. На вершине сложено «обо»¹⁸, и под одной плоской плитой какой-то зверёк сделал себе

¹⁷ В тексте дневника Е.В. обозначает мужскую и женскую особи астрономическими знаками Марса и Венеры.

¹⁸ Обо — священная груда камней, которую путники обычно складывают на перевале, в знак благодарности духу-хозяину гор.

гнездо, собрав большое количество полыни и генциан. Как только я подняла камень — полынью так и запахло. Самого обитателя не видела. Холод, ветер, совсем зима настала. Гуси продолжают лететь большими вереницами, и мы летим вместе с ними, тоже на юг. Встречаются кочующие монголы. Идут из более высоких мест, в тёплые долины, защищённые от ветров. Странно, что я не видела у них ни одного верблюда, и передвижение происходило на тележках двухколёсных, с кривыми колёсами, запряжённых волами. Старики, старухи и мал[енькие] дети сидят в телегах, а прочие едут верхом. Видны сложенные юрты, войлока, сундуки и всегда круглая корзинка, напоминающая клетку для птиц. Это, оказывается, корзинка для аргала¹⁹. Сзади идут собаки, мальчики гонят скот и лошадей, а овцы всегда на большом расстоянии — идут медленно.

1 октября встали в 3 часа. Утро морозное. Впервые переезжала замёрзший ручей. Знобка страшно. Ветер резкий. Светила луна. Солнце вставало из-за гор, на которых лежали тёмные тучи, и эти красные, алые полосы, чуть повыше снегов, — одно восхищение. Когда солнце слегка поднялось и пряталось за полосками туч, то освещало противоположные склоны холмов (луговых) совсем необычным и странным светом. Желтовато-зелёные были лучи, и холмы казались нездешними, сказочными. Словно где-нибудь на луне освещались они отражённым светом. Пейзаж был поистине лунный, без теней.

Под Тологоем отдыхали последний раз, делали снимки. Подниматься было трудно. Дорога грязная из-за тающего снега. Тологой весь покрыт лесом, но странно — мы в нём не слышали ни единого звука птичьего голоса. Поднялись к «обо», взглянула я на юг — на открывшуюся Богдо-ула. Лесистые ущелья, пожелтевшие лиственницы, мягкие очертания вершин. Урги не видно за холмами. Перевела взор на север — крутая долина, ущелье, вдали бесчисленные хребты, убегающие в синюю даль. «И я поняла всю бесконечную скорбь, доставшуюся мне на долю, и умчалась мыслью к родине, закрывая рукою глаза»... Задрожало сердце моё, и взор мой помутился. Когда снова увижу этот перевал? И увижу ли? Словно именно этот перевал и никакой другой закрыл от меня сокровище души моей.

Вот снова Урга. Всё то же. Только одни блестящие, сияющие золотом крыши — чисты. Остальное всё невозможно грязно. Те

¹⁹ Аргал — сухой помет домашних животных, используемый в качестве топлива.

же собаки, те же «оправляющиеся» ламы, те же мчащиеся куда-то монголы... В долине Толы идёт обучение солдат. Но монголы неуклюжие, плохо поворачиваются, ружья держат небрежно, мешковатые. Живём у Цокто²⁰. Перевожу статьи Andrews о Третьей Азиатской экспедиции²¹. Написала письмо этому американцу, с просьбой выслать нам отчёт трудов его экспедиции.

5 октября. Ждём прихода нашего обоза. А его все нет. Вчера ходили в долину Толы, но никаких решительно птиц не видели. Одни клушицы весело летают и кричат, да вороны копаются в мусорных ямах. По луговым холмам кое-где стайки *Otocoris*, а около ручья — одинокая плиска. Пролётных птиц тоже не видно. Сегодня ходила в другую сторону, к северу, туда, где по вершинам луговых холмов виднеются «обо». Здесь не было ни души. В нескольких местах дорогу мне перерезали сухие, узкие каньоны, по которым должно быть, весной бегут талые воды. На дороге, в самом городе, лежал первый виденный мною здесь человеческий череп. Он, собственно, случайно лёг на перекрёстке трёх дорог и смотрел печально и жутко вдоль одной из них. Чем дальше от города я шла, тем больше черепов встречалось мне. Вся поверхность земли была усеяна разбросанными костями людей; во многих местах лежат волосы, заплетённые в косу, валяются клочки одежды и целые полушубки из овечьей шерсти, в которых, видимо, были принесены трупы. Все эти подстилки пусты, и члены человеческих тел разтасканы везде.

Мрачно поджав мохнатые хвосты, бродят по этому кладбищу чёрные собаки. В одном месте их собралось пять, огромной величины, и ворча друг на друга, они пожирала кого-то, но я не посмела подойти, чтобы посмотреть. Вот на самом краю овражка скопилось четыре человеческих черепа, и странно — каждый из них имел своё, особое выражение (которое придаёт черепу положение нижней челюсти). Один из них определённо улыбался, а другой как-то страдальчески облокотился об него, приподняв к чистому небу свои пустые глазные впадины. Вот ещё дальше, на ровном месте,

²⁰ Цокто Гармаевич Бадмажапов (1879–1937) — бурят, близкий друг Козлова, участник его первой самостоятельной экспедиции в Монголию и Кам в 1899–1901. В 1920-е гг. — советник министра юстиции Монголии, председатель Монголстроя, член правления Монголтранса, Монцекоопа.

²¹ Рой Чепман Эндриус (Roy Chapman Andrews) (1884–1960) — американский зоолог, совершил несколько палеонтологических экспедиций по Внутренней и Внешней Монголии в 1920-е гг.

растянулась человеческая фигура. Рядом ходит, подпрыгивая ворон. Осторожно подхожу ближе, тихо подхожу, бесшумно. Лежит высокого роста монгол. Молодой, очень исхудавший, кожа тёмная-тёмная. Лежит спокойно, положив ногу на ногу; левая рука — большая, рабочая рука, положена на животе, другая лежит на груди, словно придерживая воротник. Растительности на лице нет, рот слегка приоткрыт, и видны белые, редкие зубы. Один глаз припух и плотно сжаты веки, другой страшно зияет откуда-то из глубины и налит кровью. По-видимому, тут клевали птицы. По траве кругом разметались густые, чёрные волосы, коса почти совсем расплелась. Рубашка из полосатого русского ситца завернулась высоко на грудь, и тёмные члены предоставлены дождям, ветрам и солнцу. Собаки ещё не видели мертвеца, и потому кругом тишина и мир. Ни червячка, никакого насекомого — чисто так кругом. Только ветерок пошевеливает отдельные чёрные волоски. Тайна смерти глядит из мутного глубокого глаза. К чему он жил, зачем? Ведь ни к чему не стремился духовному, не возвышалось его бытие, не знал он, ради чего жил. А душа его всё равно Божья, и всё равно смерти не знает. Знай — конец всегда однозвучен, никому не понятен, и торжественно прост. Здесь, среди диких людей, особенно непонятно и просто — и начало, и конец жизни. Слишком растительна вся жизнь, слишком далека от наших идей, и оправдания ей как будто нет. Так же случайно рождается, живёт и умирает здесь человек, как случайно летает в долине цветов бабочка, или ползёт там, а не здесь, жучок.

Долго стояла я тут и думала о загадках бытия. Чувствовала в душе почтение к мёртвому телу; знаю — не могла бы я ни потревожить его, ни шевельнуть его заочневшие члены. Хотелось ходить на цыпочках и говорить шёпотом. Только потом я узнала, что в той одинокой Долине Смерти, куда я случайно зашла, нельзя ходить одной. Оказывается, в этих холмах живут совершенно одичалые собаки-людоеды; они питаются исключительно человеческим мясом, а потому не выносят вида живого человека, и как волки набрасываются на каждого, и рвут на части старого и молодого. Защититься от них трудно, потому что они нападают сворой. Эти собаки считаются страшнее волков — волк всё-таки боится человека, а эти псы не боятся. В прошлом году здесь съели живьём двух девушек-монголок, которые обходили город растяжными поклонами²². А в другой раз

²² При обходе города «растяжными поклонами» или «в растяжку» паломник передвигается, отмеряя своим распростёртым на земле телом прой-

отъели русскому консульскому служащему всю кисть руки. Когда я рассказала, где я была, Цоктошка пришёл в ужас. А у меня и на самом деле на этот раз ни ружья, ни револьвера с собой не было. Действительно, пропала бы ни за что, ни про что. Но, видно, рано ещё мне. Надо ещё жить. Не судьба мне погибнуть от дикой монгольской собаки.

Сегодня получили устные сведения об экспедиции. Оказывается, они пошли в обход Тологойского перевала и поэтому придут только завтра рано утром.

Был у нас все эти дни Андрей Александрович Дудукалов²³. Приятно было встретиться, много говорили. Подарили ему книжку²⁴. Много и с ним было пережито в своё время. Милый человек, умный, деятельный, всё кипит в душе. Голова родит идеи за идеями, и вечно он творит, и всё вокруг него живёт приподнятой жизнью. Уехал в Тянь-Цзинь.

7 октября. Вчера приехали наши. Все измучались сильно. В особенности Котик²⁵. Только Андрюша²⁶ и Сергей Алекс[андрович] выглядели ничего. Остальных здорово подвело. Голоса даже изменились. Живут в юртах. Хорошие они все...

Ежедневно из Калгана идут бесчисленные караваны верблюдов. Строгие лица у них и гордые. Красивые животные. Они словно долг свой исполняют и знают своё место в жизни. Впереди, в меховых штанах белого цвета, с меховыми унтами на ногах, дунганин²⁷

денный путь. Таким способом монгольские и тибетские богомольцы совершали обход какой-либо святыни или священного города.

²³ Андрей Александрович Дудукалов (? – ок. 1934), ветврач, с 1899 г. заведующий Читинской противочумной станцией, затем ветеринарный инспектор Забайкальской области.

²⁴ По-видимому, речь идёт о только что опубликованном П.К. Козловым описании его предыдущего путешествия в 1907–1909 гг.: Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото. М.; Пг.: Госиздат, 1923.

²⁵ Котик — Константин Константинович Даниленко (1905–1931), самый юный участник экспедиции.

²⁶ Андрюша — Андрей Дмитриевич Симуков (1902–1942), участник экспедиции П.К. Козлова. После её окончания остался работать в Учёном комитете МНР, где занимался географическим исследованием страны. Автор «Географического атласа МНР» и многих других работ по географии и этнографии Монголии.

²⁷ Дунгане — китайские мусульмане, проживавшие в Западном Китае (Синьцзяне).

ведёт первого верблюда. И все 1000 верст идёт он пешком. Боталы²⁸ сумрачно и строго гремят. Здесь колокольчик из-под русской дуги был бы диссонансом — мешчанской гармошкой по сравнению с благородным инструментом, вроде скрипки или виолончели.

Сегодня ели китайский обед. Несомненно, дегенерирующая нация, извращённая внутренне, склонная к физическим излишствам и тонкому разврату — даже в еде. Ничего интересного. Самое интересное, пожалуй, было — колбаса из каракатиц, варёный отстой бараньей крови и семена лотоса²⁹.

9 октября. Посетили ламскую больницу, которую основал доктор Цыбиктаров³⁰. После его смерти там стали пользоваться больных ламы. Они лечат их разными травами. У каждого больного имеется по несколько порций порошка, сделанного из трав и тщательно завёрнутого в бумагу. Несколько раз в день этот порошок надо высыпать в кружку, наливать водою и кипятить. Кипячённый настоем пьют. При входе в маленький домик, в прихожей нас встретил удивительный пёс. Шерсть у него почти вся вылезла, и голое тело было покрыто дряблой серовато-синей кожей. Ноги беспомощно подгибались, и всё существо жалкого животного тряслось мелкой непрерывной дрожью. Он едва передвигался на ногах и с трудом поднимал на встречных всегда мрачно опущенную голову.

Больные монголы лежали в тяжёлых условиях. Небольшие комнаты уставлены койками или, вернее, деревянными широкими скамьями, на которых положены в несколько слоёв грязные, по-

²⁸ Ботал (бодал) — деревянный колокольчик, который монголы обычно вешали на шею верблюдам.

²⁹ Полное меню этого обеда, состоявшего из 16 холодных закусок и 19 горячих блюд, приводит в своём дневнике С.А. Кондратьев, см.: Дневник С.А. Кондратьева, участника экспедиции П.К. Козлова в Монголию 1923–1926 // Бюллетень (Newsletter) Общества Востоковедов РАН. М., 2000. С. 96–97.

³⁰ Доктор Цыбиктаров — Санжимитаб Цыбиктаров (1877–1921), первый из бурят доктор с высшим европейским медицинским образованием, крупный общественный деятель 1910–1920-х гг. Окончил Военно-медицинскую академию в С. Петербурге (1903). С 1909 — врач при российском консульстве в Урге. О нём см.: *Даревская Е.М.* Доктор Цыбиктаров в Монголии // Исследования по истории и филологии Монголии. Улан-Удэ, 1977. С. 40; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Цыбиктаров Санжимитаб // Национально-освободительное движение бурятского народа. Улан-Удэ, 1989. С. 81–84.

ношенные войлоки. Войлок покрыт простынёй, на которой лежит больной в белье весьма сомнительного свойства. У многих белья совсем нет, и часто тело, покрытое болячками, прикрыто прямо бараньим полушубком. К язвам пристаёт шерсть, и её приходится отдирать. У каждого больного под койкой чаша — грязная, как помойная яма. Некоторые лежат с закатившимися глазами, по-видимому, без памяти, другие сидят. Инфекционного отделения не существует, здесь же лежат больные дизентерией и даже оспой. У многих над постелями висят ладанки с изображением божеств. Воздух везде тяжёлый, пол грязный, да и сами больные в жизни никогда не мылись, так что с санитарной точки зрения это один кошмар. В этой больнице лежали преимущественно солдаты — всё молодежь. У ворот — дежурный с ружьём, так как не раз случилось, что больные, немного подправившись, убежали.

9-го вечером направились с Леной³¹ в баню, которая оказалась далеко, в самом Курене³². Возвращаться пришлось поздно, когда было уже совсем темно. На площадях и по улицам — совсем пустыня, ни одной живой души. Одни только собаки мрачно бродят чёрными толпами, которые прекрасно видны на более светлом фоне сухой земли. Они имеют обыкновение или сразу бросаться на человека, или же молча, тихо следовать за ним с коварным намерением незаметно подкрасться и укусить. Собак сотни и сотни. Везде слышны их голоса, взвизгиванье, рычанье и озлобленный лай. Вся Урга сплошь лает. Пришлось в нескольких собак кидать камни, и только таким образом мы благополучно прошли. Эти псы нередко днём обступят какого-нибудь ламу и ждут, когда он разрешится от бремени. Три-четыре чёрных мохнатых пса стоят и почти подсовывают морду под халат. Отвратительно.

Наш Шакдур Эрдынеев³³ отправился молиться: «чтобы свет был и в голове, и в сердце для такого великого дела — путешествия». Он настоящий лама. Всю дорогу от Троицкосавска он шёл пешком, далеко впереди каравана, и теперь пошёл поклониться святыням Богдо-ула. Надо с ним поговорить.

³¹ Лена — участник начального этапа экспедиции (в 1923–1924 гг.) Елена Петровна Горбунова (1895–1973), родная сестра управделами СНК Николая Петровича Горбунова, друга детства Е.В.

³² Курень (Да-хурэ) — огороженный монастырь, ставка ургинского Богдо-гегена; ламский город, разделённый на кварталы и общины.

³³ Шагдур Эрдынеев (Эрдыниев) — бурятский лама, взятый П.К. Козловым в экспедицию на должность переводчика тибетского и монгольского языков.

14 октября. Сегодня Цокто рассказывал мне, что учитель Богдо-гэгэна³⁴, глубокий старик и всеми уважаемый лама, муммирован... В одном из храмов якобы до сих пор имеется его иссохшее тело, которое особым способом забальзамировано. <...> Получается тот же бурхан в человеческий рост, с натуральными волосами и растительностью на лице. Завтра хочу сходить посмотреть.

Вчера были у Богдо. Нас не допустили. Видели случайно издали его молоденькую жену. Она вышла из нарядной большой юрты, крытой сверху разноцветными коврами, и села в жёлтое кресло на двух колёсах с резиновыми шинами (как для сидячих больных). Это кресло осторожно везли четыре или пять лам, все в красных одеждах, без головных уборов. Один впереди, взявшись за нижний край кресла, вёз его, пятясь назад. Другие слегка подталкивали сзади. Она остановилась перед уборной (хорошенький красный домик), вылезла, ламы остались ждать. Потом снова влезла, и её снова довели до её дома — всего шагах в 30. Вылезала она из кресла быстро, имела вид хрупкой, изящной девочки, одетой в жёлтое платье с красной шапочкой. К нам вышел приближённый лама. Он был в необычайно грязном халате и сам казался совершенно исключительно грязным, корявым. Мы передали чудесные, изящнейшие подарки, а сами пошли смотреть соседнее помещение, за оградой. Перед самым забором стоит башенка в кит[айском] стиле, в которой поставлены колоссальные часы — жертва одного ламы, который своими руками исполнил циферблат. Механизм, кажется, европейский. Неподальку стоит изящный, маленький субурганчик³⁵. Слева — хурдэ³⁶ большое. Внутри ограды были привязаны большие и очень злые псы, которые с необычайной злобой рвались на своих цепях, скаля зубы и разевая просто страшные пасти. Во втором дворе нас встретило четыре-пять маленьких курносых китайских собачки, тоже лаявшие не без увлечения... В большой клетке сидело два бурых местных медведя, пойманные маленькими медвежатами. Здесь же, прямо по дороге, гуляла оленица (марал — cervus

³⁴ Богдо-гэгэн, Джебдзун-Дамба Хутухта 8-ой (1870–1924), последний глава буддийской церкви и теократический правитель Внешней Монголии (1911–1924).

³⁵ Субурган (монг. «суврага», то же что индийская «ступа») — конусообразный буддийский реликварий, место захоронения святых мощей.

³⁶ Хурдэ — буддийская молитвенная «мельница» у входа в храм, цилиндр наполненный молитвами «мани» (ом-мани-падме-хум), который вращают прихожане, как бы читая таким образом эту главную буддийскую молитву.

elaphus) и дикая козуля (женская особь). Они были совсем ручные. В клетке сидел орёл (типа могильника). За оградой паслась на траве *antilope gutturosa* (дзэрэн, женская особь). Везде грязно, неприбрано, какие-то закоулки, переходы, свалки старых печей и пр. В другом дворце, за белой оградой, с очень красивыми китайского стиля воротами и загородкой белой, жил слон. Большое помещение, полутёмное, и жалкий слон, беспрерывно раскачивающий головой справа налево. При нас он испражнился. Тотчас выделился из группы один лама с лопатой, и бесстрашно подошел к самым задним ногам животного, собрал всё и ушёл. Слон его знает и не трогает. Летом слона выпускают на двор, где он сидит на цепи у столба. Обезьянка — *Macasus* — сидела грустно у своего домика. Масса голубей населяли большую голубятню; в дворике держались гуси (серые), утки (помеси), куры и три журавля-красавки (*gus virgo*). Заглядывая в окна дворца, мы видели нечто вроде склада или музея. Европейские вещи смешаны с восточными. <...>

Приезжие на поклонение Богдо богомольцы все обходят по 7 раз его дворец, а иногда их допускают придти и получить благословение «по прямому проводу», т. е. к Богдо проведена верёвочка, за которую тот держится; богомолец, подержавшийся за противоположный конец верёвочки, этим самым уже получит благословение. Обходят дворец всегда по солнцу.

15 октября. Вчера Ц.Г.³⁷ возил меня в кумирню, построенную над прахом учителя Богдо — Йонцзон-Хамбо-Бакша. Это был большой лама, всеми весьма уважаемый, пожалуй, самый популярный лама в Монголии. Он скончался лет 20 тому назад, 80-ти лет. Родом он был тибетец — очень начитанный и учёный. Сам Далай-лама избрал его учителем Богдо и отправил его с этой целью в Монголию. После смерти Йонцзон-хамбо тело его бальзамировали. Это делается обычно так: тотчас после смерти, пока ещё не наступило трупное окоченение, телу придают желательное положение — обыкновенно сажают его (подогнув ноги) и складывают руки известным образом, после чего привязывают все члены неподвижно. Затем весь труп с головою засыпается солью, в которой он держится довольно долго. Засолив тело, его обкладывают тонким слоем «теста», сделанного из растёртого в муку гнилого дерева (из которого готовят тибетские свечи), можжевельника и прочих пахучих трав и веществ, и это тесто способствует высуши-

³⁷ Речь идёт о Ц.Г. Бадмажапове.

ванию тканей. После этого можно уже «штукатурить» — поверх коры каким-то особым составом покрывают лицо, так что оно утрачивает все свои неровности и морщины, а потом золотят. Волосы и вообще растительность на лице остаётся...

Когда мы вошли, было тихо. Ярко теплились монгольские лампы. Тибетские свечи, набросанные в металлический сосуд, медленно таяли, испуская характерный аромат. На высоком троне, куда ведут шесть ступенек, сидел покойный хамбо, одетый в обычные парадные одежды гэгэна. На голове его — шапка Цзон-кавы³⁸ (остроконечная). Лицо — золотое, красные губы, синие глаза, опущенные слегка вниз, с сосредоточенным выражением. Всё лицо очень характерное, видно, что оно в своём роде скульптурное изображение покойного. Верхняя часть туловища и голова закрыты стеклянным чехлом, открывающимся с двух сторон. Над фигурой возвышается круглый красный с украшениями зонтик. Рядом с ней поставлен большой бурхан, изображающий Будду. В храме не было молящихся, только один молодой лама молчаливо стоял на ступеньках, ведущих к мумии, и, опустив голову, молился с закрытыми глазами. Через несколько секунд он поднял открытое хорошее лицо, откинул стеклянную дверь колпака, и, поднявшись на последнюю ступеньку, совсем приблизился к застывшему мертвецу. Долго он смотрел на него неподвижно, потом взял деревянный стакан, полный деревянных палочек, и, потряхивая ими, протянул стакан Хамбо. Фигура, конечно, не шевелилась, и неподвижно застыли мёртвые глаза. Лама молился, бормотал что-то, закрывал и открывал глаза, и всё ближе и ближе подносил к лицу покойного стакан с палочками. Наконец от сильного встряхивания одна палочка стала определённо высываться из-за других и скоро выпала совсем наружу (я не знаю, каким образом достигается подобное выпадение палочки). Он с жадностью и нетерпением схватил её, посмотрел её номер, и стал быстро рыться в лежавшей тут же книге. Лама гадал...

По-видимому, этому мертвецу молятся как богу, именно этой фигуре, засушенному телу его молятся.

По выходе из храма я отметила юрту и около юрты крошечный красный домик с занавешенными окнами. Перед юртой стоял небольшой конусообразный деревянный болванчик (в аршин высоту), прикрытый сверху белой тряпочкой; оказывается, этот знак

³⁸ Цзонхава Лобзанг-дракпа (1357–1419) — тибетский религиозный деятель, реформатор буддизма, учёный. Основал школу гелугпа, которую также называют «жёлтошапочной», по цвету носимого монахами головного убора.

есть знак запрета. «Сюда нельзя входить». По-видимому, в юрте жил схимник. Кто там спасается? Что думает? Как молится? Кому? Ведь всё тому же, кого мы называем Христом, а они Буддою Все-совершенным.

Смотрела Гандан³⁹. В старые храмы не пускают, а новый, в память освобождения Монголии, с огромным Арьябало четырёхруким⁴⁰ и 10.000 бурханов, безобразен. Это не храм, а узкий, тесный, тёмный футляр для Арьябало.

Сегодня купили козла Максимку и лошадь. Вчера я пробовала кататься верхом. Боюсь, что буду портить лошадей. Вообще настроение у меня отчаянное. Причины: боль в бедренном суставе правой ноги. Тревога за здоровье своё. Беспокойство за свою верховую езду. Предвижу неприятности с лошадьми. Вообще вижу, что трудности путешествия зимою попросту ужасны в самом настоящем, полном значении этого слова.

19 октября. Получено известие, что завтра прибывают верблюды. Значит, скоро и выступление. Господи, ужели не поможешь, ужели не подкрепишь? Послезавтра едем на облаву. Еду с неохотой, но иначе нельзя. А я бы охотнее училась хомутать верблюдов!

Вчера была сильнейшая буря с севера. Мы думали, что сорвёт крышу — так дрожал дом. В монастыре Гандан был пожар, сгорело около 60-ти ламских домиков. На днях мы были у тибетского представителя⁴¹ — брата моего покойного Соном Доржи⁴². Грустное лицо, печальные глаза, впалая грудь... Недолговечен и этот. Собачка-мопсик Сенге.

Следующая почта придёт, когда нас уже не будет. Хочу услышать в последний раз о родном и далеком. Как сделать? Если послать: Пет-

³⁹ Гандан Тэгчинлинг — буддийский монастырь, расположенный на высоком холме, в северо-западной части Урги; основан в 1756 г.

⁴⁰ Арьябало или Авалокитешвара (санскр.), иначе Чжан-рай-сиг (тиб.) — «Видящий глазами». Бодхисаттва, олицетворение сострадания; его перерожденцами считаются тибетские Далай-ламы.

⁴¹ Неофициальный духовный представитель («донир», «доньер») тибетского Далай-ламы в Урге. П.К. Козлов в своём экспедиционном дневнике называет его по имени — Лобзанг Чолден или Чжойни Лусан Чинде.

⁴² Соном Доржи (Сонон-Доржи) — молодой тибетец из Лхасы, прибыл в Петроград осенью 1922 и тогда же поступил в Петроградский институт живых восточных языков на двухлетние подготовительные курсы, организованные при институте для монгольских и тибетских студентов. Был знаком с Козловыми и обучал Е.В. тибетскому языку. Тяжело заболел и умер летом 1923.

роград, Седьмая Рождественская 22, Бедняковой⁴³. Телеграфирую здоровье состояние настроение отца: Урга востребования Горбуновой. Целую всех. 2800 (сверху приписано 200)⁴⁴.

24 октября. Три дня провели на охоте за козами. Ездили вверх по долине р. Сильбы, за 18 верст, в ур[очище] Баин-гол. По краям долины возвышаются отроги Манхадая (система Кентея), по падам и склонам везде растут леса — лиственница, сосна, кедр (сибирский), берёза, можжевельник. Видели два монастыря: один обыкновенный, а другой — мон[астырь], где живут отшельники и вообще монахи более строгой жизни. Первый монастырь больше и богаче, храмы с золотыми кровлями. Второй — красненький, с красным забором и шестью субурганами на горе. На склоне холма выложено большими камнями: ом-мани-падма-хум⁴⁵.

Падь Шара-морите, где больше всего коз, теперь является заповедной, так как в ней похоронена жена Богдо⁴⁶. Другая, западная падь, тоже заповедная, потому что в ней теперь устроена кумирня на том самом месте, где раньше стоял дом, куда приезжал Богдо кутить (в дни молодости).

Хорошо было там в лесу. По дну главной пади — сплошные заросли чёрной, низкорослой берёзы. С одного увала на другой иногда по утрам переходят козочки — тихо, не спеша. Поднимешься на вершину и глаз оторвать не можешь — всюду, везде, бесконечные, беспредельные волны гор. И всё лес, лес и лес. По снегу — следы волков, лисиц, зайцев и козуль. Коз видели в каждом загоне. Свиристели, клесты, синички стайками бродили там и сям по лесу. Очень много ореховок. Любопытная, неосторожная птица. Всегда с криком летает над охотником и садится шагах в 30 на вершинку дерева и смотрит оттуда. Клушицы, сороки, вороны вблизи жилья. Любоваться в тишине мне не пришлось — всегда спешно шли в гору, карабкались, падали на крутизне. Там сидели, замерзая на вершине. Только хорошо было в последний тёплый день, когда можно было лежать на траве, во время загона, дышать пряным запахом осенней листвы и смотреть в небо. Я молилась там один раз. Хорошо. Всякая жизнь — таинство. Всё равно, кто что делает и кто

⁴³ Александра Федоровна Беднякова — петроградская подруга Е.В.

⁴⁴ Очевидно, это стоимость телеграммы в рублях: 14 слов по 200 р. каждое — 2800 р.

⁴⁵ «Ом мани падме хум» — главная буддийская мантра-заклинание, означающая буквально: Ом — сокровище в лотосе — хум.

⁴⁶ Имеется в виду его первая жена.

во что верит. Нужно только, чтобы вообще была вера, то есть идея жизни — то, ради чего бы человек жил, а не умирал — будет ли это вера в науку, в людей, в Бога. Нужно, чтобы жизнь не превращалась в безыдейную пошлость, в то, чего так не любит С.А. в музыке. Должна быть литургия, серьёзность, служение чему-то, что выше тебя. А чему — не важно. Всё равно тогда сам того не ведая, Единому Богу служишь. <...>

27 октября. Как тяжело на сердце. Сколько затруднений создаётся искусственно. И так в экспедиции много трудностей, много лишений, а тут ещё совершенно неожиданно осложнение: отбирают от нас лучших людей⁴⁷. Задерживают до бесконечности. А кит[айских] паспортов нет. Всё это просто создаёт нестерпимые условия жизни. Кем заменят наших людей? Специалистов? Как оскорбительно, как обидно всё это. И действительно, будешь раскаиваться, что затеял всю эту штуку.

31 октября. Вчера проводили верблюдов. Выстроились они длинным караваном — впереди беззубый монгол. Второй эшелон Телешова. Идёт пешком старикашка, развалистой походкой, в старых ичагах⁴⁸ и экспедиционном полушубке. Подошёл, поцеловался с Кизошей, потом поглядел на стоявшего неподалеку Савельева... Быстро заморгали старые веки: «Пожалуйста, Вы уж его...», промолвил он Кизоше, и, махнув рукой, всхлипнул и быстро пошёл впереди верблюдов. У Савельева по щекам текли крупные слёзы. Больно стало мне. Наши милые, родная экспедиционная семья. Как сдружилась она, как срослась, и как тяжело вырывать из неё ни в чём не повинных членов. Проклятые люди... Ведь это на самом деле ненормальные люди, они думают, что среди антилоп оронго должны быть партийные люди — препараторы, а не партийные не могут исследовать природу. Ничего-то, ничего они не понимают, и ни до чего им нет дела. Всё в их головах перевернуто наизнанку, всё

⁴⁷ Речь идёт об отзыве из экспедиции, по требованию Москвы (ГПУ), трёх человек — С.А. Глаголева, П.С. Савельева и П.М. Саранцева. Более подробно об интригах вокруг козловской экспедиции см.: *Андреев А.И.* Почему русского путешественника не пустили в Лхасу // *Ариаварта*. Начальный выпуск. 1996. С. 204 и далее; *Андреев А.И., Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926) // *Вопросы истории естествознания и техники*. № 2. 2001. С. 60 и далее.

⁴⁸ Правильно: «ичиги».

вывернуто, а потому и жизнь других они стараются так же искалечить, как искалечены сами.

Вчера вечером у нас был Джамсарано⁴⁹ и монгольский композитор Дугарчжап⁵⁰ с Сер[геем] Ал[ександровичем]. После ужина пели монгольские эпические песни. Какое удивительное пение! Поёт он горлом, берёт высокие ноты, переходы крайне неопределённые, с завыванием. Но в общем хорошо. Если петь это в открытой равнине, если певец недели и месяцы едет верхом, пуская коня по воле ветра. Если перед глазами беспредельная ширь, и только ветер, посвистывающая в гриве коня, вторит тебе, — тогда эта песня понятна и чудесна. Играл он и на флейте, сделанной из ствола винтовки. Прекрасные звуки — и удивительные фиоритуры он проделывал тут. За столом Джамс[арано] интересно говорил о ясновидящих. Он, по-видимому, крепко верит в них. Говорит, что этим занимаются чаще всего ламы и женщины. Достигают экстаза путём самоуглубления и сосредоточения в себе. Техническим, внешним приёмом для этого служит упорное смотрение в хрусталь. Ясновидение возможно не более как на три года вперёд. Чем на более далекий срок вперёд приходится заглядывать, тем труднее даётся прозрение. Предвидеть же на несколько недель или месяц вперёд — так же легко, как рассказывать о современной действительности.

После ужина С[ергей] Алекс[андрович] играл — очень вдохновенно. Какая чудесная вещь у него «Садовник»⁵¹. Только слишком много в нём безапелляционной самоуверенности во всех суждениях. Это несколько отталкивает. Впрочем, ему простительно, как и брату. Но брат никогда не убеждает и очень терпим. Этот же уверен, что все ошибаются, кроме него. И уж слишком *au serieux*⁵² он принимает мелочи жизни, и даже шутки.

Грущу без вестей. Вообще грущу без работы. Чувствуется вся бесполезность пребывания здесь. Иногда до физической боли тос-

⁴⁹ Цыбен Жамцаранович Жамцарано (1880–1942), бурятский учёный и общественный деятель. Окончил С.-Петербургский университет; в 1921 эмигрировал в Монголию, где фактически возглавлял созданный им Учёный комитет Монголии (Монучком). (Формально занимал должность учёного секретаря.)

⁵⁰ Магсар Хурцын Дугаржаб (1893–1944) — знаменитый монгольский певец, заслуженный артист Монголии.

⁵¹ Имеется в виду музыкальный диалог «Садовник», написанный С.А. Кондратьевым на стихи Рабиндраната Тагора в Пулково в июне 1917 г. Оригинал нотной записи хранится в Музее-квартире П.К. Козлова.

⁵² «*Au serieux*» (фр.) — серьёзно.

кую о моём тихом, далёком, тёплом, светлом храме. Боже мой, целовала бы пол его, омыла бы слезами ступени его. Слезами радости и счастья, если бы снова вошла в него. На душе смутно, а потому всякая внутренняя работа приостановилась. Не жизнь — а прозябание, без мыслей, без горения.

2 ноября. Тяжкие дни ползут и ползут. Идёт время, тратятся средства. Работа ещё не началась, и мы ничего, ничего не сделали. В экспедиции — полный упадок духа, идёт разложение. Ни бодрости, ни энергии ни в ком не заметно, всё делается как попало.

15 ноября. Уехали наши⁵³. Как жутко и больно всё это. У Сергея Анат[ольевича]⁵⁴ градом катились слёзы, как чистые, прозрачные росинки — мелкие-мелкие и частые. Все плакали. Саранцев, в юрте сидя, плакал, а уезжая — нет. Такие нравственные потрясения убивают душу. Мне кажется, что ничего у нас не выйдет. Долго ли ещё простои́м? Никто не знает. Не время теперь для научных исследований. Чистой науке нет места.

Видела в ночь с 16-го на 17-е сон. Я вернулась в Петрогр[ад]. Стою в церкви. Читается какая-то молитва с коленопреклонением. Я сижу почему-то на стуле. Вдруг брат мой, не видя, кто именно не встал со стула, говорит громко на всю церковь — сейчас такой момент богослужения, когда надо встать. Серdito, serdito. Я быстро встала, и наши взгляды встретились. У него открылись большие чудные глаза его. И постепенно темнели, темнели и всё росли и росли. Жуткие, страшные были эти глаза, устремлённые на меня со смешанным чувством удивления и радости, и скорби. Странно и хорошо.

30 ноября. Сегодня я узнала, что экспедиция расформировывается. Я уже три дня в Сангине. Отдыхаю в одиночестве. И вдруг такая весть. Ну, что же. Будет, что будет... Экспедиции не быть, и никогда мне не увидеть Тибета. <...>

А только до этого — я возвращалась с экскурсии. Боже мой, как чудесно было. Вечерняя заря сияла. Дальние горы на восто-

⁵³ Отъезд из экспедиции С.А. Глаголева, П.С. Савельева и П.М. Саранцева. См. прим. 47.

⁵⁴ Сергей Анатольевич Глаголев (1893–?) — географ-геолог, главный помощник и правая рука П.К. Козлова. Окончив Географический институт в Петрограде, Глаголев работал на полевой станции в пос. Саблино, и был одним из первых, кому П.К. предложил участвовать в Монголо-Тибетской экспедиции.

ке укрыты снегом. Ближайший хребет — суровый, скалистый, не имеет ни растительности, ни снегового покрова. Резко вырисовываются его строгие линии на прозрачном светлом небе. Тени удлинились. В падах снег принял сине-голубой оттенок, а вершины из белых стали розовыми. Все выступы скал порозовели. На востоке над бело-розовыми хребтами, синее тень земли. А выше прозрачно-розовая бездна. Конечно, вся жизнь и вся работа проходит в душе человека. Конечно, где бы он ни был — внутренняя жизнь будет интенсивна и глубока и полна истинного, абсолютного смысла. Никакая тюрьма, никакие обстоятельства не задушат жизни духа. Но всё же красота мира не может не влиять на человека. Красота вдохновляет, красота даёт крылья. Красота гармонирует с истинной сущностью души нашей, и всё в сердце расцветает при соприкосновении с этим безмятежно-радостным, безмятежно-прекрасным...

17 декабря. Продали верблюдов. Тех самых, которые должны были везти нас на юг. Мне так тяжело на сердце, что нет слов. Я вижу, как тухнет любимая, самая дорогая мечта моя. Гаснет она вместе с этой алой зарёю. Но заря новая будет завтра, и снова увидим солнце, а мечта моя угасает навеки. Мне кажется, я хороню самое дорогое существо. Мне кажется — всё в сердце моем застыло и умерло, и то были последние дни моей молодости. Мой ясный, тихий свет сегодня закрылся этими ненужными человеческими слезами, и всё кругом в густом-густом тумане, словно эти прозрачные капли, что неудержимо ползут по лицу, встали тенью между мною и Богом моим. Что ж, я знаю, что правда не в этом. И цель не здесь. И можно и должно совершить литургию жизни своей, созидавая храм любви Богу моему. Для этого не надо идти в Тибет. Для этого не надо никакой особой обстановки и никаких определённых географических координат. Знаю. Но, Господи, ведь у всякого из детей твоих есть слабости и страсти... Я не знаю, что такое всезатемняющая, требующая всяких жертв, требующая целиком всю душу, страсть к другому человеку. Я не ведала её никогда — этой чудесной любви. Но у меня была другая любовь и другая страсть. Со всей беззаветностью, со всем увлечением, со всей бурей молодости любила и люблю я нашу милую, родную, чудесную землю, полную несказанной красоты. Чудеса Бога моего скрываю я в любовании земной природой и той частью вселенной, что доступна моему человеческому зору. Каждому человеку Бог открывается по-своему, иначе. Я испытала впервые всё счастье прозрения бытия Божия перед лицом могучих хребтов Тянь-Шаня, покрытых от века чистыми снегами. Все ми-

стические переживания, весь экстатический восторг слияния духа моего с Отцом моим я испытала именно перед лицом той красоты. Красота природы... и музыка были для меня всегда тем окном, через которое смотрел в сердце моё Бог мой. Как же мне не любить их? Как не дрожать всеми фибрами сердца от предчувствия нового возможного высокого счастья? И этот непостижимый, чудный лик всегда мерцал предо мною близко и далеко, касаясь души моей в моменты трепета её. Почему музыка? Должно быть, потому что в ней ближе всего касаешься этих бездн человеческого духа, и всё в тебе, как и при восприятии свободной красоты мира, звучит мощными ответными струнами, и ты знаешь, наверное, что всё едино, что в тебе горит искра Бога, и что ты не умрёшь вовек.

Чего я ещё надеялась коснуться, там, у подножия Гималаев? Там, думалось мне, своего апогея достигнет радость моя. И я узнаю истинный путь свой. Я увижу, коснусь этого человеческого духа, который полную власть приобрел над собою, который закалил волю свою, и идёт к правде. Который волей своей к добру и истине побеждает железные законы Кармы, и выбивается на путь полной свободы... Крылами души своей коснуться хотела я этого. Ну что ж... я вижу звёзды... одна мне светит. Но только сердце её отметит — она далеко — не быть мне с нею...

Ты смеёшься надо мною, жизнь? Подожди... Сознаюсь, сдавила ты грудь мне и дышишь тяжко... Но только немножко одиночества и покоя — я снова обрету потерянную ясность. Я не дам задушить себя. Узнаю тебя, Жизнь, принимаю и приветствую звоном счита.

19 декабря. Вот собираюсь к астрологу. Все-таки много чудесного здесь, но всё это чудесное — все бездны человеческого духа — сокрыты от посторонних глаз. Может быть, то же самое было бы и в Тибете. И пробыв там долгое время, мы точно так же ничего бы не коснулись, как и здесь. Я утешаюсь этим, конечно. Но это похоже на правду. Если бы я ближе могла подойти к Джамсарано⁵⁵. Но она немного знает, и я не особенно доверяю точности её слов. Я задавала ей несколько вопросов, и она не умела ответить мне. Если бы не был так убит дух всей нашей неудачей, я бы все-таки пораскинула умом и придумала себе работу. Но руки не поднимаются ни на что. Не пишут мне из СПб. Забыли. А сердце тоскует и требует ласки. Перечитываю старые письма... Братик мой,

⁵⁵ Здесь речь идёт о второй жене Жамцарано, агинской бурятке Бадмажаб Цеденовне Сакияевой.

ужели не вспомнишь меня? Много у тебя своей боли. Какие дни здесь, всегда солнечные, всегда ясные, какие ночи чудные. Когда я дежурила — видела целый поток метеоритов. В течение, по крайней мере, двух часов мне казалось, что всё небо падает на землю, потому что через каждые две секунды в третью где-нибудь сверкал огонек. Больше всего их было на юге, за Богдо-ула. Те, что падали в зените, казались крупнее и оставляли за собой сверкающий след. Но большинство падали, исчезая бесследно...

21 декабря. Сегодня приходил прощаться Галсан⁵⁶. Какая я нервная стала. Это совсем расстроило меня. С ним у меня было связано так много. Ведь все первые слова мои на тибетском языке касались мечты моей. Я расспрашивала его, что умела. Говорили о лотосах, растущих на озёрах вблизи Лхасы... О Норбулинке⁵⁷. О горах, покрытых снегом, и о бело-красных дворцах. Ведь я говорила о родине его. И удивительный всё же человек Галсан. Умный, развитой, необыкновенно чуткий, деликатный и тактичный. И всё-таки чувствуется в нём чуждая психология, которую не всегда улавливаешь. И тем интереснее, тем приятнее общение. Я помню его радостное удивление, когда он один раз случайно увидал на мне крест. Ему все равно, что крест. Для него важно было, что я ношу «бурхана», что я верю. И он потом всё улыбался. Помню, я сказала ему, что на кресте Бог мой был распят. Но объяснить ему, почему, я не умела, и он остался в понятном и истинном недоумении, каким образом и, главное, зачем люди могли убить Бога. Помню, он не выразил недоумения, когда я сказала ему, что у всех нас один Бог. Что он — Один, но мы все его различно называем. М[ожет] б[ыть], он в это время думал о своём Докшите⁵⁸, что висел в его гау⁵⁹... О Докшите, который считается обычно покровителем лам. Вообще, такие странные иногда происходили у нас разговоры на ломаном языке. Вот с космогонии его я никак сбить его не могла. И не верил он мне, что земля не есть конусообразная вершина

⁵⁶ Лама-тибетец Галсан (Галсан Джолдуб, как называет его в своем дневнике С.А. Кондратьев). Присоединился к экспедиции в Алтан-Булаке. В своих дневниках П.К. рассказывает об инциденте, связанном с задержанием на советско-монгольской границе в конце 1923 г. партии трофейного оружия, закупленного Галсаном в Троицкосавске, якобы для нужд тибетской армии.

⁵⁷ Норбулинка — летний дворец Далай-ламы в Лхасе.

⁵⁸ Докшит (тиб.), дхармапала (санскр.) — грозный защитник веры.

⁵⁹ Гау (тиб.) — амулетница, ладанка.

с плоским дном. И вся система мира была у него чрезвычайно оригинальна, но проста. Прощай, милый человек! В последний момент, когда мне хотелось так много сказать ему, я сразу забыла все тибетские слова. И помню, могла только несколько раз повторить, что желаю ему *bsod-pams-chen-ro-chen-ro*⁶⁰. Это глупо, но мне кажется, мне чувствуется, что с ним улетел последний лепесток моего драгоценного *pad-ra*⁶¹.

Сегодня никак не могу взять себя в руки, чтобы заниматься. Мысль не сосредотачивается и ускользает у воли из рук. Вчера во время дежурства чудесно была в Петрограде, на Шпалерной. Чувствовала петр[оградский] запах снега и слегка влажного воздуха, видела всё до мельчайших подробностей...

24 декабря. Сегодня Сочельник. В такие дни всякая тоска усугубляется. Конечно, сейчас нет совершенно никаких факторов для того, чтобы чувствовать радость, но всё же тихость может быть и ясность душевная. <...>

Были у шаманки. Большая юрта. Входя, С.А. говорит: это круглое помещение должно успокоительно действовать на нервы его обитателей. Да, правда. У передней стены бурханы под стеклом, и странно, у монголки-шаманки — белая Тара⁶². Справа под стеклом — зеркало медное, тоже атрибут шаманства. Сумерки. Зажгли три свечи... Курительную свечу затеплили, и она стала тихо-тихо дымить пряным запахом. Она одела свой костюм, взяла бубны и начала молиться. Она начала кланяться отрывисто и быстро, и петь... Правильный темп бубна отдавался где-то в глубине, и казалось, что это где-то в сердце звучат удары. Было хорошо сидеть в этой таинственной полутьме, в тепле, в тишине, и чувствовать прикосновение к чему-то таинственному, чужому.

Архив Музея-квартиры П.К. Козлова. Ф. 3. Оп. 9. Д. 9/2236.

⁶⁰ Тибетское пожелание большого благополучия или счастья. Слова эти написаны Е.В. в дневнике по-тибетски.

⁶¹ *Pad-ra* (*pad-ma*) — (тиб.) лотос.

⁶² Тара (монг. Дара), букв. «спасительница», наиболее популярный женский образ в пантеоне буддийских божеств. В Тибете, Монголии, Бурятии и Калмыкии наибольшим почитанием пользуются две её «спокойные формы» — Белая Тара (монг. Цаган Дара-Эхэ) и Зелёная Тара (Ногоон Дара-Эхэ). Её земными воплощениями считались жёны тибетского правителя Сонгзэн Гампо, русские царицы и цари (начиная с Екатерины II), а также жена 8-го Богдо-гегена Монголии.

Е.В. Козлова-Пушкарёва

МОНГОЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ П.К. КОЗЛОВА 1923–1926 гг.

**(Доклад в Русском Географическом обществе,
17 февраля 1959 г.)**

Пётр Кузьмич Козлов был путешественником-исследователем мало известных стран Центральной Азии по призванию. Кроме целеустремлённого научного интереса к этой работе, П.К., конечно, ещё с юности влекла к себе муза дальних странствий, которой он до старости остался верен.

Пётр Кузьмич, как широко известно, имел счастье быть учеником Н.М. Пржевальского и совершить с ним своё первое в жизни путешествие в Тибет — на истоки Хуан-хэ и в верховья Янцзы-цзяна в 1883–1885 гг., когда ему было всего 20 лет. Горячая любовь и глубочайшее уважение к своему учителю помогли молодому Козлову по-настоящему усвоить основные методы географических исследований широкого масштаба, которые проводил Пржевальский, проникнуться духом беззаветной преданности делу, воспитать в себе непреклонную волю, энергию и отвагу.

Оставаясь верным основным традициям Пржевальского, Пётр Кузьмич в последующих самостоятельных путешествиях постепенно расширял программу своих исследований и кроме изучения природы Центральной Азии, много внимания уделял этнографическим и археологическим изысканиям. Кроме того, понимая значение более углублённого изучения животного мира и его жизни, он стал находить возможность и для стационарных работ.

В свою последнюю Монгольскую экспедицию 1923–1926 гг. П.К. отправился в возрасте шестидесяти лет, но он был тогда ещё вполне здоровым, бодрым, полным сил и энергии, и жажды любимой работы.

Монгольская экспедиция Русского Географического общества, под руководством П.К., планировалась как Монголо-Тибетская, так она и была утверждена нашим Правительством после личного доклада её проекта в Кремле самим Козловым.

П.К. страстно мечтал об исследовании Тибетского нагорья — его центральных и южных частей, а также долины верхней Брахмапутры и района столицы Тибета Лхасы. Южные области Тибета и, в частности, район Лхасы были в те времена закрыты для европейцев, так как их посещениям противился тогдашний духовный вождь Тибета 13-й Далай-лама. Русские и, в особенности, П.К. находились в данном отношении в особо благоприятном положении, так как Далай-лама неоднократно приглашал Козлова с его экспедицией в Лхасу. Поэтому Козлов был твёрдо уверен в осуществлении своих стремлений.

25 июля 1923 г. мы покинули Ленинград со своими спутниками, в числе которых были геолог-географ С.А. Глаголев, ботаник Н.В. Павлов, композитор С.А. Кондратьев, зоолог Е.В. Козлова, студенты А.Д. Симуков и К.К. Даниленко и три препаратора¹. Предполагалось, что в Улан-Баторе, столице Монголии, мы задержимся недолго и в ту же осень выступим к заветному югу.

Однако на деле всё сложилось иначе. По приезде в Улан-Батор нам вскоре сообщили из Москвы, что экспедиции надлежит

¹ Первоначальный состав экспедиции включал 22 человека: П.К. Козлов (начальник), политкомиссар («представитель российского правительства») Д.М. Убугунов, старшие помощники ботаник Н.В. Павлов и географ С.А. Глаголев; младшие помощники — орнитолог Е.В. Козлова, врач-энтомолог Е.П. Горбунова, ботаник-коллектор А.Д. Симуков и геолог Б.М. Овчинников; препараторы П.С. Савельев, В.А. Гусев, В.М. Канаев; конвойные П.М. Саранцев, К.К. Даниленко, Н.Н. Барсов, В.М. Худяков, Н.Ю. Касимов, С.А. Кондратьев; переводчики Б. Мухрайн и Ш. Эрдениев; заведующие караваном А. Мадаев и А.У. Бохин; кинооператор М.В. Налётный. Этот состав, однако, претерпел существенные изменения на начальном этапе экспедиции: Б.М. Овчинников и Н.Н. Барсов, не получившие иностранных паспортов, были вынуждены остаться в России; С.А. Глаголев, П.С. Савельев и П.М. Саранцев были отозваны по распоряжению ГПУ осенью 1923 г. (С.А. Глаголева, впрочем, вернули в экспедицию в 1925 г); ещё ранее, в Троицкосавске, П.К. Козлов лично отчислил из отряда за пьянство Н.М. Налётного. Экспедицию, уже в Урге (когда стало ясно, что она не пойдёт в Тибет), также покинули Б. Мухрайн, Ш. Эрдениев (осенью 1923) и Д.М. Убугунов (в начале 1924). За ними последовала и Е.П. Горбунова, вышедшая в 1924 г. замуж за юриста-консультанта советского полпредства П.В. Всесвятского. Вместо выбывших П.К. Козлов включил в отряд в конце 1923 г. новых членов — П.П. Телешова (начальник каравана), М.В. Степанова, В.П. Пахомова (оба конвойные) и А.Е. Помытова. Главными помощниками П.К. в экспедиции являлись четыре человека: С.А. Глаголев, С.А. Кондратьев (заменивший в 1923 г. Глаголева), Н.В. Павлов и Е.В. Козлова.

оставаться на месте и ждать последующих распоряжений. Как выяснилось впоследствии, отправлению экспедиции в Тибет воспротивилась Англия, и переговоры по этому вопросу через дипломатические каналы затянулись на многие месяцы².

Наступила суровая монгольская зима. П.К. старался возможно продуктивнее использовать время. Сам начальник, а также зоолог, препараторы и наша молодежь — охотники, выезжали на довольно продолжительные экскурсии за 30–50 км вверх и вниз по долине р. Толы, а также в леса Кентейских гор, для сборов зоологических материалов. С.А. Кондратьев, при любезном содействии председателя Учёного комитета МНР³ и его сочленов, получил возможность записи и изучения национальной монгольской музыки, для чего в Улан-Батор были вызваны из районов лучшие певцы страны — мастера исполнения эпических песен.

Водну из поездок в леса Кентея П.К. провёл несколько дней у русского хуторянина Ежо⁴. Разговорившись как-то вечером с хозяином, П.К. рассказал ему о своём открытии в предыдущую экспедицию развалин города Хара-хото в Центральной Гоби. Хозяин, выслушав П.К., сразу припомнил, что много лет тому назад здесь неподалеку, в Кентее, в горах Ноин-Ула, при разработке золота, нашли какие-то древние могилы. Этот рассказ произвёл на П.К. большое впечатление, и он решил непременно расследовать этот вопрос.

В конце февраля [1924] П.К. снарядил своего старшего помощника С.А. Кондратьева с группой сотрудников в рекогносцировочную поездку в горы Ноин-Ула для поисков древних курганов, а затем и сам последовал за ними.

² Такое объяснение было формально дано П.К. Козлову советским правительством в конце 1923 г., однако в действительности поводом для задержания экспедиции в Урге, её реформирования и, в конечном счете, последующей переориентации с Тибета на Монголию, послужил донос на Козлова в июне 1923 г., в котором он сам и несколько его сотрудников довольно голословно обвинялись в контрреволюционных («белогвардейских») настроениях. Более подробно см. об этом: *Андреев А. И.* Почему русского путешественника не пустили в Ахасу // Ариаварта. Начальный выпуск. 1996. С. 199–223; *Андреев А. И., Юсупова Т. И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вестник ИИЕТ. № 2. 2001. С. 51–74.

³ Речь идёт о Цыбене Жамцарановиче Жамцарано (1880–1942), который формально являлся не председателем, а учёным секретарём Учкома Монголии, хотя и играл в нём ключевую роль.

⁴ Иосиф Янович (Иоганович) Ежо — польский колонист в Монголии.

Ноин-Ула — сильно расчленённый горный массив, где отдельные гряды с вершинами мягких очертаний раскинулись беспредельными волнами на многие десятки километров и, насколько хватает глаз, чернеют по северным склонам кедровыми, сосновыми, реже лиственничными и смешанными лесами. Южные склоны — луговые или степные, с редкими кустарниками и выходами скал.

Курганы были обнаружены среди редколесья по отлогим склонам широких падей — Суцзуктэ (что значит «молитвенное»), Цзурумтэ («благочестивое приношение») и Гуджиртэ («солончатое»), по дну которых струились небольшие речки.

После тщательного обследования оказалось, что погребений всего 212. Все они были не высоки и имели характерную форму усечённого конуса. Посередине располагалась довольно глубокая воронка, окружённая валом. Такая форма курганов сразу наводила на мысль, что они когда-то были разрыты, что впоследствии и подтвердилось.

Перед начальником экспедиции встал довольно трудный и очень ответственный вопрос: решиться ли на раскопки этих могил, на что потребуются непредвиденные расходы? Дадут ли эти раскопки какой-нибудь ценный материал, и оправдают ли затраченные деньги? Наконец, если в разгар работ придёт долгожданное разрешение на следование экспедиции в Тибет, как в таком случае поступать?

После всестороннего обсуждения возникшей задачи с сотрудниками экспедиции, с Учёным комитетом МНР и полномочным представителем СССР в Монголии [Алексеем Николаевичем Васильевым, который был одновременно и политическим комиссаром нашей экспедиции]⁵ было решено приступить к раскопкам, на что мы получили разрешение Правительства МНР.

П.К., как всегда во всех своих начинаниях, верил в успех, и, несмотря на трудность и неопределённость положения, со свойственной ему решимостью и даже, я бы сказала, с лёгким сердцем, отдался новой работе.

Раскопки решили начать возможно раньше, чтобы до лета хоть частично выяснить первые результаты, и вести их самым примитивным, дешёвым (единственно доступным нам) способом, а именно, шурфом.

В конце марта, когда ещё везде лежал снег, начали работу. На ночь на мёрзлой земле раскладывался большой костер, чтобы ут-

⁵ Здесь и далее слова в квадратных скобках добавлены из черновика доклада.

ром легче было копать. В день нашим рабочим — китайцам, которых было всего четыре человека, удавалось углубиться не более чем на 1 м. Вскоре через стенки шурфа стала просачиваться вода, и был поставлен сруб, как в колодце. Вода всё время сильно затрудняла раскопки многих курганов, так как в самом погребальном помещении она часто достигала 25–30 см глубины, а периодически и больше. Приходилось откачивать её пожарной машиной, и всё-таки работать в воде и в грязи, при скудном освещении фонарём и свечами.

Когда рабочие достигали крыши погребальной камеры, их сменяли сотрудники экспедиции, так как с этого момента начиналась наиболее ответственная часть раскопок. Надо было производить измерения, чертить планы могил и расположение в них погребального инвентаря.

Все погребения были построены сходно. На глубине семи или десяти метров находилось первое «наружное» помещение, внутри которого, как в футляре, располагалась внутренняя погребальная камера с гробом. Между обеими постройками с трёх сторон проходил узкий коридор. Стены камер и самый гроб построены из прекрасно сохранившегося лиственничного дерева. Потолок и стены внутреннего помещения были обтянуты шёлковыми тканями, от которых сохранились только обрывки. Под гробом лежал почти целый шерстяной домотканый ковёр на войлочной подкладке, с шёлковой оторочкой и с нашитыми сверху аппликациями, изображавшими всяких животных — между прочим, бегущего лося с крылатым грифоном на спине. Гроб был украшен тонкими золотыми пластинками, а дно его снаружи — чёрным лаком с рисунками, от которого сохранился лишь один небольшой фрагмент с цветным изображением летящей птицы (тело жёлтое, ноги и клюв красные, фон чёрный). Предметы погребального инвентаря были сделаны из серебра, бронзы, дерева, и редко из золота и нефрита. Очень много в каждой могиле находилось кос из чёрных волос, иногда перевязанных шнуrom, иногда заключённых в шёлковые футляры.

К сожалению, во всех погребениях царил явный беспорядок. Гроб мы находили открытым, крышка его и скелет покойника лежали рядом на полу. Также и все предметы были разбросаны по камере и даже в коридорах. В одной только из могил нашли сохранившуюся, видимо, на предназначенном для неё месте в углу коридора, глиняную, совершенно неповреждённую урну в 80 см высотой.

Этот беспорядок был в своё время произведён грабителями; их ходы были тщательно обследованы сотрудниками экспедиции. Воры проникли через узкое отверстие, прорубленное ими в не-

которых могилах в стене, в других в потолке камеры. Грабительский ход начинался со дна воронки кургана и шёл в вертикальном направлении к могиле. Этот ход оказался заваленным крупными камнями. По исследованиям специалистов, ограбление было произведено вскоре после захоронения покойника, так как в насыпи кургана, а также между насыпью и грабительским отвалом не было обнаружено следов погребённой почвы. Почвенный слой не успел образоваться в период времени между сооружением могилы и её ограблением.

Ноинульские курганы относят к I веку до нашей эры. Эти памятники принадлежали племени гуннов. Среди добытых археологических находок одним из наиболее ценных [предметов] считается подгробный ковёр местного производства, в орнаментах которого находят следы эллинского влияния. Многие аппликации выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. Кроме того, немало и китайских импортных вещей времён ханьской династии.

Итак, наши археологические работы увенчались успехом. Экспедицией были вскрыты за лето 12 могил. Часть добытых материалов П.К. отправил в Ленинград почтой. Эти материалы по своей ценности и значимости произвели такое большое впечатление в научном мире, что Академия наук немедленно направила к нам специалистов-археологов для проведения дополнительных раскопок по всем правилам искусства, на особые средства⁶. В результате методом «открытой разработки» был вскрыт один курган с помощью 47 рабочих.

Наши раскопки в Ноин-Ула закончились только летом 1925 г., когда, наконец, удалось извлечь весь материал из так называемого «мокрого» кургана, который до того нельзя было разрабатывать из-за непрерывного затопления его грунтовыми водами.

Не все члены экспедиции работали на могильных полях. Ботаник Н.В. Павлов был командирован П.К. вместе с препаратормом в Хангай. Я занималась сборами и наблюдениями за птицами в разных пунктах Кентея, радиусом около 100 км. Часть времени экскурсировала и в районе раскопок. Спускалась неоднократно в шурфы и видела всю трудность работы в могилах. Спускаться туда надо было, вставив одну ногу в петлю на верёвке, прикреплённой к вороту, который плавно опускал вас на дно шурфа. В могиле

⁶ Командированные Академией наук на помощь П.К. Козлову археологи — это Г.И. Боровко (сотрудник РАН, хранитель Эрмитажа) и С.А. Теплоухов (профессор Ленинградского университета, хранитель Русского музея).

одновременно могли работать один или максимум два человека. В разгар выемки материалов, в особенности многочисленных тканей, приходилось принимать груды мокрых, облепленных землёю, слипшихся бесформенных лоскутов, которые сначала осторожно промывали, держа на ладони в медленно бегущем ручье, а затем высушивали. Это было плохо, но задним числом можно покаяться. Тем более что тканей мы не испортили.

В июле 1925 г. наша экспедиция, получив извещение из Москвы, что вопрос о Тибете окончательно отпал, и что нам предлагается работать в любом районе МНР и в Центральной Гоби за её пределами, покинула Улан-Батор двумя партиями. Одна из них под руководством географа Глаголева с тремя помощниками из нашей молодёжи направилась прямо на юг, с тем, чтобы перезимовать в горах Ноин-богдо, южнее передовой северной цепи Гобийского Алтая, а с весны начать раскопки в городе Хара-хото. Второй отряд с П.К. во главе включал двух препараторов, орнитолога, одного рабочего китайца и двух переводчиков бурятов. [Этот отряд] пошёл на запад, в Хангай. Ботаник Н.В. Павлов и композитор С.А. Кондратьев, по обстоятельствам частного порядка, вернулись в СССР, взяв с собою все археологические материалы.

Мы с П.К. выступили из Улан-Батора тележным транспортом на монгольских малорослых волах. Люди ехали верхом на лошадях. До цели нашей поездки — верховьев р. Онгин-гол в восточном Хангае — было недалеко, всего около 600 км; натоптаные тропы пролегли по долине Толы, а затем по однообразной холмистой польнковой степи, преграждаемой кое-где грядами пустынных каменистых гор. Корма для быков везде хватало, и организовывать верблюжий караван не имело смысла. П.К. впервые пришлось путешествовать по Монголии не с верблюдами, а на телегах с быками, и я видела по тому, с каким пренебрежением он осматривал свой неуклюжий караван, что ему этот транспорт очень не нравился. Действительно, красоты здесь было мало. Одни деревянные, без ободов, колёса одноосных телег, местного производства, не круглые, а, так сказать, многоугольные, составленные из отдельных дугообразных кусков, чего стоили...

Впоследствии мы убедились, в особенности при переходе каменистых рек вброд, что телеги с их деревянной осью в 1½ руки толщиной, — действительно необычайной прочности, а маленькие скромные рыжие быки — просто неоценимые существа. Когда дорога проходила по болотистым местам, да ещё в гору, эти животные, вытаскивая с великим трудом телегу, нередко становились на

колени передних ног, и могли пройти таким образом несколько десятков шагов, совершенно не понуждаемые к этому человеком.

В степной части пути мы один раз видели табунок дзеренов [небольших изящных степных антилоп, которые спокойно паслись на расстоянии $\frac{1}{2}$ км, не обращая на нас внимания. Только когда наш препаратор-охотник отделился от каравана и стал к ним приближаться, они насторожились, а потом то одно, то другое животное, сделав несколько высоких прыжков, всеми четырьмя ногами сразу, почти на одном месте, пустились бежать, а за ними пошло и всё стадо]. Около холмов резвились суслики, [а] у своих нор сидели сурки-тарбаганы, на которых постоянно, но почти всегда безуспешно, охотились наши собаки. Из птиц здесь были только дрофы, журавли-красавки, полевые и монгольские жаворонки, да изредка проносились своим изумительно быстрым полётом саджи или копытки.

В дороге жизнь наша шла размеренно. Вставали в $5 \frac{1}{2}$ ч. утра, на костре из сухого помёта домашних животных варили чай и отправлялись в путь. На мне лежала обязанность вести маршрутно-глазомерную съёмку буссолью; препаратор добывал птиц и мелких зверьков. Около 1 часу дня останавливались у воды, и, разбив палатки, шли на экскурсии. П.К. разыскивал следы древних могил и наскальные надписи, которых в МНР везде много, и фотографировал их. К пяти часам вечера надо было уже быть «дома», так как в тот же день надлежало приготовить шкурки добытых птиц и зверьков, а мне ещё вычертить съёмку. Ночью мы дежурили по очереди по $3 \frac{1}{2}$ часа. [Первое дежурство с 10 до $1 \frac{1}{2}$ считалось очень лёгким, а второе было труднее — нарушенный первый, крепкий сон никак не хотел отлетать]. В обязанности дежурного входило присматривать за пасущимися лошадьми и подгонять их к лагерю [если они слишком далеко уходили], а кроме того, ловить на фонарь насекомых. При этих работах полагалось никогда не расставаться с ружьём. Население вокруг почти отсутствовало на большей части пути, да от него и не надо было охранять бивак. Но эти дежурства, иногда [очень] тяготившие нас, были необходимы, так как наших животных могли потревожить волки, к палаткам нередко подбирались местные голодные собаки, существующие, так сказать, на «самоснабжении» [и могли поживиться остатками обеда, которые хранились на утренний завтрак, и даже тушками птиц — без всякой прибыли для себя, но с большим убытком для нас. Кроме того, в некоторых районах проводники предупреждали, что у нас могут угнать коней.]

Один раз только я не выполнила наказа о ружье на ночном дежурстве во вторую смену — с половины второго до пяти, и очень

потом раскаивалась. Мы ночевали у колодца в безводной и безлюдной местности. Вблизи стояла старая колода [для скота] с остатками воды. К этой колоде и к лужам на земле летели в ту ночь сотни ночных бабочек. Они рассаживались на влажных местах, и я едва успевала их ловить. При этом занятии ружьё на плече очень мешало, и я сняла его и поставила у палатки. Не прошло и нескольких минут, как в свете фонаря появился волк. Он шёл пить и остановился в каких-нибудь шести шагах от меня. В тот момент я сидела неподвижно на краю колоды и отдыхала. Что было делать? Ведь ружья-то не было! С досады я швырнула в него несколько камешков, после чего он неспешно и, вероятно, с презрением удалился, [а я быстро направилась смотреть караванных животных, взяв с собою ружьё, которое так и не понадобилось. Утром я получила заслуженный выговор.]

Неподалёку от монастыря Мишик-гун, на восточной окраине Хангая, П.К. узнал от местного населения, с которым он всегда умел устанавливать наилучшие отношения, что по соседству в урочище Дут-нур есть какие-то письмена на скалах. Ему, конечно, необходимо было съездить сфотографировать надпись. [До сих пор мы видели на скалах лишь обычную буддийскую молитвенную формулу, написанную санскритскими буквами: ом мани [падме хум]⁷, а местами и изображения животных, чаще всего горных козлов в разнообразных позах.] Она была выгравирована на гладкой поверхности диабазовой вертикально стоявшей отдельности и содержала семь вертикальных строк монгольского текста. Снимок хорошо удался, и текст был переведён [сначала председателем Учёного комитета МНР проф. Джамцарано, а затем проф. Б.Я. Владимировым⁸.] Вот несколько строчек из него.

«Хотя и есть разница между законами и порядком добрых тушемилов на земле и судилищем Эрлик-хана в потустороннем мире, но в суждении о правде и неправде они одинаковы.

Хотя и есть разница между человеком, воруящим чужое вблизи и вдали, и волком, бродящим вокруг двора и высматривающим добычу, но в своём стремлении к еде они одинаковы.

⁷ Е.В. ошибается — буддийская молитва-мантра в Монголии обычно писалась на камнях по-тибетски.

⁸ См.: *Владимиров Б.Я.* Надписи на скалах Халхаского Цокту-Тайджи. Представлено ак. С.Ф. Ольденбургом в заседании отд. исторических наук и филологии 27 марта 1926. АН СССР. Л., 1927. (Известия АН СССР. 1926. № 13–14; 1927. № 3–4).

Хотя и велико расстояние между Халкой и Огнютской Землей, хотя и далека моя сестра Колгота на Ононе от меня, больного сердцем кочевника, на Орхоне и Толе, но во взаимной тоске и любви — мы одинаковы»⁹.

И т. д. Надпись датирована 1628 г. Слова принадлежат Цокто-Тайджи — известному религиозному борцу и прославленному охотнику.

В нашем движении на запад мы постепенно втягивались в предгорья восточного Хангая, и, вступив в долину р. Онгиин-гол, поднялись к верховьям этой реки, где было решено зимовать. Мы выбрали место стоянки у тёплого ключа с $t^{\circ} +15$ гр. С, на моренной террасе, при самом устье одного из ущелий, один склон которого был покрыт лиственничным лесом. В середине октября [1925], когда мы сюда пришли, лиственница уже пожелтела, и издали казалось, что с гор спускаются вдоль ущелий широкие золотые реки.

Хребет восточного Хангая, служащий водоразделом рек Онгиин-гола и Орхон, протянулся с северо-востока на юго-запад приблизительно на 300 км. Вершины его плоски, гребень, сложенный из сильно денудированных гранитов, имеет [округлые, слегка] волнистые очертания и не достигает снеговой линии. Абсолютная высота перевалов 2900–3100 м. Верховья южных ущелий большей частью образуют чашеобразные расширения — ледниковые цирки, где нередко располагаются прозрачные округлые озера. При устьях ущелий громоздятся широкие конечные морены, круто изменяющие направления горных ручьёв при самом выходе их в долину. Морены, цирки, а также сглаженные края боковых выступов некоторых скал свидетельствуют о минувшем оледенении хребта.

Юго-западные склоны падей со скалистыми выходами покрыты степной растительностью и кустиками чёрной берёзы. В сиверах растут высокоствольные леса, в нижнем и среднем поясе лиственничники, в верхнем — кедровники. Выше леса простираются низкотравные альпийские луга, где живут горные бараны (аргали) и горные козлы, особенно многочисленные на Орхонской стороне хребта. За экскурсию в 5–6 часов можно встретить 2–3 группы тех и других животных в 15–20 особей. Аргали держатся спокойно и, даже если видят в отдалении человека, продолжают пастись. Мне приходилось не раз наблюдать, как в Хангае, так позднее и в Гобий-

⁹ Перевод Б.Я. Владимирцовым этих строк см.: *Владимирцов Б.Я.* Надписи на скалах... С. 1258–1259.

ском Алтае, что действительно (как об этом пишут) один самец при стаде всегда как бы стоит настороже: он не ест, а смотрит по сторонам, чаще с какого-нибудь возвышения. Когда находишься несколько ниже зверей, на фоне неба резко очерчивается фигура такого аргали с поднятой головой, увенчанной загнутыми дугой огромными, как колеса, рогами и со взором, устремлённым вдаль, и производит внушительное впечатление. Тем более что зверь стоит неподвижно и только изредка поворачивает голову. Горные козлы казались мне всегда не столь представительными, но более слабыми и пугливыми. Потревоженные аргали убегают быстрым галопом по горному луку; козлы, кормящиеся чаще вблизи скал, при опасности устремляются к ним, и делают большие прыжки через трещины и провалы.

По южному каменистому склону одного из ущелий мне довелось лишь однажды мельком увидеть небольшую серовато-жёлтую пушистую дикую кошку-манула, быстро скрывшуюся в щель между камнями. Щель была глубокая, с поворотом, и добыть зверя не удалось. Этих хищников в Хангае, видимо, немного. Волков, по крайней мере, в зимнее время около нашего бивака было достаточно, и по ночам они нас часто беспокоили, так как мы боялись за наших лошадей и собак. Собаки, учуяв волка, начинали выть, и тогда кто-нибудь из нас выходил из юрты и делал несколько выстрелов. В конце ноября к нашему соседу [проводнику Церену] приехал переночевать его приятель с Орхона. Коня привязали к юрте. Всю ночь бушевала метель, свистел ветер, юрта подрагивала. Собаки спали, забравшись глубоко в стог сена. Наутро обнаружили, что конь приезжего гостя исчез: его истерзанные останки были обнаружены метрах в пятидесяти от нашего жилища.

В нагроможденьях валунов в речном ложе, где струя воды была очень мала, ютились во множестве горностаи. Ни одна экскурсия не обходилась без того, чтобы не встретить этого зверька. Скрывшись от вас в камнях, он через несколько минут непременно высовывал свою любопытную мордочку из щели, и добыть его не составляло труда. Косуль и изюбрей в лесах Хангая значительно меньше, чем в Кентее, [а рытьё кабанов приходилось видеть часто. Из птиц, в кедровниках и лиственничниках верховьев Орхона, были обычны каменные глухари, в высокогорье дважды наблюдались стайки уларов — горных индеек и нередко белые куропатки.]

Наш отряд пробыл [в Хангае] у тёплого ключа всю зиму. Вокруг населения не было, кроме юрты проводника экспедиции, в которой жило несколько ребятшек. Монгольские дети всех нас поражали своей закалённостью. Они спят голыми вместе с родите-

лями, под бараньими шубами. В солнечный морозный день выскакивают нагишом на воздух, бегают в таком же виде загонять скот и катаются по льду. Я видела, как голый малыш лет четырёх сидел на корточках на маленькой льдинке, а другой постарше, взяв его за руки, быстро мчался по ледяному наплыву. Льдинка скользила легко, и ребятишки визжали от восторга.

[Сначала мы жили в палатках, хотя морозы достигали уже -10 гр., а к концу октября удалось приобрести две юрты, где благодаря маленькой железной печке было очень тепло и уютно. Спали мы, по традиции Пржевальского, не на складных кроватях, а на войлоках на земле. Столами служили походные ящики. В ветер наш уют, конечно, нарушался. Сквозь войлочные стены проникал не только леденящий ветер, задувавший свечу, но и мелкий снег, от которого приходилось спасать рукописи, книги и высухавшие шкурки зверей и птиц. К утру юрта выстывала до -10 – 15 гр. С, так что волосы иногда примерзали к подушке, но под меховыми одеялами было тепло. Вставали со светом и сразу шли умываться к тёплому источнику. Очень приятно было смотреть на этот ключ. В том месте, где он пробивался из земли, было небольшое чашеобразное углубление, зеленевшее травой, как удивительная лужайка среди снега. В воде жили рачки-бокоплавы, гаммариды, жуки и личинки ручейников.]

С осени, неподалёку от нашего жилья, в долине Онгиин-гола монголы пасли скот, который пригоняли за несколько километров, так как здесь сохранились кормные участки степи. Эти стада производили несколько необычное впечатление и состояли исключительно из домашних яков и сарлоков (помесь яка с обыкновенной коровой). Эти животные хорошо приспособлены для ходьбы по горам с вьюками или под седлом и легко переносят любой мороз. Молоко их особенно жирное. Мы впервые встретили сарлоков и яков в Хангае. В степных частях страны их не держат.

Экскурсировали мы все зимние месяцы ежедневно [в любой мороз и только в метель сидели дома. Снегу было, в общем, не много: на солнцепечных увалах он быстро испарялся, а в лесах задерживался, но ходить все же было не трудно, без лыж. Часто я экскурсировала верхом.] Четыре раза предпринимали более отдалённые экскурсии на неделю или десять дней, переваливая хребет в бассейне Орхона, где П.К. удачно охотился на аргали, шкурами и скелетами которых пополнялась коллекция.

[Река Орхон, в той части его верхнего течения, к которой мы спускались, протекает в глубоком каньоне, глубиной около 15 м. На дне его растут высокие лиственницы и тополь; тёмной лентой

извивается незамерзающая здесь быстрая река. В расширениях русла, где течение не столь мощно, плавают стайки гоголей (особые нырковые утки), и самцы, издавая брачный призыв и изгибая дугой шейки, токуют около самок, несмотря на мороз. Слышалась песнь оляпки, сидевшей под ледяным заберегом у самой воды. Эта птичка гнездится высоко в горах, а зимует в нижней зоне у тальцов на реке, питаясь личинками водных насекомых. У верхнего края каньона в Орхон впадает бурная порожистая речка Улан, образуя водопад, низвергающийся с высоты около 10 м. Сейчас он обледенел, и вода струилась подо льдом. Во время этих поездок, которые организовывал Пётр Кузьмич, мы ночевали в своей палатке или в монгольских юртах, вместе с ягнятами, маленькими новорожденными яками и беременными овцами.

Увлекаясь памятниками старины, П.К. тщательно картировал все керексуры¹⁰ и плиточные могилы, во множестве разбросанные по долине верхнего Онгиин-гола, которые, по-видимому, в древности представляли огромное кладбище. Некоторые могилы пробовали вскрыть, но кроме скелета покойника не обнаруживали почти ничего.]

20 марта [1926] наш отряд покинул истоки Онгиин-гола и направился на юго-восточную окраину Хангая, в урочище Холт, где, по расспросным сведениям, монголы нередко подбирали палеонтологические остатки. На второй день пути с зимовки П.К., часто отдалявшийся с проводником от каравана для изучения местности, рассмотрел в бинокль довольно высокий камень на холме. Это оказалась гладко отшлифованная кварцевая плита высотой около метра, покрытая китайскими иероглифами. К северу от плиты виднелись развалины небольшой каменной постройки, окружённой разрушенными стенами со следами башен. Плита была сфотографирована, с развалин сняли план. Как выяснилось из надписи, здесь в XIII веке существовал китайский форт, основанный в память подавления китайцами восстания. Так приоткрылась ещё одна страничка истории страны...

Небольшая речка Холт, на которой мы разбили лагерь, протекает по окраине подступающей к Хангаю степной части Гоби. Равнина со скудной растительностью полыни и злаков разнообразится грядами холмов. Берега реки невысоки, местами обрывисты. Здесь в красной глине береговых откосов до 2 м высотой экспедиция обнаружила на глубине от ½ до 1 м костеносный горизонт.

¹⁰ Керексур, от монг. *хиргэсуур* — могильник.

Палеонтологические материалы принадлежали гиппарионовой фауне, датирующейся, как известно, верхним миоценом — нижним плиоценом. В Холте нашли остатки носорогов, жираф, трёхпалой лошади, оленей, грызунов и других животных. П.К. так заинтересовался палеонтологическими изысканиями, что решил остаться здесь до лета и продолжать раскопки с препаратором [В.А.] Гусевым, переводчиком [Цереном], одним рабочим китайцем [Фучином], сопровождавшим экспедицию из Улан-Батора, и несколькими местными монголами. Меня с препаратором Канаевым, переводчиком [бурятом] Ганчжуровым и проводником П.К. командировал за 200 км к югу на озеро Орок-нор, к подножию Гобийского Алтая, для изучения орнитофауны этого нового для нас района.

Мы с товарищами выступили из Холта 30 марта. Караван состоял из 11 верблюдов, двух верховых лошадей и двух собак. На следующий же день пути, как раз когда мы находились в бескормной и безводной равнине, разразилась сильная снежная буря, длившаяся, к счастью, только около 16 часов. Верблюды шли безотказно, все запорошенные снегом, как призраки. Лошади не хотели идти, останавливались и поворачивались спиной к ветру, который так пронизывал, что сидеть верхом было невозможно. Пришлось спешиться и тащить коня за собой. В снежном вихре то и дело кружились только что прилетевшие полевые жаворонки и белые плиски, стараясь найти пристанище около верблюдов и вьюков, но не находили места где бы присесть. Вскоре я заметила, что проводники — они же хозяева верблюдов — стали часто менять направление нашего движения, [что я с лёгкостью установила с помощью буссоли.]

На моё замечание по этому поводу старший признался, что они не знают, куда надо идти, и задал мне вопрос — не знаю ли я? Я ответила, что, конечно, знаю, так как ещё до начала метели я сделала засечку на ущелье, находившееся в юго-юго-западном направлении в горной гряде, куда, по словам проводника, нам надлежало двигаться. Пришлось привязать передового верблюда к своему коню и, всё время, справляясь с буссолью, тащиться дальше. К полудню мы все устали и решили остановиться, пройдя с пяти часов утра до двенадцати всего 18 км. Остановка была нежелательна из-за отсутствия корма и воды для лошадей, но делать было нечего. Часть дня и ночи мы провели в палатке у маленького костра из аргала, который на случай мы имели с собою. Вода для чая тоже была в бидоне. Кони получили по горсти пшена и были тепло укрыты войлоками.

Утро расцвело тихое и ясное. Оглядевшись кругом, проводники удивлённо заявили, что мы, оказывается, шли правильно, и нужное

нам ущелье находилось недалеко впереди. С вершины перевала небольшой гряды Ушюк мы уже увидели на горизонте узкую полосу озера Орок-нор, а за ним протянувшийся в широтном направлении величественный хребет Гобийского Алтая с двумя снежными вершинами, — район, куда мы держали путь.

Проходя в один из следующих дней по каменистой, слабо задернованной ковыльково-луковой полупустыне, нам удалось отметить пять табунов хуланов по 30–50 голов в каждом, на расстоянии около 1 км от нас. Мы сразу догадались, какие перед нами животные. Некоторые из них казались пегими, другие высокими, как верблюды. Паслись они вблизи обширного, созданного миражом озера. Потом мы догадались, что та же вибрация воздуха делала их высокими и горбатыми. Пегими они казались, потому что они линяли, и среди золотисто-рыжеватой шерсти были большие тёмные пятна голой кожи. В этом мы убедились, добыв здесь двух самцов. [Пришлось остановиться, чтобы добыть животных, которых ещё не было в коллекции. Наши охотники легли на землю, отстав от каравана, и поползли. Хуланы оказались очень осторожными, сразу перестали кормиться и насторожились. Стрелять пришлось на 700 шагов. В результате два самца были добыты.]

На озеро Орок-нор — к [конечной] цели нашей экскурсии — мы пришли 5 апреля. Озеро ещё было покрыто льдом и только у берегов были свободные от него довольно большие полыньи, где кишели и гомонили водоплавающие. Здесь было больше всего лебедей-кликунов, серых гусей и уток: свиззелей, шилохвостей, чирков-трескунков и крякв. На берегу стояло несколько цапель. Пролёт уже начался.

Мы разбили лагерь у юго-западной окраины озера, вблизи пресного ключа, и прожили здесь около трёх месяцев [апрель, май и первую половину июня], после чего переместились на северный склон массива Ихэ-богдо.

Орок-нор залегает в обширной полупустынной долине, протянувшейся на сотни километров между горами Хангая на севере и Гобийским Алтаем на юге. У самого озера проходит полоса дересунной степи, сменяясь у северного берега грядами полулунных песчаных барханов, а дальше солонцеватыми болотами. На северо-восточном берегу большая площадь занята тростниками, в которых гнездятся выпи и колпицы. На юго-восточном побережье есть небольшая саксауловая роща. В озеро с севера впадает [большая река] Туин-гол и несколько опресняет его солоноватые воды. Орок-нор вытянут в широтном направлении, и достигает по длинной оси 37 км, при ширине в 5–12 км; глубина его не превышает 4-х м.

К нашему ключу, рано утром, нередко приходили на водопой одиночки и пары антилоп хара-сульт, которых мы не трогали. Сюда же прилетали из предгорий стайки розовых монгольских вьюрков — тоже утолять жажду.

В Гобийский Алтай, в район массива Ихэ-богдо, вершины которого укрыты вечным снегом, мы переселились с озера во второй половине июня и проработали здесь месяц. Эти горы безлесны, каменисты, почти безводны и угрюмы. По склонам их поднимается злаково-ковыльковая степь и кусты караганы; по многочисленным сухим руслам дождевых потоков, среди гальки и щебня кое-где видны кустики миндаля, жимолости. В этих руслах у подножия гор часто встречались саксаульные сойки, с трещанием перебежавшие между камнями. Лишь в одном глубоком ущелье Битютен-ама протекает быстрая речка, питающаяся снеговыми водами вершин. На берегах её зеленеет роща тополей, заросли ивняка и стоит особняком единственная пышная высокая берёза. В этом ущелье гнезвился чёрный аист, а неподалеку — красные утки в пещерке скалы (километров в 14 от озера). На берёзе ночевали кукушки. В безводных ущельях Ихэ-богдо были очень обычны кекелики, а немного выше — улары. Тех и других можно было слышать, и подолгу наблюдать почти ежедневно.

Однажды мне довелось полюбоваться маткой горного козла с козлёнком. Она неторопливо шла вдоль каменистого горного склона, а малютка бежал рядом и тыкал её носом в соски, стараясь полакомиться молоком на ходу.

После каждого выстрела откуда-то появлялись в небе грифы, и если человек добывал крупного зверя — надо было торопиться к добыче, иначе её всегда портили эти птицы.

Наша деятельность на Орок-норе и в Гобийском Алтае проходила очень напряжённо. Была сделана глазомерная буссольная съемка озёрных берегов, а также промеры глубин водоёма с помощью нашей брезентовой лодки. Собирался гербарий. Коллекционировали не только птиц и крупных зверей, но ловили и грызунов, а также пресмыкающихся и земноводных. Производили и энтомологические сборы. Ловля змей не обошлась без маленькой неприятности: щитомордник ухитрился укусить меня за обе руки, когда я раскапывала норку грызуна. В результате с неделю сильно болела правая рука, поднялась температура, потом рука отнялась, и около двух недель мне пришлось писать дневники левой рукой. Монголы утешали меня, что я на третий день после укуса должна умереть, как обычно у них умирает укушенный щитомордником скот... Но я поправилась.

[Работа наша в районе Гобийского Алтая и озёрной котловины была довольно разнообразна. Основная задача заключалась в наблюдениях над весенней миграцией птиц и над гнездованием местных видов. Кроме того, была произведена маршрутно-глазомерная съёмка его берегов и промеры глубин водоема, для чего служила наша складная брезентовая лодка. На нас лежала также обязанность собирать млекопитающих, в частности, грызунов, пресмыкающихся, насекомых, и составлять гербарий. Дни были укомплектованы до отказа, но зато коллекции и записи экологических наблюдений в дневниках росли быстро.]

В последней декаде мая к нам прибыл из Холта П.К., чтобы ознакомиться с нашей работой, а затем следовать дальше к отряду Глаголева в Хара-хото. [Петра Кузьмича вообще удовлетворить довольно трудно. Он всегда быстро улавливает какие-то незамеченные всеми упущения. Но в этот раз он остался доволен и сборами, и дневниками. П.К. пробыл у нас всего 10 дней, в течение которых он много экскурсировал.] Мы проводили его 3 июня в 3 ½ часа утра. П.К. отправился в далёкий путь с переводчиком и проводником, все ехали на верблюдах. Предстоял трудный маршрут через Заалтайскую пустынную часть Гоби, горы Немечете и Ноин-богдо в низовье р. Эцзин-гол, которая берёт начало в горах Нань-шаня.

Около 500 км были пройдены маленьким лёгким караваном за 13 дней, причём из-за жары, доходившей в полдень в тени до 35 гр. С, приходилось путешествовать больше ночью, вставая в полночь или в два часа, и останавливаясь к десяти часам утра. В безжизненных горах Ноин-богдо П.К. задержался на два дня, для того чтобы обследовать наскальные надписи и изображения.

Первая богатая растительность, которую путники увидели на 15-й день своего томительного путешествия, были высокие тополя, заросли джиды (*Eleagnus*) и тамарисков долины р. Эцзин-гол. От реки до Хара-хото всего 12 км, и на всём этом протяжении высятся песчаные бугры с селитрянкой (*Nitraria schoeberi*) и бледно-зелёным тамариском с розовыми кистями цветов; изредка встречается кустарниковый саксаул. С высокого бархана виден мёртвый город с его высокими — до 9–10 м — стенами и башнями по углам. С северо-востока могучей волной надвинулись на город сыпучие пески, засыпая стены и проникая даже внутрь города.

21 июня [1926] П.К. вступил в Хара-хото, где работал отряд нашей экспедиции под руководством С.А. Глаголева. Всё в городе, как и раньше, было тихо и мёртво; следы давней человеческой жизни с годами всё больше поглощаются песками.

За время пребывания здесь нашего отряда город, конечно, несколько оживился. Исследуя его заглохшие улицы, угадывая назначение разных зданий, мы как бы воскрешали столицу вымершего племени Си-ся¹¹. П.К. с большим волнением вновь посетил город, подаривший науке много лет тому назад исключительные по своему значению и богатству материалы. Вот здесь на диапозитиве — часть библиотеки на разных восточных языках (тибетском, китайском, уйгурском, персидском и др., включая и мёртвый ныне язык Си-ся), добытой в 1908 г. в [«знаменитом»] субургане¹² у стен Хара-хото.

Раскопки 1926 г. дали относительно небольшие результаты. Было найдено множество фресок, керамика, глиняные фигуры, а также металлические предметы — топор, лемех, обломок каменной плиты с рисунком и надписью, монеты, медные украшения, бусы, обрывки писем. Среди глиняных предметов обращали внимание раскрашенная статуя высотой в 1 м и крупная голова Будды. Сотрудником экспедиции К.К. Даниленко был составлен подробный план центральной части или крепости города, занимающего площадь 385 × 325 м, и окружённой стенами. К плану написана обстоятельная легенда.

После десятидневного пребывания в Хара-хото, П.К. в конце июня навсегда простился со своим «мёртвым» городом, вновь повернул на север в Гобийский Алтай. С Глаголевым он договорился, что его отряд скоро закончит работу и присоединится к нам в палеонтологическом лагере в Холте, откуда мы уже всей экспедицией вернёмся в Улан-Батор, что и было благополучно осуществлено.

* * *

Труды экспедиции Русского Географического общества, увенчавшиеся успехом благодаря неистощимой энергии Петра Кузьмича Козлова, вызвали в дальнейшем быстрое развитие детального, всестороннего изучения Монгольской Народной Республики русскими учёными. Вскоре после нашего возвращения на родину была учреждена при Академии наук СССР Монгольская комиссия, которая стала ежегодно организовывать поездки специалистов

¹¹ Хара-хото (букв. «Чёрный город») был одним из больших городов (но не столицей) тангутского государства Си-ся, существовавшего в X–XIII вв.

¹² О находках П.К. Козлова в «знаменитом субургане» см.: *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото. М., 1948. (гл. 25).

разных дисциплин в МНР. В этой работе участвовали геологи, гидрологи, почвоведы, животноводы, зоологи, ботаники, языковеды, историки и др.

Таким образом, экспедиция 1923–1926 гг., кроме её, так сказать, вещественных результатов, имела большое значение для установления живых культурных связей СССР с Монгольской Народной Республикой и, в частности, с центром научной мысли Монголии — её Комитетом наук.

Я сохранила об этом путешествии самые светлые, незабываемые воспоминания. Просторы Монголии меня пленили — и горная тайга на севере, и беспредельные степи и полупустыни на юге, и суровые величественные, безлесые её хребты... Вся прекрасная, полная труда жизнь среди природы. Впоследствии я ещё дважды работала в Монголии уже самостоятельно — в 1929–1931 гг. Могу сказать, что самое счастливое время моей жизни — это были годы, проведённые в этой стране.

17 февраля 1959 г.

Архив Музея-квартиры П.К. Козлова. Фонд 1. Оп. 8. Д. 9/1478. Л. 1–18.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Е.В. КОЗЛОВОЙ

1918

1. Письма из «земного рая» (Аскания-Нова) // Бюл. Харьк. о-ва любителей природы. № 1. С. 1–6.

1923

2. Аскания-Нова. Зоопарк в южно-русских степях. Петроград: Изд-во «Начатки знаний». 132 с.

1929

3. Contributions to the ornithological fauna of Central Asia // Ежегодн. Зоол. музея АН СССР. Т. 29 (1928). С. 271–278.

1930

4. Птицы Юго-Западного Забайкалья, северной Монголии и центральной Гоби. Л. 397 с. (Мат-лы комис. АН СССР по исслед. Монг. и Тувинск. Нар. Респ. и Бурят-Монг. АССР. Вып. 12).
5. Zur Biologie von *Pratincola insignis* Blyth // Докл. АН СССР. № 7. С. 175–178.

1932

6. Птицы высокогорного Хангая по наблюдениям зоологического отряда Монгольской экспедиции 1929 г. Л. 93 с. (Тр. Монг. комис. АН СССР. № 3).
7. The birds of South-west Transbaikalia, Northern Mongolia, and Central Gobi // Ibis. Vol. 2. P. 316–347, 405–438, 567–596. (Окончание вышло в 1933 г., см. № 10).

1933

8. Птицы и промысловые млекопитающие восточного Кентея. Л. 48 с. (Тр. Монг. комис. АН СССР. № 10).
9. К биологии ласточек // Природа. № 5/6. С. 120–122.
10. The birds of South-west Transbaikalia, Northern Mongolia, and Central Gobi // Ibis. Vol. 3. P. 59–87, 301–332. (Начало вышло в 1932 г., см. № 7).

1934

11. On the forms of *Leucosticte arctoa* (Pall.) // Ibis. Vol. 4. P. 292–301.

1935

12. Отряд Gruiformes — Журавлеобразные. Л.; М. 40 с. (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 17).
13. Зимовка птиц на Талыше. Баку. 124 с. (Тр. Азерб. фил. АН СССР. Сер. зоол. Вып. 23). Совместно с А.Я. Тугариновым.

1936

14. Über das Vorkommen des Garten-Baumläufers (*Certhia brachyactula*) im Kaukasus // Ornithol. Monatsber. Jg. 44. N 1. S. 24–25.

1938

15. Жизнь птиц на зимовке в Кызылагачском заповеднике им. С. М. Кирова. М.; Л. 109 с. (Тр. Азерб. фил. АН СССР. Сер. зоол. Вып. 36). Совместно с А.Я. Тугариновым.
16. Перелёты птиц // Наука и жизнь. № 11/12. С. 65–71.
17. Field observations on the breeding of the Herring-gull (*Larus argentatus ponticus*) on the Caspian sea // Ibis. Vol. 2. P. 245–254.

1939

18. Географическая изменчивость обыкновенной чечевицы *Erythrina erythrina* в связи с историей расселения вида // Бюл. МОИП. Т. 48. Отд. биол. Вып. 2–3. С. 63–70.

1940

19. Общий обзор орнитофауны Центральной Азии // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. Т. 72. Вып. 4–5. С. 679–689.
20. Работа по изучению поведения птиц // Природа. № 3. С. 80–82.
21. Птицы-носороги // Наука и жизнь. № 11/12. С. 90–92.

1941

22. Индивидуальная изменчивость варакушки *Cyanosylvia svecica* (L.) и вероятные пути её эволюции // Рефераты работ учреждений Отделения биологических наук АН СССР за 1940 г. М.; Л. С. 182, 183.
23. Вероятная история происхождения и расселения чистиковых (сем. Alcidae) // Рефераты работ учреждений Отделения биологических наук АН СССР за 1940 г. М.; Л. С. 214, 215.

1945

24. Индивидуальная изменчивость варакушки [*Cyanosylvia svecica* (L.)] и вероятные пути её эволюции // Зоол. журн. Т. 24. Вып. 5. С. 299–308.
25. Таджикский фазан // Рефераты работ учреждений Отделения биологических наук АН СССР за 1941–1943 гг. М.; Л. С. 148–149. (Совместно с А.Я. Тугариновым).

26. Таджикский фазан // Изв. Тадж. фил. АН СССР. № 6. С. 7–35. (Совместно с А.Я. Тугариновым).

1946

27. Связь между образом жизни птиц и направлением развития их летательного аппарата // Изв. АН СССР. Отд. биол. наук. № 4. С. 403–414.
28. К филогении тибетской саджи *Syrrhaptes tibetanus* Gould // Докл. АН СССР. Т. 51. № 4. С. 321–324.

1947

29. Гагарообразные, трубконосые // Фауна СССР. Птицы. Т. 1. Вып. 3. М.; Л. С. 11–125.
30. On the spring life and breeding habits of the Pheasant (*Phasianus colchicus*) in Tadjikistan // Ibis. Vol. 89. P. 423–428.

1949

31. Творческий путь Аркадия Яковлевича Тугаринова // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 8. С. 627–637.
32. Оседлые и кочующие птицы южных склонов Гиссарского хребта // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 8. С. 750–782.

1950

33. Филогенетические отношения земляных и горных вьюрков рода *Montifringilla* // В кн.: Памяти акад. П.П. Сушкина. М.; Л. С. 209–214.
34. Формирование летнего комплекса птиц на островах Каспийского моря // В кн.: Памяти акад. П.П. Сушкина. М.; Л. С. 288–300.

1951

35. Введение (Краткая характеристика класса птиц. Главнейшие черты внешнего строения птиц. Образ жизни птиц. Кочёвки и миграции птиц. Географическое распространение птиц. Происхождение птиц. Классификация) // В кн.: Птицы СССР. Ч. 1. М.; Л. С. 6–23 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 39).
36. Отряд *Colymbiformes* (=Pygorodes) – Гагарообразные // В кн.: Птицы СССР. Ч. 1. М.; Л. С. 31–41 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 39).
37. Отряд *Procellariiformes* – Буревестниковые, или Трубконосые // В кн.: Птицы СССР. Ч. 1. М.; Л. С. 41–54 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 39).
38. Отряд *Gruiformes* – Журавлеобразные // В кн.: Птицы СССР. Ч. 1. М.; Л. С. 242–269 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 39).

39. Отряд Anseriformes – Пластинчатоклювые // В кн.: Птицы СССР. Ч. 1. М.; Л. С. 90–156 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 39). Совместно с А.Я. Тугариновым.

1952

40. Авифауна Тибетского нагорья, её родственные связи и история // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 9. С. 964–1028.
41. Гагарообразные. Отряд Colymbiformes // В кн.: Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР. Т. 1. Птицы. М. С. 19–28.
42. Журавлеобразные. Отряд Gruiformes // В кн.: Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР. Т. 1. Птицы. М. С. 169–190.

1953

43. Подотряд Alcae – Чистиковые // В кн.: Птицы СССР. Ч. 2. М.; Л. С. 177–217 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 49).
44. Отряд Columbiformes – Голубеобразные // В кн.: Птицы СССР. Ч. 2. М.; Л. С. 217–253 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 49).
45. Отряд Charadriiformes – Ржанкообразные. Подотряд Charadrii – Кулики // В кн.: Птицы СССР. Ч. 2. М.; Л. С. 5–132 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 49). Совместно с А.Я. Тугариновым.

1955

46. Пустынные ржанки Азии и их вероятная история // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 21. С. 419–424.

1956

47. К эволюции сезонных нарядов самца турухтана // Зоол. журн. Т. 35. Вып. 12. С. 1908–1910.

1957

48. Ржанкообразные. Подотряд чистиковые // Фауна СССР. Птицы. Т. II. Вып. 3. М.; Л. 144 с.
49. Соотношение периодов сезонных миграций с периодами линек у палеарктических ржанок // Тр. 2-й Прибалт. орнитол. конф. М. С. 153–158.

1959

50. Направление эволюционного процесса у куликов семейства ржанковых на основе строения черепа // Тезисы докл. 2-й Всесоюз. орнитол. конф. Ч. 1. М. С. 9–11.

1960

51. К методике изучения истории региональных орнитофаун // Тр. пробл. и тематич. совещаний Зоол. ин-та АН СССР. Вып. 9. С. 56–60.
52. Новые ископаемые птицы из юго-восточной Гоби // Тр. пробл. и тематич. совещаний Зоол. ин-та АН СССР. Вып. 9. С. 323–329.

1961

53. Ржанкообразные. Подотряд кулики. Ч. 2 // Фауна СССР. Птицы. Т. II. Вып. 1. М.; Л. 501 с. (Часть 3 вышла в 1962 г. см. № 55).
54. Направление эволюционного процесса у куликов семейства ржанковых (Charadriidae) на материалах строения черепа // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 29. С. 183–212.

1962

55. Ржанкообразные. Подотряд кулики. Ч. 3 // Фауна СССР. Птицы. Т. II. Вып. 1. М.; Л. 433 с. (Часть 2 вышла в 1961 г. см. № 53).

1966

56. Родственные отношения между видами завирушек семейства Prunellidae и возможная история их расселения // Зоол. журн. Т. 45. Вып. 5. С. 706–716.

1967

57. Discovery of the nesting of the Sharp-tailed Sandpiper // Emu. Vol. 66. Pt. 3. P. 252.

1968

58. Родственные связи и вероятная история фоновых видов птиц зональных пустынь и степей Центральной Азии // В кн.: Отчётн. научн. сессия Зоол. ин-та АН СССР по итогам работ 1967 г. Тезисы докл. Л. С. 3–4.

1969

59. Родственные связи соколов-балобанов и кречета и вероятная история их расселения // Зоол. журн. Т. 48. Вып. 12. С. 1838–1851.
60. Класс птицы // Зоология. Учебн. для 6–7 кл. средн. школы. М.: «Просвещение». С. 156–202.

1970

61. Расселение фазана *Phasianus colchicus* L. в пустыни Центральной Азии // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 47. С. 9–18.

1974

62. Константин Алексеевич Юдин (к 60-летию со дня рождения) // Орнитология. Вып. 11. С. 428–430. Совместно с И.А. Нейфельдт и Б.В. Некрасовым.

1975

63. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии. Л. 248 с. (Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 59).

1981

64. Направление эволюционного развития признаков полового диморфизма рогатых жаворонков как основа для понимания истории расселения рода // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 102. С. 56–61.

ЛИТЕРАТУРА О Е.В. КОЗЛОВОЙ

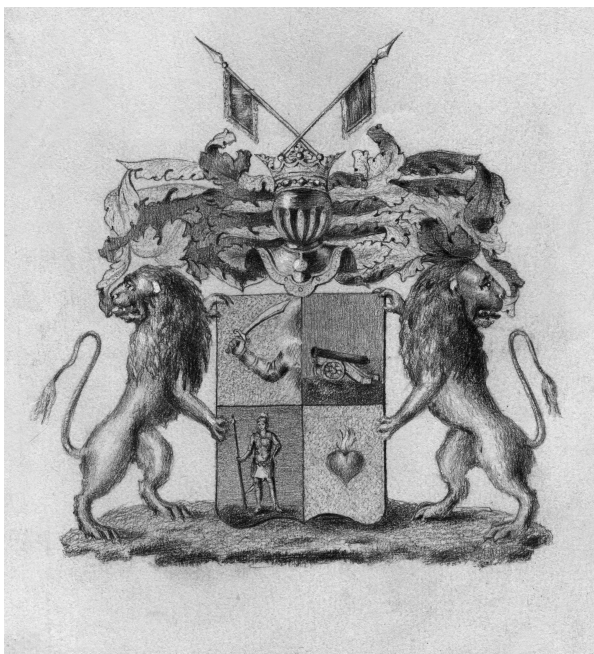
1. *Гнатюк Т.Ю.* Дневник в начале долгой жизни // Автобус. Петербургский детский исторический журнал. 2004. № 3. С. 2–6.
2. *Гнатюк Т.Ю.* Е.В. Козлова. Русская путешественница в Монголии // Altaica VIII. М.: ИВ РАН, 2003. С. 49–59.
3. *Иванов А.И.* Исследователь орнитофауны Центральной Азии — Е.В. Козлова // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1975. Т. 59. С. 249–250.
4. *Иванов А.И., Юдин К.А.* Елизавета Владимировна Козлова (к 70-летию со дня рождения) // Орнитология. 1963. Вып. 6. С. 493–494.
5. *Vannerman D.A.* Elizabeth V. Kozlova // Ibis. 1976. Vol. 118. P. 594.
6. *Ivanov A.I.* Elizabeth V. Kozlova // Ibis. 1976. Vol. 118. P. 127.
7. *Piechocki R.* Elizaveta Vladimirovna Kozlova zum 75 Geburtstag // Falke. 1967. Jg. 14. H. 11. S. 374–375.
8. *Piechocki R.* Elizaveta Vladimirovna Kozlova 1892–1975 // J. Ornithol. 1980. Bd. 121. H. 4. S. 419–420.

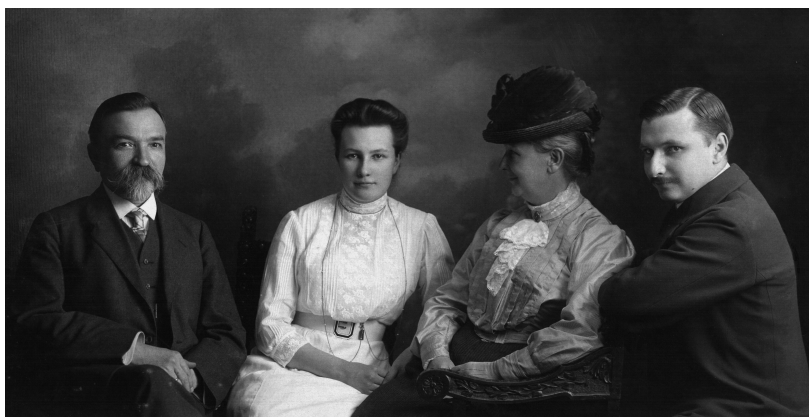
Лиля Пушкарёва

Елизавета Пушкарёва — гимназистка. Ок. 1909 г.

Герб рода Пушкаревых

Семейное фото. 1912 г.

Елизавета Владимировна с мужем П.К. Козловым. 1912 г.

Е.В. и П.К. Козловы после свадьбы. 1912 г.

Е.В. Козлова — сестра милосердия, с мужем. 1914 г.

Сотрудники орнитологического отдела Зоологического музея. 1923 г.
Слева направо: Л.А. Портенко, Л.М. Шульпин, П.П. Сушкин, Н.Н. Сушкина,
Б.К. Штегман, П.В. Серебровский, Е.В. Козлова, А.Я. Тугаринов, А.И. Иванов

Е.В. Козлова — участница Монгольской экспедиции П.К. Козлова. Сер. 1920-х гг.

В Монгольской экспедиции П.К. Козлова

Е.В. Козлова — начальник Зоологического отряда
Монгольской комиссии АН СССР. Монголия. 1931 г.

Е.В. Козлова. Новоалексеевка, Ленкорань. 1934 г.

Е.В. Козлова и немецкий орнитолог М. Штуббе

Монгольский писатель и учёный Ц. Дамдинсурэн в гостях у Е.В. Козловой.
Начало 1970-х гг.

В хранилище орнитологических коллекций Зоологического института

Дома, за рабочим столом. 1970-е гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

А.И. Андреев, Т.Ю. Гнатюк
Е.В. КОЗЛОВА — ПУТЕШЕСТВЕННИЦА,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АВИФАУНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ..... 5

Р.Л. Потапов
РОЛЬ Е.В. КОЗЛОВОЙ В ИЗУЧЕНИИ ФАУНЫ ПТИЦ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ..... 32

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е.В. Козлова
ПИСЬМА ИЗ «ЗЕМНОГО РАЯ» 51

Е.В. Козлова
ИЗ ЖИЗНИ ПЕВЧИХ ПТИЦ ПЕТРОГРАДА 57

ПИСЬМА АКАДЕМИКА П.П. СУШКИНА
Е.В. КОЗЛОВОЙ (1917–1928) 61

П.П. Сушкин
ПАМЯТКА ПО ОРНИТОЛОГИИ (1923) 79

В МОНГОЛИИ.
Из экспедиционного дневника Е.В. Козловой 1923–1926 гг. .. 83

Е.В. Козлова-Пушкарёва
МОНГОЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ П.К. КОЗЛОВА
1923–1926 гг..... 108

Список научных трудов Е.В. Козловой..... 127

Литература о Е.В. Козловой 132

Среди людей и птиц:
Орнитолог и путешественница
Е.В. Козлова
(1892–1975)

Корректор *Г.В. Засыпкина*
Компьютерная верстка *Л.А. Философова*
Дизайн обложки *Л.А. Философова*

Подписано в печать 15.07.2007. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Мусл.
Усл.-печ. 8,38. Тираж 300 экз. Заказ № 617.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., Розенштейна ул., д. 21
тел.: (812)622-01-23